

СМОТРИТЕЛЬ ХИЩНОГО ГОРОДА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

А. ВОРОБЕЙ

А. Воробей

Смотритель хищного города

«ЛитРес: Самиздат»

2020

А. Воробей

Смотритель хищного города / А. Воробей — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

ISBN 978-5-532-99459-1

Вы их видели? Жуткие твари! Их называют бездомными. У них нет дома, нет рассудка, нет памяти, нет души. Их души сожрал Город. С ужасом признаюсь, что мы сыграли в этом главную роль, когда вдохнули в него жизнь. Я знаю, как все началось, но не знаю, как все закончить. Скоро Город проглотит меня, и этому миру придет конец. Наша последняя надежда - эта странная девчонка. Что-то доставило ее сюда на пустом поезде, ни машиниста, ни пассажиров, ни даже рельсов. Это не может быть случайностью. Я связан обетом и могу дать лишь несколько жалких подсказок, но ей придется самой разгадать нашу тайну. Я уже чувствую, как меняюсь, и боюсь, что она не успеет. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-99459-1

© А. Воробей, 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	48
Глава 8	55
Глава 9	66
Глава 10	73
Конец ознакомительного фрагмента.	79

А. Воробей

Смотритель хищного города

Часть I

Глава 1

«Нормальным вход воспрещен» – возвещает надпись на тяжелой железной двери в Бункер. Черным углем по рыжей ржавчине. Буквы кривые и скособоченные, уродливые, но читаемые. Даже догадываюсь, кто это накорябал. Можно подумать, нормальные хоть когда-то появлялись здесь. Выстраивались в длинную очередь у входа, просились в гости или искали в подземных лабиринтах своих соплеменников. Черта-с два! Тот, кто сделал эту надпись, видимо, счел ее очень забавной. И мне не терпится отыскать человека с черными, перепачканными углем руками, чтобы задать ему пару вопросов.

Я иду по скупо освещенному коридору. Под ногами каменные плиты, уложенные плотно. Стены обернуты металлом, как шоколадная конфета фольгой. Легко представить, будто этот коридор прорыл гигантский червяк. Я могу коснуться обеих стен, вытянув руки, а потолок всего на локоть выше меня.

Электричество сбоит, и лампы над моей головой с треском перемигиваются. Эти спец-эффекты нагоняют жути на всех, кто время от времени заглядывает в Бункер. Такие перебои были, сколько я себя помню, а живу я тут уже давненько. Странно другое – откуда здесь вообще электричество, если внутри нет ни единого провода? Мы проверяли, вспарывали металлическую оболочку, разбивали каменную кладку, вытаскивали светильники. Проводов действительно нет. Как будто электричество просто течет по этим стенам. И вот еще что: за все эти годы не перегорела ни единая лампочка.

«Нормальным вход воспрещен» – всплывает в памяти идиотская надпись.

Будто в подтверждение, пустынный коридор выстреливает в меня оглушительным дребезжащим звоном и истерическим смехом, доносящимся из сердца Бункера. Жуткий гогот становятся все громче и громче и, стоит мне шагнуть в просторный зал, сразу проясняется, в чем тут дело. Два дьяволенка носятся с клюшками в руках, подбрасывают ими консервную банку, которая с омерзительным лязгом врезается в стены. У одного из хоккеистов, а я догадываюсь, что это именно хоккеисты, дуршлаг на голове, у другого к груди на скотч примотана ракетка для бадминтона, а на колени навязаны какое-то тряпье. На стенах нарисованы черные прямоугольники, и когда банка с шумом попадает в импровизированные ворота, поднимается такой визг, что мои барабанные перепонки болезненно скручивает.

«Нормальным вход воспрещен», – повторяю я про себя и подхожу к человеку с черными ладошками.

Он следит за игрой с какой-то глупой, почти блаженной улыбкой, и это говорит о том, что все происходящее доставляет ему крайнюю степень удовольствия. И я не удивлюсь, если зачинщиком был именно он.

– Что вы тут устроили? – спрашиваю.

Именно в этот момент две бестии замечают меня. Девочка лет шести приподнимает дуршлаг, сползший на нос, ее незабудковые глаза встречаются с моими, и буквально на секунду возникшую тишину в клочья разрывает дикий вопль. Она бежит ко мне и с разбегу насккивает. Я успеваю подхватить ее одной рукой, но она цепко держится, как самая натуральная обезьяна. Такая в жизни не свалится. Ее брат близнец ведет себя скромнее и лишь стесни-

тельно улыбается улыбкой, которой недостает двух передних зубов. Я очень рад, что он избегает тесных телесных контактов – это в значительной степени упрощает наше с ним общение. Я – далеко не самый дружелюбный на свете человек и не большой любитель детей.

Зачинщик всего этого безобразия тянет мне свою мерзкую перепачканную углем клешню для рукопожатия, но по моему взгляду сразу понимает, что лучше убрать ее куда подальше. Каждый раз, когда эти трое собираются вместе, Бункер ходит ходуном, у меня начинаются мучительные мигрени, а Кошка прячется в самых дальних углах.

– Волк, Волк, смотри, что нам Пит подарил! – верещит девчонка, висая у меня на пузе. – Хочешь, покажу, как я умею?!

Я, конечно, не хочу, но вопрос был чисто риторическим.

Малая соскакивает, поднимает с пола клюшку и с оглушительным воплем гонит банку к черному прямоугольнику на стене. Виски неприятно сдавливают. Морщусь и подхожу ближе к новоиспеченному Шишкину, который наверняка израсходовал не все запасы угля и еще порадует нас своими несносными шедеврами и не обремененными смыслом надписями.

– Давно тебя не было, – приходится говорить очень громко, чтобы он меня услышал.

– Бабушка болеет, – улыбка хоть и не до конца сходит с его лица, но передает мрачное настроение.

Коротко киваю. Его зовут Пит. Он полноправный обитатель Бункера, хоть и не живет тут постоянно, а появляется время от времени. Он похож на пуделя, которого коротко остригли везде, кроме головы, оставив пышную кудлатую шапку. И, судя по тому, как он все время ерзает и почесывается, – на блохастого пуделя. На нем широкие шорты, а сверху рубашка в клетку. Из нагрудного кармана торчит блокнотик и огрызок карандаша. Уголь я нахожу тоже. Уж не знаю, с какой стати Пит затолкал его в носок, видимо, решил, что это самое надежное место. А возможно, у художников так принято: карандаш за ухо, уголек в носки, акварельные кисточки в собранные в пучок волосы.

Старая консервная банка с грохотом влетает в самую середину прямоугольника, девчачий визг «ГОООЛ» простреливает висок навывлет. Пит, как самый ярый болельщик, начинает скакать, размахивать руками и истошно орать. Если бы мне не приходилось зажимать уши руками, я бы его так трахнул об стену, что из глаз посыпались искры, но, боюсь, в этом случае полная глухота до старости мне обеспечена.

Бегство – не самый достойный способ избежать неприятной компании, но я убежден, что вдоволь насладился обществом этой троицы.

– Куда вы дели Кошку? – спрашиваю, когда они, наконец, затихают.

– Никуда, – Пит пожимает узкими почти детскими плечами. – Мы с ней пили кофе, обсуждали устройство вселенной и последние открытия в исследовании темной материи, как вдруг появились близнецы. Я сразу вспомнил, что откопал старые клюшки в прошлую вылазку... кстати, я же тебе не рассказывал?

В его глазах вспыхивает хищный огонек, как у коршуна, заметившего добычу, а значит, у меня есть около секунды, чтобы его остановить, но я не успеваю этого сделать. Пит опережает меня и уже ведет свой исключительно интересный сказ о том, как он ходил в Город, заблудился в пустых кварталах, нарвался на преследователей, жаждущих его отлупасить, ловко от них удрал, а в завершении раздобыл еще и пару клюшек, неизвестно кем брошенных на старой свалке. В это же время Малая хватает меня за руку и тянет поиграть с ней. Ее брат молча стоит у стены, но я все равно воспринимаю его, как часть этой шумной выносной троицы, возможно, от того, что просто не могу отчленить его от Малой и начать воспринимать, как отдельного самого-по-себе существующего человека. Приходящие в Бункер время от времени всегда чрезмерно энергичны в отличие от нас, долгожителей. И этим они нас чертовски утомляют.

– А ну цыц! – обрываю этот невыносимый гвалт. – Угомонитесь! Куда пошла Кошка? Отвечать быстро и четко!

– Ты же всегда тут с ней! – Малая мгновенно обижается, ее глаза превращаются в дрожащие лужицы небесного цвета. – А мы скоро уйдем! Это не честно!

Малая – высококонцентрированный сгусток милоты, которому сложно отказать, не обладая ледяным сердцем и черствой душой, коими, по счастливому стечению обстоятельств, я с лихвой одарен. Она похожа на котеночка, которым люди не перестают умиляться. И если ей это к лицу, то мальчик с тем же комплектом данных выглядит неестественно слащаво и портит впечатление о себе еще до того, как ты узнаешь его получше. Одним словом, мне его жаль, хотя вот Пит завидует. Говорит, что с такой внешностью, он стал бы всемирным любимчиком.

Слезы маленькой девочки меня не пробирают. Опускаю дуршлаг ей на нос и шагаю прочь. Пит начинает что-то возмущенно верещать о жестокосердии серийных убийц и непринятии ими дружеской теплоты и нежности. Мне уже хочется прикончить его, а скальп повесть на стеночке, добавив к мрачной коллекции серийного убийцы. Уверен, Пит не сомневается в том, что она у меня есть.

«Нормальным вход воспрещен»

– Да, и надпись сотри! – говорю напоследок таким тоном, что и сам готов поверить в то, что если этой коллекции у меня пока нет, то она непременно вскоре появится.

Нахожу Кошку в курилке. Судя по бычкам в пепельнице, она тут уже давно и не собирается выходить, пока шум не прекратится. На столике рядом две кружки кофе, значит кого-то ждала. Меня или Сумрака?

– Вернулся? – спрашивает она, будто мое телесное присутствие не является полным доказательством сего факта.

– Вернулся.

Падаю на кушетку и кладу голову на ее острые коленки.

Непонятно чей кофе мне не хочется, тем более он уже остыл. Я хочу покоя и тишины, и чтобы перестало стучать в висках. Кошка, как самая настоящая кошка, всегда знает, где у кого болит и может убрать боль одним прикосновением. Она проводит холодными пальцами по моему лбу и волосам, становится значительно легче. Лежу с закрытыми глазами. Мне хорошо.

– Эти черти снова здесь, – слышу, как она затягивается, стряхивает пепел, а затем прикладывает сигарету к моим губам.

Курилка – только для нее. Сумрак и Пит не курят, а близнецам сюда даже подходить запрещено. Я могу время от времени, за компанию, но на этой стороне курение мне кажется отвратительным занятием. По-моему, в местных сигаретах есть все: солома, пожелтевшие газеты, навоз, еловые иголки, голубиный помет с чердаков, в общем, все, что угодно, только не табак.

Фильтр сигареты влажный, я чувствую вкус ее губ, и он мне нравится. Он перебивает вкус едкого дыма, которым медленно наполняются легкие. Кошка отнимает руку резко и меня пронзает ощущение оборванного поцелуя.

– Не понимаю, почему Сумрак их пускает? – спрашивает она на выдохе.

– У него на этот счет своя философия, ты же знаешь, – усмехаюсь я. – Вообще, они неплохие, просто, наверное, немного дети.

Кошка недовольно фыркает:

– Волк, они гоняют консервную банку по Бункеру! Как будто на улице для этого мало места! А на прошлой неделе, что они сотворили? Приготовили раствор для мыльных пузырей, между прочим, из нашего мыла и шампуня, добавили каких-то красок. Рассказать тебе, сколько я потом отмывала разноцветные разводы с дивана и ковров?

Беру ее руку и кладу себе на лоб, прикрывая глаза. Мне кажется, это достаточно понятное послание, говорящее о том, что я больше не хочу ничего слышать о близнецах, и их под-

рывной деятельности. Еще несколько фраз на повышенных тонах обеспечат мне головную боль до конца дня.

Кошка все понимает, мгновенно меняет тему разговора:

– Куда ты ходил?

– В Город.

– А поточнее?

Открываю глаза, вижу над собой ее лицо. На нижней губе трещинка, которая зажила бы быстрее, если бы Кошка то и дело не облизывала ее и покусывала. Фиолетовая косо подстриженная челка спадает и закрывает один глаз, и я смотрю в тот, что мне виден. Широкий зрачок, а вокруг зеленое в крапинку, один-в-один змеевик из которого сделано ее украшение на шее. Огромные кошачьи глаза и легкий румянец потрясающе смотрятся на бледной фарфоровой коже. Маленький рот притягивает к себе мой взгляд. Ее губы пухлые и красные, словно их только что страстно целовали. Но я знаю, что вовсе не поцелуи сделали их такими. Кровь, горячая, густая, неприятный привкус на языке, привкус греха и стыда. Меня затягивает влажная пустота ее рта, и я почти ощущаю этот запах, этот вкус. Почти знаю, каково это. Почти вижу, как они это делают. Кружка остывшего кофе на столе. Конечно, она стоит здесь не для меня, а для него. Ну конечно.

Кошка поспешно прикладывает сигарету к губам, пряча их за длинными пальцами. Ее щеки полыхают красным. Она поняла, что я только что все узнал.

– Так с кем ты встречался? – вместе с вопросом из ее рта вырывается облако дыма, и мне приходится зажмуриться.

– С Локи.

Больше она ни о чем не спрашивает. Ее раздражают вопросы. Она не любит их задавать и еще меньше любит на них отвечать. Словно приставучих кусачих блох, вычесывает и сбрасывает со своей шерсти. Но мне есть, о чем спросить, и чем дольше наш разговор откладывается, тем паршивее мне становится.

– Кэт, – начинаю я, но она снова прикладывает сигарету к моим губам.

Я затягиваюсь.

Так элегантно меня еще никто не затыкал.

Бункер похож на многорукое и многоногое чудовище. Лабиринты его коридоров бесконечно ветвятся под Городом, образуя гигантскую паутину. Кошка говорит, что, если бродить там слишком долго, можно сначала забыть свое настоящее имя, потом потерять свою тень и уже никогда не найти оттуда выход. Эти ее страшилки Пит просто обожает! Каждый раз, когда мы идем обследовать путанные коридоры, он впадает в неопишуемый восторг. Ему нравится собирать рюкзак, набивая его всяким хламом, типа, горелки, спальника, непромокаемых спичек, компаса, варежек, сигнальных ракет. Будто нам предстоит восхождение на Эверест. Его шея увешана амулетами от призраков, вампиров, оборотней, мертвецов, тоннельных жителей и демонов. Однажды он и мне их сделал, но я сказал, что в случае встречи с мертвецами, буду отбиваться его рюкзаком или им же самим, и да помогут ему амулеты. Пит обиделся и подарил эти бесполезные висюльки близнецам. Малая была безумно рада.

Сразу скажу: Бункер мы недооценили. Нам казалось, что мы быстро пройдем ветвь коридоров, обнаружим несколько новых помещений, хранящих какие-либо запасы еды и вещей на случай катастрофы. Однако за все годы мы не то чтобы не дошли до конца, мы так и не наткнулись ни на один тупик. Коридоры, развилки, повороты, снова развилки – и так до бесконечности. Понятия не имею, кто это построил и с какой целью, но я бы назвал это место “Лабиринт смерти”, потому что, войдя в него, едва ли сумеешь найти отсюда выход. Чтобы хоть как-то ориентироваться, мы рисуем карту и оставляем пометки на стенах, которые помогают не сбиться с пути. Иногда нам попадаются странные предметы, типа складного ножа или

блокнота с записями. Чьи они мы так и не узнали, но стало совершенно ясно, что кто-то тут уже был до нас. А может, блуждает в мрачных лабиринтах до сих пор, потеряв имя и тень.

Мы идем где-то под северо-западной частью Города. Я считаю шаги, чтобы примерно определить длину коридора и отметить это расстояние на карте. Пит плетется справа, держит фонарик. Его рюкзак бренчит и плюхает. Меня раздражает весь этот шум, который подхватывается стенами и эхом уносится вдаль в бесконечную кроличью нору.

– Зачем ты вечно таскаешь с собой это барахло? – ворчу я.

– Если мы вдруг заблудимся, не проси поделиться едой и не подсаживайся к моему костру! – шипит он на меня, как разъяренная росомеха.

Пит безнадежен. Невозможно ему что-то доказать или переубедить. Если он вбил что-то себе в голову, то проще это принять. Ни в коем случае не спорить. Спорить он может до бесконечности. Если у него закончатся доводы, он выдумает новые. Как-то раз я проснулся от того, что он ворвался в мою комнату и начал с жаром что-то доказывать, подняв тему, о которой мы спорили две недели назад. В тот день он хорошо запомнил одну вещь – длину моих ног. Сразу после того, как я, не вставая, впечатал его в стенку напротив кровати. Между прочим, перед этим я слушал его пламенную речь, сдобренную нелепыми аргументами и вымышленными фактами минут десять, накрыв голову подушкой. Только потом не выдержал. Не представляю, что будет, когда он переберется к нам окончательно.

– Эй, что это?!

Пит направляет фонарик вниз, на полу что-то ярко отблескивает.

Мы подходим ближе и видим аккуратно разложенные наручные часы. Кожаный ремешок на краях протерся, механизм заводной, но, как ни странно, часы еще работают и, готов спорить, показывают правильное время. Не понятно оставили их тут недавно или уже очень давно. Неужели кто-то ходит сюда и подкручивает пружину? Еще одной чертовщиной больше! На металлической спинке гравировка: «К.М.» Кто этот загадочный К. М.? Откуда он здесь взялся? Как сюда попал? Как долго пробыл тут?

– Слушай, – говорит Пит, прерывая мои размышления. – А если он до сих пор здесь?

Смотрю на него, как на психа. Сколько, по его мнению, можно бродить в этих коридорах и не умереть от жажды и голода?

– Тогда тебе точно пригодится один из этих дурацких амулетов, – признаю я.

Пит оскорбляется до глубины души, щурит глаза и смотрит презрительно, но я чересчур толстокож для каких-то там презрительных взглядов. Мне все равно.

Отмечаю крестиком место, на котором лежали часы. Возможно, это важно. Возможно, кто-то специально оставлял за собой след, чтобы привести нас к чему-то. Интересно, к чему?

Впереди развилка. Досюда мы еще не доходили.

– Знаешь что, я не параноик! – не унимается Пит. – Тут явно кто-то есть! Вот сейчас увидим кто из нас двоих придурок!

Он достает из рюкзака гаечный ключ (его то он зачем прихватил) и начинает отстукивать по стене морзянку: «Постучите три раза». Железный коридор проглатывает металлический звон и уносит вдаль, мне делается не по себе. Хватаю Пита за ворот и оттаскиваю от стены:

– Не трогай это место!

Пит смотрит на меня испуганно и кивает. Он тоже что-то почувствовал.

Воздух вокруг нас электризуется. Волоски на руках, будто намагниченные, встают дыбом. Скверный знак. Крайне скверный.

Пит направляет луч света вперед, но тот тонет в темноте. Да, я знаю, как это звучит. Свет не может тонуть в темноте, луч света с легкостью разрежет любую тьму, но только не бункерную. Бункерная тьма словно всасывает свет. Заглатывает его в себя, как абсолютно черное тело, поглощающее все падающее на него электромагнитное излучение. Любого фонарика хватает на несколько метров, а дальше его свет рассеивается и пропадает в сокрушительной черноте.

В черноте, в которую еще никто из нас не отважился шагнуть. Потому что она, кажется, может проглотить любого из нас с той же легкостью.

Мы решаем, что наша экспедиция на сегодня окончена и надо возвращаться, как вдруг подземный коридор выкашливает на нас три приглушенных удара.

Я не из пугливых, но даже у меня отвратительные, колкие мурашки расползаются по коже. Пит замирает в оцепенении.

До нас доносятся новые постукивания, на этот раз ближе.

– Волк, ты это слышишь? – Пит трясется и пятится назад.

Конечно слышу, я же не глухой! В коридоре кто-то есть. И этот кто-то подбрасывает нам вещи, бродит по нашему Бункеру, понимает азбуку Морзе и отвечает нам стуком. Или... это сами стены стучат нам в ответ?

– Так, – не выдерживает Пит. – Пошли уже отсюда!

– Вот еще!

Я живу здесь много лет и давненько мне не было так любопытно, как сейчас. Черта с два я двинусь с этого места, пока не встречу с загадочным К. М., кем бы он ни был.

Стук раздается чаще и ближе.

– Волк, ты спятил! Точно спятил! Валим!

Пит топчется на месте и начинает перебирать амулеты, не зная какой именно ему понадобится, в итоге собирает их в одну горсть и сжимает в кулаке. Я не могу не поддеть его:

– Надеюсь, у тебя имеется амулет, делающий штаны непромокаемыми?

Это действует безотказно. Пит страшно оскорбляется, сбрасывает рюкзак с плеч и встает в героическую позу, широко расставив ноги. Прямо-таки грозный воин Мрачных Подземелий. Залюбуешься!

Стук раздается в последний раз совсем близко и смолкает. В повисшей тишине я могу услышать, как бьются наши сердца.

Минуты дрожат от напряжения, растягиваются, становятся гудящими и мелко вибрирующими. Я чувствую капельку пота, сползающую по виску. От Пита несет страхом, а чужой страх всегда пробуждает во мне хищнические инстинкты. Слишком долго ничего не происходит.

– Я пошел, – говорю я и выхватываю фонарик из его рук.

Пит пытается поймать меня за рукав и остановить, но безуспешно.

Правый коридор. Звук точно шел оттуда. Нашего фонарика не хватает, чтобы осветить длинную кишку тоннеля, но мне не нужен свет, мне вообще не нужны глаза. Зажмуриваюсь, выключаю все посторонние шумы в голове и начинаю ловить частоты, прощупывать поля и собирать информацию этого места. Живой человек здесь один – я сам. Это абсолютно точно. Мне не хватает каких-то секунд распознать тонкие вибрации, витающие в воздухе, как вдруг три сокрушительных удара разносятся прямо над моей головой. Я инстинктивно подсаживаюсь и скидываю голову, пытаюсь увидеть, что это. Свет фонарика моргает в предсмертной судороге и гаснет.

Мы оказываемся в крошечной тьме подземных коридоров.

Чернота сжимает нас. Плотно, удушающе. Затекает в уши и глаза, и я не понимаю, открыты они или закрыты. Я вдыхаю тьму, чувствую, как она заполняет легкие и желудок, смешивается с кровью в тонких сосудах, растекается по моим жилам.

Пит парализован и не может даже закричать. Тишина вдруг взвизгивает жутким скрежетом, а в следующую секунду фонарик снова зажигается. В выжелченном кругу света вижу две буквы, процарапанные на старом железе, словно чем-то металлическим и тонким: «ЯР». Я замираю, околдованный этими буквами. Какого хрена на стене мое имя?! Откуда Бункер вообще знает мое имя?! Чья это идиотская шутка?

– Что еще за “ЯР”?! – Пит трясет меня за руку. – Что за чертовщина тут творится?

Если и шутка, то явно не Пита. Он не знает моего настоящего имени, хоть розыгрыш в его стиле.

– Пошли, – говорю, не в силах оторвать взгляд от букв, задаваясь немymi вопросами, не находя ответов. – Нам лучше вернуться.

Многие спрашивают, как нам живется в Бункере. Не скучаем ли мы по солнечному свету? Не угнетает ли нас серый камень и холодный металл? Не хотим ли мы уюта и домашнего тепла? Наверное, хотим. Именно поэтому мы обустроили общую гостиную, в которую каждый внес свою лепту и добавил то, что было ему по душе. Пит приволок старые ковры, из которых мы замучились выбивать пыль, но все-таки они заняли свое место на каменном полу. Я вынес из одной хаты диван и два кресла, практически получив на это согласие хозяев. Близнецы целый день вырезали из цветной бумаги горы, солнце, небо, приклеили на стены, и так у нас появились веселенькие окна, а потом к ним подобрались и шторы. Кошка натаскала подушек, пледов, треснутых ваз. Как-то незаметно мы обросли шкафом, старыми книгами, безногими табуретами и стульями, вдобавок, практически новым столом. Сумрак не питал таких нежных чувств ко всякому изжившему себя хламу с чужими историями, поэтому купил в магазине магнитофон, чайный сервиз и аквариум с рыбками. Рыбки полюбились всем. Мы давали им имена, кормили и страшно горевали, когда кто-то из них погибал. Устраивали торжественные похороны над Бункером в поле. А гибли они, надо заметить, частенько и в итоге осталась только одна золотая рыбка по имени Фред. Фред долго жил один в пустом аквариуме и, почувствовав простор, разжирел и отрастил роскошный вуалевый хвост. И, хотя, мы засомневались в том, что он это он, а не она, имя менять не стали, и рыбку по-прежнему звали Фред.

Пит вбегает в гостиную и сходу начинает рассказывать, что с нами приключилось. Он хочет, чтобы все слышали его версию, а не мою. Его, разумеется, более красочная, а из моей может выясниться, как он струхнул. Интересно, с каких это пор он считает меня стукачом и болтуном?

Все слушают с интересом. Все – это Сумрак, Кошка, близнецы и Локи. Локи – один из местных Смотрящих. Самый хитрый и опасный из всех, кого я знаю. Он старожил, как и мы. Когда мы встретились впервые, он был безымянным юнцом, подрабатывал на заправке. Помню, я дал ему тогда четвертак с мелочью, а теперь он платит мне. С годами Локи подмял под себя пятый квартал и сделал состояние сначала на игровых автоматах и незаконном обороте алкоголя, а сейчас в его руках чуть ли не весь легальный бизнес Города. Выглядит он потрясающе: на нем малиновая фетровая шляпа и такого же цвета рубашка. Темно-синий смокинг ручной работы из шелково-шерстяной ткани с черным цветочным мотивом сидит идеально, как и все, что он на себя напяливает. В руках трость из розового дерева, отполированная до блеска. Снаружи он гораздо красивее, чем изнутри. Иногда мне хочется выпотрошить его и доказать, что я прав.

Ловлю на себе обеспокоенный взгляд Кошки. Ей не нравится, что я веду дела с Локи, и встреча с призраком тоже не по душе. А как меня рассматривает Сумрак – это отдельная история. Его взглядом можно разрезать металлическую оболочку подземелий и меня удивляет, как еще он не вспорол мне кожу и не залил Питовские ковры кровью. Но когда он отворачивается, делается совсем тошно. Потому что он обо всем узнал и не счел нужным поделиться. Эта штука, что встретила нас в Бункере, прикоснулась ко мне, оставила свой невидимый отпечаток, и ему хватило одного этого едва уловимого следа, чтобы понять, с чем мы столкнулись. Сумрак, мать его, – бог этого места. Настолько всемогущий и всеведущий, что невольно начинаешь следить за тем, как он дышит, как ест, припоминаешь, когда у него в последний раз был насморк, интересуешься спал ли он и видел ли сны. В общем, начинаешь параноить и делать все, что угодно, чтобы удостовериться, что он все еще человек и сделан из того же, из чего и мы все.

– Мало нам городских приключений, так теперь еще и в Бункере нет никакого спокойствия! – заканчивает свой рассказ Пит. – Не знаю с чем мы столкнулись, но эта штуковина все еще там и, возможно, не одна!

– Какая увлекательнейшая история! – восторгается Локи. С ним никогда не понятно искренен он или притворяется. – Призраки и демоны – это так захватывающе!

– А я говорила вам не шастать там! – скандалит Кошка. – А если это один из Безымянных? А если он придет ночью и задушит меня во сне?!

– Я сделаю тебе охранный амулет! – обещает Пит покровительственно.

Близнецы начинают верещать наперебой, что им тоже, конечно же надо, и Малой обязательно с голубым камушком внутри, и чтобы вот такие завитушки вокруг и на блестящем шнурочке. Из-за их воплей практически не слышно Локи.

– Питпэн, сделаешь и мне один? – просит он. – Уж я в долгу не останусь.

Я не желаю ничего слышать про эти амулеты. Особенно после того, как ни один из них не сработал.

– Локи, ты ко мне пришел? – спрашиваю.

– Да, – он поднимает свой тощий зад с продавленного дивана. – Посекретничаем?

Глава 2

Локи любит красивые яхты и спортивные автомобили, женщин, показы мод, гепардов, швейцарские часы, Карибское море, одежду haute couture. А не любит он, когда ему угрожают. Этому парню противна сама мысль, что он может внезапно лишиться какого-либо из доступных ему благ этого мира. Его империя не может рухнуть. Его жизнь не может стать другой.

На мне униформа коридорного – алая с золотыми вставками. Я толкаю перед собой тележку, на ней блюдо и шампанское в ведерке со льдом.

Захожу в служебный лифт, не успеваю нажать на кнопку, как в кабинку заскакивает горничная. Дверцы закрываются, и мы плавно поднимаемся вверх. Девушка бросает на меня мимолетный взгляд, ее губы подрагивают в стеснительной улыбке. Хотя в этом нет никакой необходимости, замечаю и запоминаю детали: родинка над правой бровью; маленькая татуировка за ухом такая маленькая, что можно и не заметить; волосы крашенные, свой цвет миллиметра три от корней; сломанный ноготь на большом пальце; зеленые линзы; униформа идеально чистая и идеально выглаженная; на колене тонкий шрам; чулки почему-то не того цвета, что положено надевать горничным. Один мимолетный взгляд – точный портрет незнакомца у меня в голове. Я делаю это неосознанно, по привычке, еще с тех пор, как учился в академии МВД. Там нас заставляли видеть и запоминать детали, я оттачивал свое мастерство год за годом, и сейчас у меня уходит меньше минуты, чтобы досконально осмотреть человека и запомнить все в мельчайших подробностях. Как правило, в этом нет необходимости, но бывают и исключения из правил.

Несмотря на избыток свободного пространства, горничная стоит близко, прижавшись к моему плечу. Она смотрит в пол, бросает короткую фразу на жгучей смеси мексиканского и английского, кажется, пожелание хорошего дня. Вежливо отвечаю. На шестнадцатом этаже девушка выходит.

Я еду выше.

Президентский люкс сияет. Хрусталь, шелк, позолота, все блестит, да так, что глазам больно смотреть. Когда-то я мечтал об этом. Жаждал роскоши и богатства, но сейчас, находясь в самом знаменитом отеле западного полушария, я испытываю лишь легкую неприязнь. Для меня любые вещи этого мира – это просто вещи. Я бы хотел сказать, что бесценна лишь сама жизнь, но... у смерти есть цена и у жизни тоже, именно поэтому я делаю то, что делаю.

Захожу в ванную комнату. Она вся отделана мрамором высшего качества. Над умывальником огромное зеркало в раме инкрустированной драгоценными камнями. Сама ванна наполнена пышной пеной и из белой искрящейся шапки торчит одна лишь голова. В общем, только она мне и нужна.

Нащупываю под столешницей тележки пистолет. Я не проверял его заранее – у Локи оплошностей не бывает. Если он сказал, что оружие будет в полной боеготовности, значит так и будет. В противном случае ему самому конец.

Холодный металл скользит в ладонь. Схватив рукоять, сразу понимаю, что это за пистолет. В моей руке стальной шестидюймовый Дезерт Игл с глушителем. За несколько минут, что я пробыл в президентском номере, мне впервые есть на что посмотреть – он впечатляет. В отличие от всех прочих безделушек, в нем есть особая сила – с его помощью можно изменить чью-то жизнь. А можно отнять.

Пуля вылетает бесшумно. Все происходит настолько быстро, что моя жертва не успевает ничего понять. Подхожу к краю ванны, осматриваю кровавые ошметки на стене, убеждаюсь, что дело сделано, бросаю пистолет в воду.

Теперь можно позвонить.

– Готово, – говорю я, как только на том конце берут трубку.

– Bravo! Можешь ехать к своей принцессе, деньги я уже перевел.

Ускользнуть из гостиницы проще простого. Я не боюсь камер, не боюсь полиции и здешних законов. К счастью, они не распространяются на того, кто уже мертв. А мертв я очень давно и надежно. Я – призрак. Человек-невидимка, возникающий из пустоты и туда же пропадающий. Я – идеальный палач самого хитрого и коварного императора на свете.

Мой вылет через шесть часов, а это значит, я успею заскочить в дьютик и как следует надраться. Здесь я шестерка Локи. Выполняю грязную работу, устраняю все препятствия в его райской жизни. Я сам себе противен. И лучшее средство сбежать от себя – выхлестать бутылку в одиночку. Мне не станет лучше. Мне станет все равно. Цель давно оправдывает средства.

Я иду по длинному больничному коридору, на плечах белый халат. Рядом шагает доктор и что-то объясняет, но я не слушаю, бессмысленно рассматриваю свои ботинки и пытаюсь держать равновесие. Хоть перелет и был долгим, я так до конца и не протрезвел. Стараюсь не раскрывать рта и не дышать перегаром на этого симпатичного человека, делающего все возможное, чтобы спасти чужие жизни. Все, что он сейчас говорит, мне абсолютно не интересно. Я и так знаю, что изменений нет, положительная динамика отсутствует, родители не в силах на это смотреть и уже готовы к тому, что она...

– Доктор! – почти выкрикиваю я, лишь бы не слышать то, что он собирается сказать. – Я перевел деньги. На сколько этого хватит?

– Думаю, на несколько месяцев, но вы же понимаете... она пребывает в глубокой коме слишком долго, вряд ли...

– Спасибо, доктор, – обрываю его я. – Я знаю, что вы делаете все возможное. Дадите время побыть с ней?

– Конечно.

Он жестом указывает на дверь и уходит.

Сквозь мутное стекло пробивается белый свет. Глазам больно на него смотреть.

Я не могу войти вот так сразу. Я мало чего боюсь, но переступить порог этой палаты действительно страшно. Мне нужно несколько секунд, чтобы собраться.

На больничной койке лежит девушка, опутанная проводами. Вокруг медицинская техника, поддерживающая в ней жизнь. Или вернее сказать: не дающая этому телу погибнуть. Больше года назад она попала в автокатастрофу. За рулем был ее отец. Сам он отделался переломами и сотрясением мозга, а его дочь доставили в больницу с серьезными травмами головы и позвоночника. Она так и не сумела прийти в сознание. Разумеется, ее отец страшно горевал и чувствовал себя виноватым, делал все, чтобы ее спасти. Не знаю, через какой ад ему пришлось пройти, и чем он пожертвовал ради того, чтобы она лежала в лучшей клинике и наблюдалась у лучших врачей. Но поддерживать жизнь человека в коме – не дешево, и однажды ему стало нечем платить. Именно поэтому я делаю то, что делаю.

Подхожу ближе, провожу пальцем по волосам. Они непривычного русого цвета, мягкие на ощупь. Со стороны кажется, что она просто крепко спит. Я знаю, что ее сознание сейчас далеко, и она не хочет возвращаться в это тело. Ей хорошо там, где она есть. Не знаю я одного: сколько у нас осталось времени.

Мне тяжело находиться рядом с ней и видеть ее такой. Я наклоняюсь, целую ее в лоб и ухожу. А точнее сбегаю. Как от самого своего страшного кошмара.

Кошка и Пит на кухне лепят пельмени. Черные волосы Кошки собраны в тугий хвост на макушке, фиолетовую челку она пытается заправлять за ухо, но та тут же выскальзывает обратно. Кошка цыкает и снова прячет ее за ухо. От этого несколько прядок пачкаются в муке и выглядят так, будто их покрыла седина. Пит сидит на высоком табурете, закусив кончик языка от усердия, и старательно склеивает края пельмешка. Этот табурет собран из трех разных, а

одна ножка вообще из водосточной трубы. Табурет-Франкенштейн уродлив и ненадежен, и Пит любит его больше всех. Он вообще питает странную приязнь ко всему убогому и покалеченному. Я рассматриваю ряды пельменей и думаю о том насколько же надо быть криворуким, чтобы плодить таких чудовищ, коих из Питовых пальцев вышло целое множество.

– Мой руки и садись помогать, – командует Пит, завидев меня.

– Да, конечно, дорогая, сейчас только все дела брошу.

Кошка довольно фыркает. Наши словесные перепалки доставляют ей некое извращенное удовольствие. Сама она так не умеет. Буквально через минуту теряет самообладание и грозит выцарапать глаза. А ее угрозы вовсе никакие не угрозы, ведь действительно может. Приходится уступать и сводить дискуссию на нет.

Замечаю у нее на шее какую-то новую висюльку, тяжело вздыхаю:

– Это что? Один из бесполезных амулетов Пита?

– Поаккуратнее на поворотах, громила! – взвизгивает он и взмахивает руками, от чего в воздух поднимается мучное облако. – Между прочим, смею заметить, призрак не смог ко мне подойти! Но ты, конечно, не задумывался что именно его остановило!

Закатываю глаза. У меня язык так и чешется, но я мысленно повторяю про себя: «Не спорь с ним! Только, пожалуйста, не спорь с ним! Не говори ни слова! Ни единого долбаного слова!»

– Ладно, – выдавливаю из себя. – Предположим, ты прав.

– Конечно, я прав! В следующий раз думай, что говоришь!

Кошка улыбается пуще прежнего. Она без ума от нас.

– Близнецы не появлялись? – спрашиваю.

– Нет. Наверное, будут к ужину, – бурчит в ответ Пит и откладывает на доску свой самый страшный пельмень, и отчего-то мне думается, что он окажется именно в моей тарелке.

Кошка цыкает и демонстративно встает, в ее глазах разгорается пламя.

– Какого черта?! – взрывается она. – Я тут для них что ли стараюсь?! Для этих... этих... нет, вы знаете где я нашла консервную банку, которую они гоняли по всему Бункеру на прошлой неделе? В аквариуме! В аквариуме!!!

Пит любит громкие скандалы и яркие спецэффекты. Ему кажется, что сейчас Кошка начнет беситься и грязно ругаться, возможно разобьет пару тарелок. В предвкушении он хлопает в ладоши и, точно крошечный фейерверк, во все стороны разлетается мучная пыль.

– Кис, – я обнимаю ее и целую в щеку, решая выступить в роли громоотвода. – Ты же знаешь, они не едят пельмени, поэтому будь добра, не подкидывай внутрь мышьяк и гвозди, я очень тебя прошу.

Кошка проводит мучной рукой по носу, оставляя белый след. С перепачканным мукой гордо вздернутым носиком она выглядит крайне безобидно, если даже не смешно, но я не совершаю роковой ошибки и сдерживаю рвущуюся наружу улыбку. Я очень серьезен.

– Ладно, – говорит она, сменив гнев на милость. – Можно подумать, у тебя аллергия на мышьяк! Съел бы и даже не заметил.

Пит разочарован. Даже до драки не дошло.

– Телячьи нежности, – ворчит он, за что получает от меня подзатыльник.

Фиолетовая челка в очередной раз выскальзывает и, расвирепев, Кошка начинает перетряхивать все баночки и коробочки в поисках заколки. Я думаю, что теперь мне точно лучше убраться, чтобы не попасть под горячую руку, к тому же у меня было дело к нашему великому и всемогущему.

– Сумрак тут? – спрашиваю.

– Был у себя, – Кошка находит невидимку и втыкает ее абы как. – Сходи посмотри.

Возле комнаты Сумрака слышно отвратительное брнчание – он точно у себя. Нахожу его сидящим на кровати с варганом в зубах. Ненавижу этот инструмент, который я бы никак не назвал музыкальным. Мне кажется, он годится только чтобы распугивать крыс. Интересно, существуют ли люди, которые находят эти мерзкие звуки приятными? Сумрак похож на рок-звезду. В мятой черной майке и потертых штанах такого же цвета. На руках браслеты, целое множество браслетов! Кожаные плетения, бисер, бусины из дерева, застывшей лавы и смолы. На каждом пальце серебряный перстень, на каждом перстне символы, одно ухо закрыто сплошной серьгой, другое проколото маленькими колечками по всему хрящу. Его можно сфотографировать прямо сейчас, вот в этой самой позе, с варганом в зубах – отличный выйдет постер. Рок-шаман нового времени.

Я захожу в его комнату, а он даже не открывает глаз, тихо произносит, перестав брнчать:
– Ты пропах больницей и дешевым виски.

И я сразу забываю, зачем вообще к нему пришел и что хотел сказать. Откуда он знает, где я был и чем занимался?! Как сумел заглянуть за границу разрыва?! И почему произнес это с таким желчным привкусом упрека?

– Мне не нравится это твое увлечение, – добавляет он, как бы между делом.

А вот это уже наглость!

– Какое именно? – уточняю я. – Пить? Спасать чужие жизни?

– Нет. Отнимать.

Если бы мы не были друзьями, я бы точно дал ему сейчас по морде. За то, что он следит за мной по обе стороны. За то, что высказывает свое дурацкое мнение, которое никто не спрашивал и которое никому не интересно. Мне-то уж точно! За то, что, имея почти безграничные возможности, он предпочитает сидеть в этой консервной банке, дергать язычок варгана, и делать вид, что все происходящее лично его вообще никак не касается.

– А мне не нравится то, что ты сидишь тут, брнчишь и рассуждаешь вместо того, чтобы хоть что-нибудь для нее сделать! – рычу я.

Он, наконец, смотрит мне прямо в глаза:

– А что ты хочешь, чтобы я сделал?

Я теряю терпение.

– Черт подери, да все что угодно! Спас ее, исцелил, привел сюда! Ты же можешь!

Сумрак нисколько не меняется в лице, отвечает спокойно:

– Ничего из этого я сделать не могу. Яр, я не всемогущий.

Он называет меня по имени и меня передергивает. Мы не произносим своих настоящих имен, – у них есть магическая сила возвращать. Я этого не боюсь, но мне все равно неприятно.

– Я видел, как ты поднял человека из инвалидного кресла! – не унимаюсь я. – Он встал и начал ходить!

Сумрак пронзает меня космической чернотой своих глаз. На самом их дне лежит истина и, если ты не готов ее принять, лучше не дотрагиваться до нее. Избегать всеми возможными способами. Но Сумрак сам достает ее и сует мне под нос:

– Значит, ты не понял то, что увидел.

С ним невозможно разговаривать. Вещи, которые кажутся ему очевидными, для меня за пределом разума. Он не станет объяснять. Это как пытаться рассказать про воздух или толковать о том, что такое время – получится много слов, в сущности, не говорящих ни о чем. Однажды поняв что-то, ты несешь это знание в себе и никому не можешь передать. Каждый забирает у мира лишь свое, и мне становится не по себе, когда я вижу, сколько сумел уместить в себе Сумрак. Слишком много для одного человека. Слишком много, чтобы продолжать считаться человеком.

Мне хочется развернуться и уйти, но то, что происходит дальше, заставляет задержаться. Сумрак вдруг распрямляется и замирает, как статуя. Несмотря на то, что он сидит прямо

передо мной, я точно знаю, что его сейчас здесь нет. Ни в этой комнате, ни в Бункере. Его сознание переместилось в другое место, интересно какое? Что он там видит? Я терпеливо жду его возвращения.

– Поезд. – Вдруг произносит он одно единственное слово.

Мне кажется я ослышался.

– Что-что? – переспрашиваю я.

Не понимаю, о чем идет речь и с чего вдруг он выглядит таким озадаченным.

– Поезд! – повторяет он, как будто слово, сказанное дважды мгновенно обретает смысл и вес.

Не проронив больше ни звука, Сумрак вскакивает и проносится мимо меня. Понятия не имею, как ему это удастся, если я занимаю практически весь дверной проем. Мне приходится бежать следом.

– Эй, вы куда?! – кричит нам Кошка из кухни.

Сумрак не останавливается, поэтому я отвечаю на бегу единственное, что могу сказать по поводу всего этого:

– Поезд.

Разумеется, никто ничего не понимает, но мы все дружно вылетаем из Бункера, и садимся в машину.

– Куда едем? – спрашиваю я, ведь за рулем я.

– На вокзал, – Сумрак смотрит на меня, как на последнего идиота. – Вы разве не поняли? Поезд приехал.

Мы молча переглядываемся и читаем по глазам друг друга, что никто ничего не понял. Однако в некоторых вещах понимание не требуется. Например, когда нужно просто рулить и ехать куда тебе сказали. Давить на газ и рулить без всякого там понимания – почему бы и нет? И именно это я и делаю.

Несмотря на то, что Бункер простирается под Городом, вход в него расположен за Городом в нескольких километрах.

До вокзала ехать минут пятнадцать. Можно добраться быстрее, но боюсь, наша старушка развалится на грунтовой дороге, отсыпанной колотой скалой, поэтому едем мы со скоростью трехсотлетней черепахи, достигшей просветления и никуда не спешащей. Пит – гиперактивный живчик, воспринимает это, как наказание, грозит выйти на ходу, добраться до вокзала быстрее нас, при этом успев поест вафли с мороженым и покататься на каруселях. Самое паршивое в его ироничных словах то, что никакая это не ирония, он действительно может. Хочется доказать ему, что он не прав, поэтому, как только выезжаем на хороший асфальт, вжимаю газ в пол и разгоняюсь до сотни. Больше тачка не потянет.

На полпути к вокзалу до меня начинает доходить:

– погоди, дружище! Какой к черту поезд?! В Город не ходят поезда!

Сумрак дарит мне красноречивый взгляд:

– А я о чем?!

После этих слов мне хочется его придушить, но, к счастью, мои руки заняты – я не могу бросить руль.

Мы топчемся возле поезда, который внезапно возник на пустом вокзале. Вот он, стоит тут прямо перед нами. Самый настоящий, суровый и молчаливый. Четыре сцепленных друг за другом пассажирских вагонов. Впечатляющее зрелище! Не то, чтобы я никогда не видел поездов и теперь стою пораженный, нет. Но я никогда не видел их *тут*!

Сумрак зачем-то решает пояснить для тех, кто еще не понял, с чем мы имеем дело:

– Поезд.

– Спасибо, дружище, – хлопаю его по плечу. – Вот теперь нам стал более понятен смысл твоих слов и этого неадекватного поведения, к которому надо признаться, мы уже привыкли.

Щелкает зажигалка, Кошка закуривает и осматривается. Заброшенное здание вокзала кажется мрачным и неприветливым. Растрескавшийся асфальт порос одуванчиками. Пустые пакеты и газетные обрывки медленно переползают с места на место. Киоск с мороженым намертво заколочен ссохшимися досками. Тут уже сто лет никто не появлялся, кроме беспризорников и бездомных. Ну и редких охотников за приключениями. Мы, очевидно, из числа последних.

– Жуткое место, – заключает Кошка, отбрасывая сигарету щелчком пальцев. Среди прочего мусора она смотрится органично. – Почему вокзал заброшен?

– На двадцать втором километре рельсы разобраны, – поясняет Сумрак. – Уже очень давно.

– А ты уверен? – Пит всматривается вдаль. – Может, их починили, вот поезд и приехал? Неужели починить рельсы такая проблема? Я видел, как меняли рельсы в Городе. Почти неделю трамваи стояли. Но знаете, что самое интересное?

– Не знаем и знать не хотим, – признаюсь я. – Ты лучше слетай, посмотри, что там. На двадцать втором километре.

Пит, как будто, только этого и ждал. Когда же, наконец, его о чем-то попросят, и судьбы мира будут зависеть от него одного.

– Это я запросто!

Он раздувается от гордости и начинает свою традиционную гимнастику: наклоняется, потягивается, касается руками носков ботинок, по очереди прижимает колени к груди, затем срывается с места и бежит. Прямо по шпалам. Он бежит все быстрее и быстрее, набирает нужную скорость, совершает два затяжных лягушачьих прыжка, с третьим отрывается от земли и устремляется в небо. Никто больше не умеет летать так, как это делает он. За этого его и зовут Питпэном. Мальчиком, который летает.

– Сознайся, ты это специально, – говорит Кошка и достает вторую сигарету. – Чтобы не слушать его болтовню.

Я лишь гнусно ухмыляюсь. Это, наверное, верх коварства – избавиться от человека, при этом доставив ему чувство полного внутреннего удовлетворения.

– Вот увидишь, – говорю я, – он вернется и еще неделю будет нам рассказывать всякие небылицы, как Одиссей.

– Неделю? Полгода! – подхватывает Кошка, и мы принимаемся мерзко хихикать.

Сумрак теряет всякий интерес к нам и к поезду. Отходит в сторону и задумчиво глядит на Город. Так, словно любит его ночными огнями и думает о чем-то своем. Выглядит он чертовски романтично, особенно когда ветер слегка раздувает его длинные волосы. И если бы я так хорошо не знал этого парня, я бы уже высказался по поводу того, что вечерние прогулки на свежем воздухе куда более полезны, когда протекают в полном одиночестве. Но нет, он не просто любит Города. Он стекает по его проводам, ловит отражения в окнах домов, прислушивается к ночной песне водосточных труб. Город пропускает его в себя, будто законного Хозяина. Всегда пропускает. Внутрь, глубоко, туда, где сплетаясь, уходят под землю его корни. Как? Я не знаю. Есть вещи, которые я стараюсь не выяснять, дабы окончательно не свихнуться.

– Как ты считаешь, – спрашиваю я, расхаживая вдоль вагонов. – Поезд появился здесь сам по себе? Без водителя и пассажиров? Как поезд-призрак?

Зачем я спросил? Совершенно очевидно, что никого в нем быть не могло.

– Один человек сошел с поезда.

Я застываю перед открытой дверью со спущенной входной подножкой:

– Да? И где же он?

Сумрак молча кивает на Город.

Почему-то мы вдруг разом кидаемся к машине. И не задаемся вопросом, с какой стати нам вообще искать человека, приехавшего на этом поезде. Как будто это наш любимый родственник, и мы обещали его встретить, да случайно разминулись, а теперь нам просто необходимо его разыскать, а то мало ли что. Ночь – плохое время для гостей.

Мотор тарахтит, я включаю передачу и рулю к светофору. Хорошо бы определиться с направлением до того, как мы выедем на перекресток.

– Ты знаешь, где надо искать? – спрашиваю я Сумрака.

– Не знаю.

Его слова отлетают от ушей, как мячик для пинг-понга от ракетки. Мне кажется, я услышался.

– Дружище, ты не поверишь, мне только что показалось, что ты сказал «не знаю»!

– Тебе не показалось. И не строй таких дурацких мин, я не какой-то там пророк.

Я не верю своим ушам! Обычно Сумрак в курсе всего, что творится в Городе. Он, конечно, не любит делиться и не считает нужным посвящать нас в последние новости. Если только они не кажутся ему какими-то важными и особенными, как прибытие поезда, например. Мне не верится, что он не может найти того, кто только что прошагал с вокзала в сторону Города. Ничто и никто не может скрыться от его внутреннего взора. Так я всегда считал. Ровно до этого самого дня.

Все это говорит лишь об одном – мы непременно должны найти того, кто приехал на этом чертовом поезде. И чем раньше, тем лучше.

– Надо разделить, – предлагаю я.

Глава 3

Четвертый квартал – коробка пятиэтажек. В окнах домов горит свет, и я чувствую себя незванным чужаком, случайно свернувшим не на той улице. Весь Город в целом имеет свой характер, как и любое живое существо, но каждый квартал звучит по-своему, имеет свой запах и особую, неповторимую ауру. Четвертый встречает резко, как внезапно выпрыгнувшая из-за забора псина, с громким лаем и вздыбленным загревком. Тот, кто умеет слушать, услышит это предупреждение и унесет ноги пока не поздно. Тот, кто не умеет, встретится с местными, которые более доступно объяснят, что бывает, когда кто-то заходит на их территорию. Четвертый черен и неопрятен, замусорен окурками и битыми стеклами, почти всегда мокрый из-за забитых водостоков, лужи переливаются пятнами машинного масла, и как ни стараешься в них не наступить, все равно наступаешь. Четвертый внимательно следит за мной желтыми прямоугольниками не зашторенных окон. Город облизывается, и я облизываюсь в ответ, – мы оба любим вкус свежей крови.

Во дворе бурлит ночная жизнь. Там, где днем играют дети, ночью собираются взрослые. На теннисном столе рубятся в домино, со всей дури шмякают кости о ржавый металл с синими островками не до конца отколупнувшейся краски, гогочут в азарте. Девчонки раскачиваются на скрипучих качелях, шушукуются о чем-то своем, хихикают, прикрываясь ладошками. В песочнице поют под гитару дворовые песни. Признаюсь за все годы, проведенные в Городе, я так и не выучил местный репертуар и едва ли смогу вот так сидеть в тесном кружке и подпевать. Впрочем, еще никогда подобного желания и не возникало. Даже с Сумраком мы не устраиваем творческих вечеров, и музицирует он, как правило, в полном одиночестве, за что ему огромное спасибо.

Питбуль – местный Смотрящий. Он сидит в драном кресле в цветочек, прямо посреди двора, между песочницей и турниками. Перед ним телевизор, который не показывает ничего, кроме белого шума. Никто не спрашивает, зачем он это делает, никто не крутит пальцем у виска, никто не мешает ему и не лезет с замечаниями. И никто из квартальных не знает, что он представляет из себя на самом деле. Никто, кроме таких же, как он. Таких же, как я. А нас здесь меньшинство.

Подхожу ближе, два черных ротвейлера с неистовым лаем бросаются на меня. Они повисают на железных цепях, класают зубастыми челюстями, не могут меня достать, но, я уверен, уже представляют, как разрывают мою плоть на клочки. Питбуль обожает собак таких же бешеных, как он сам. Дрессирует их, науськивает, делает злыми и кровожадными. Он даже устраивает собачьи бои где-то за Городом на пустыре. Не представляю, где он находит тех, кто готов в этом поучаствовать. Питбуль любит, когда его боятся, и успешно создает вокруг себя образ чокнутого садиста. Он бреется налысо, носит майки и рубашки без рукавов, чтобы были видны его мускулистые руки, покрытые шрамами и татуировками. В драках он потерял оба верхних клыка и вставил себе серебряные, заостренные, как будто это волчьи зубы или клыки вампира. Я не уточнял, что именно он там себе придумал. Как по мне – выглядит это просто смешно, потому что изображать из себя зверя и быть им – это разные вещи. Мне ли не знать.

– Кто к нам пожаловал! – Питбуль расплывается в улыбке такой же зубастой, как у его бобиков. Глаза скрыты очками лилового цвета, по стеклам белыми мушками бежит отражение с экрана телевизора.

Белый шум сквозь красный фильтр – слышал я о таком. Надо будет спросить на досуге, какой эффект словил Питбуль. И словил ли вообще. Позер.

Все до единого замолкают, перестают шевелиться и внимательно следят за тем, что сейчас будет происходить между нами. Потому что происходит нечто совсем уж вопиющее.

В четвертом квартале собрались самые отмороженные подонки. Их обходят за десять километров, им боятся смотреть в глаза, о них стараются не говорить вслух, чтобы не накликать беду. Заявиться на их территорию без приглашения – подписать себе смертный приговор. И вот я стою здесь, посреди их крохотного царства, и всем своим видом показываю, что мне наплевать. На них, на Питбуля, на ротвейлеров, срывающихся с цепей, разбрызгивая слюну. На весь этот цирк.

– Отзови их, – говорю я спокойно.

Он присвистывает, и собаки послушно подбегают, ложатся у его ног. Нутром чую, какое ему удовольствие доставила эта демонстрация послушания. Возможно, он неделями их дрессировал, чтобы повыпендриваться перед кем-нибудь. Жаль, что зрителем оказался столь не впечатлительный тип, как я.

С качелей спрыгивает девчонка по кличке Босая. В Городе ее считают очень крутой. Она гоняет на мотоцикле, как дьяволица, играет на барабанах в небольшой рок-группе, всегда классно выглядит и не боится ни черта, ни Питбуля. Как-то ходил слушок, будто она тренируется в школе бокса, но мне кажется, это не больше, чем слухи. Как и то, что она девушка этого психопата.

На ней короткие шорты и обтягивающая майка, едва достающая до пупка, в котором блестит маленький кристалл. Точно таким же украшен черный чокер, повязанный на длинной тонкой шее. Кожаный плащ без рукавов достает до высоченных каблуков. Светлые волосы собраны в два пучка на голове. Она приближается ко мне, ударяет своим кулаком по моему, в знак приветствия, и отходит к Питбулю. На спинке плаща огромный крест сверкает алыми и золотыми стразами – залюбуешься. Падший ангел, заблудившийся в четвертом квартале.

Босая одним движением откидывает полы плаща, садится на подлокотник кресла, и тут же хищная рука Питбуля ложится ей на коленку.

– Чем обязаны? – спрашивает он с нескрываемым неудовольствием.

– Не злись, старик, – я специально провоцирую его, мне так и хочется стащить с его лица это надменное выражение вместе с дурацкими розовыми очками. Выглядит он в них по-настоящему дебилно. – Я просто ищу кое-кого.

– Ищешь? – переспрашивает он. – В моем квартале? Думаешь можешь ходить тут и что-то вынюхивать?

В Городе существуют свои законы. Например, квартальные никогда не пускают чужих на свою территорию. Даже просто пройти по их земле и не быть покалеченным можно, пожалуй, только в одном случае – провожая девушку до дома. Тогда не тронут. И мне дали раскрыть рот лишь потому что я – это я. Будь на моем месте кто-то другой, он бы уже выползал отсюда, пряча в кулаке выбитые зубы. Но, судя по тону Питбуля, сейчас и мне может не поздоровиться.

Еще раз оглядываю двор. Пятеро за столом, трое в песочнице, одна на качелях и спортсмен-энтузиаст на турниках. Босая не в счет, она ввязываться не станет. Обычные городские парни угрозы не представляют. Остается Питбуль, еще три попаданца и новенький спящий. Почему-то не вижу Дракона и Дикого. Видимо, заняты делом: прессуют, угрожают, убивают – не знаю, насколько обширный спектр услуг может предоставить Питбуль. Думаю, достаточно полный, для удовлетворения любых нужд.

– Вот что, – говорю я примирительным тоном. – Давай, чтобы этот вечер и дальше был приятным, мы не будем портить его друг другу?

Воздух накаляется так стремительно, словно посреди двора раскопегарили невидимую печь. Квартальные молча поднимаются со своих мест, подхватывают с земли дубинки и куски арматур с колоритными кровавыми пятнами. Я держу всех в поле зрения, и думаю, что для обычной драки их слишком много. Десять на одного и две собаки, не считая Питбуля – это тоже не по правилам. А сейчас мне и вовсе некогда с ними возиться.

Мои глаза делаются желтыми, Питбуль взмахом руки приказывает всем замереть и не шевелиться. Ротвейлеры чувствуют Зверя, заливаются бешеным лаем, но остаются на своих местах. Какая выдержка! Надо будет спросить потом, на что Питбуль их дрессирует – на колбаску или на высушенные кусочки печени врагов. Босая приказывает псам замолчать, как ни странно, они слушаются и ее, прижимаются к земле, но продолжают тихонько тарыхтеть, скаля острые зубы. Интересно, спрячутся ли они за кресло, если я покажу свои? Хочется это проверить. Мою челюсть, словно, выворачивает, кости хрустят, полностью видоизменяясь. Волчьи зубы начинают мешать из-за того, что я обернулся не полностью.

– Волк, – Босая видит, что со мной сейчас происходит, плавно, без резких движений встает и подходит. – Успокойся.

Эта девчонка не боится меня, смотрит прямо в глаза, хоть прекрасно понимает, что случается после того, как они начинают гореть янтарем. Рык, доносящийся приглушенными раскатами из моей груди, не сулит ничего хорошего. Но Босая подходит еще ближе, она любит Силу, хочет прикоснуться к ней, попытаться поддержать в руках. Хотя бы в руках, потому что пустить ее внутрь и не быть разрушенным практически невозможно. Я это знаю, как никто другой.

– Здесь только наши, – тихо говорит она. – Тебе нужен кто-то из нас?

– Нет, – голос надламывается, мне сложно говорить. – Я ищу чужака.

Питбуль сидит на месте, вжавшись в кресло. Он отдает себе отчет в том, что любое движение с его стороны может спровоцировать меня, и тогда пострадают все.

– Здесь нет чужаков, только свои, – повторяет Босая, переключая мое внимание на себя.

Вдруг ее пальцы касаются моего лица и, кажется, она сама не понимает, как такое могло случиться. Ее глаза распахиваются от удивления, и в их отражении я вижу свои, горящие голодом и жадой. Слишком долго я держал Зверя под замком, и теперь он беснуется внутри, чуя запах добычи, видя вокруг своих врагов, желая растерзать того, кто посмел разговаривать с ним надменно и дерзко. Он здесь единственный, кто имеет право властвовать и распоряжаться.

Вокруг так много раздражающих факторов, соблазнов, сводящих Зверя с ума. Это как привести дикого хищника в мясную лавку. Глупо рассчитывать, что он тактично сядет в углу и будет ждать, когда ему, наконец, отдадут обрезки и кости. Мне не удастся совладать с ним, пока я здесь.

Город шепчет: “Возьми их! Разорви! Разорви каждого, я буду смотреть!”

Резко разворачиваюсь и ухожу, почти убегаю. Стремительно, сбивая кого-то с ног.

Удерживать человеческую форму сложно: пальцы на руках крючит, ноги едва слушаются, сердце стучит в ребра, ставшие вдруг такими тесными. Каждый удар отдает глухой болью глубоко в груди.

Я не бегу, не иду, не ковыляю, а что-то среднее. Времени почти не остается и, оказавшись в редкой поросли кустарников я, наконец, падаю на землю, обрушиваю на нее это неправильное тело, проворачиваюсь вокруг своей оси, извиваюсь, как змей, пытающийся содрать старую кожу. Из моей пасти вырывается такой жуткий звук, что все жители ближайших домов в страхе закрывают окна и двери, плотнее задергивают шторы и выключают свет. Миг – и все прекращается. Я лежу на боку, дыхание, наконец, выравнивается, и я поднимаюсь на четыре ноги. Встряхиваюсь по-собачьи, чтобы звериная шкура как следует села. Управлять этим телом просто, когда уже научился, самое сложное, к чему я никак не могу привыкнуть – это поток информации, который прилетает со всех сторон. Город разворачивается передо мной звуками и запахами, я знаю все, что одновременно происходит в нескольких кварталах. Я слышу, как плачут дети, едут машины, топают десятки чьих-то ног, догоняя кого-то. Возможно, меня. Скорее всего, меня. Я чую кошку, прячущуюся на дереве, от нее воняет страхом. Я слышу, как крысы копошатся в мусорном баке, грызут сухие куски хлеба и куриные кости. Я чувствую

запах собак, разных собак, молодых и старых, кобелей и сук, – их метки повсюду. Наконец, я перестаю воспринимать каждый звук и запах отдельно, пространство вокруг меня становится объемным, плотным, многогранным, я ощущаю его, как свою вторую кожу, оно и я – мы теперь неотделимы.

Я есть Зверь. Мои глаза горят желтым огнем, из раскрытой пасти капает слюна, стекая по длинному языку. Я вспоминаю про поезд и про то, что мы должны были кого-то найти, бегу на вокзал.

Город напоминает грязного лохматого бродягу и любит таких же, как он. Ему нравится рассказывать мне о том, что и где творится, предупреждать об опасности, подсовывать узкие темные улочки, скрытые от посторонних глаз. Он обнимает меня, как любимого ребенка, и шепчет: «останься».

Улицы помнят всю его историю, пересказывают водосточными трубами, запечатывают скрытые шепотки в стенах домов, вкладывают крошечные послания в трещинки на асфальте. Надо уметь слушать, чтобы их понимать. Как это делает Сумрак.

Здания жмутся друг к другу серыми спинками, рыжие крыши прячут в себе белых голубей. С высоты птичьего полета Город совсем другой. Там, наверху, как будто больше света, больше воздуха, все делается более ярким и сказочным. Наверное, поэтому Пит выбрал небо. И поэтому Кошка ему завидует. Ей тоже хочется видеть Город другим. И ей кажется, что она сама так станет легче, и, наконец, сумеет оторваться от того, что каждый день тянет ее вниз.

Я на вокзале. Мы напрасно считали, что тут давно уже никого нет. Судя по запаху, кто-то здесь обитает. И сейчас этот кто-то прячется в пустом здании и следит за мной сквозь грязное стекло. Ему страшно и любопытно одновременно, – он впервые видит Ночного Охотника так близко.

Бегу по вагону, принохиваюсь к каждому сидению и под ними, ищу нужный след и, наконец, нахожу. Он рассказывает мне о своей хозяйке, больше, чем может рассказать о себе человек в первые минуты знакомства. Я знаю ее примерный возраст и образ жизни. Я мог бы знать ее болезнь, если бы такая была, но девчонка абсолютно здорова. Она приехала с одной сумкой, в которой помимо всего прочего везла булочки, щедро сдобренные ванилью.

След свежий и очень четкий. Бежать по нему легко. На остановке она топталась долго, видимо, ждала трамвай. Затем к ней подошел пожилой мужчина, я чувствую запах валерианки и мерзкого одеколона, который заставляет меня чихать. Он сказал ей то, из-за чего она решила идти дальше пешком, не дожидаясь транспорта.

Бегу по широкой освещенной улице. Фонарные столбы через каждые три метра. Это не очень хорошо. Если меня сейчас увидят люди, криков будет до самого неба. Тут же поднимут полицию и за любым поворотом меня будет ждать заряженный ствол. Знаем, проходили. Поскорее бы девчонка свернула в темные закоулки.

Останавливаюсь у лужи, чтобы попить, бегу дальше. Мне все проще находиться в звериной шкуре. Лапы мягко пружинят, уши мгновенно реагируют на любой звук, глаза видят одинаково хорошо при свете и в темноте.

Я на западной окраине города. Это старый район, тут нет новостроек, много деревьев и зелени. Чуть дальше начинается частный сектор, в котором последние свои дни доживают древние срубы. В этих местах заправляет Лекарь. Ему нравится, что эти районы расположены далеко от Питбуля, и что их люди редко пересекаются. Нравится тишина и относительное спокойствие. Он старается не ввязываться в драки, его привлекает наука, если можно так выразиться. Он большой фанат химии. Я скептически отношусь к тем жидкостям и порошкам, что он создает, но вот «Крысиная Смерть» пришлась мне по вкусу. Отличное сорокаградусное пойло! И еще ни разу у меня не было с него похмелья, а вот фантастические сны с галлюциногенным эффектом были. Да, отличное пойло!

Именно в этот район отправился Сумрак, когда мы решили разделиться. След девчонки привел сюда и меня. Интересно, он нашел ее раньше, чем местные? Вскоре я узнаю ответ. Он ударяет в нос стойким запахом трав и настоек. Люди Лекаря встретили ее, и повели к своему Смотрящему. Это плохо. Теперь он может заявить на нее свои права, хотя никаких прав у него на самом деле нет. Ни у кого нет на нее прав, потому что она пригнала сюда на чертовом поезде!

Лекарь обитает в подвале одного из старых домов на самой окраине. Ему нравится подвальный микроклимат. Он считает, что в подобных местах идеальная температура и влажность, необходимая для большинства растений и грибов, которые он выращивает для своих экспериментов. К счастью, недостатка в подопытных у него нет. Его люди крепко сидят на этих грибочках и души не чают в своем Смотрящем. На том он и держится. Лекарь слабый, трусоватый и не умеет запугать, как Питбуль. У него нет харизмы и денег Локи. У него есть только его химия и грядка псилоцибов. Действует это, надо заметить, изумительно! Обожаю его людей, вечно пребывающих в каком-то блаженном состоянии. Самые душевные ребята! Главное близко их не подпускать, а то могут полезть обниматься или целоваться. Бывали случаи.

Я на месте и у меня возникают некоторые неудобства: очень сложно стучать или нажимать кнопку звонка, когда у тебя нет рук, поэтому приходится зайти внутрь иначе, хотя это не очень-то и вежливо я полагаю. Наваливаюсь на дверь и выламываю все засовы. Деревянное полотно с оглушительным грохотом обрушивается на пол, я инстинктивно присаживаюсь на лапах и прижимаю уши.

По глазам, привыкшим к темноте, резко ударяет яркий свет. Ультрафиолетовые лампы подвешены во всю длину потолка. Все пространство заставлено горшками разнообразных форм и размеров. Я впервые заявляюсь сюда в обличии зверя и поражаюсь тому, насколько многогранный и сложный здесь стоит запах, с таким смешением ароматов, которые мне прежде не доводилось встречать. Подземный сад Лекаря изобилует диковинными растениями и экзотическими цветами. Много лет у него ушло на то, чтобы все это собрать и вырастить, и результат поистине впечатляет! Посреди всего этого гербария имеется один предмет мебели – железный стол, с необычным агрегатом похожим на самогонный аппарат, а вокруг него все усыпано баночками, скляночками, мензурками и пузырьками. Над газовой горелкой что-то булькает и распространяет приторный дурман.

У дальней стены расстелен ковер, заваленный яркими расшитыми подушками. И там восседают и полулежат люди. Одного из них я знаю очень хорошо – это сам Лекарь. На его голове цветастая повязка, дреды тонкими змейками падают на плечи. Его парни, видимо те, что привели девчонку, заливаются безудержным хохотом. Их невероятно веселит то, что я выломал дверь. Как я и говорил, классные ребята! Всегда на позитиве. Надо бы отсыпать себе немножко того, чем он их угостил. Девчонка, которую мы полночи искали, как будто не в себе, устала то ли на меня, то ли куда-то мимо, взгляд ее рассеян и затуманен.

Я оказался не первым, кто заглянул на огонек. Сумрак явился раньше, он смотрит на меня удивленно. Разумеется, он не ожидал увидеть меня таким. Лекарь, насколько я понимаю, тоже, и от него во все стороны разлетается плотный и жирный запах страха, который щекочет мне ноздри, пробуждает ярость и охотничьи инстинкты. Приходится подавить их силой воли.

– Какая хорошая собака, – вдруг говорит девчонка и расплывается в блаженной улыбке.

Я перевожу вопросительный взгляд на Сумрака, и читаю в его глазах, что он сам только пришел и еще не до конца разобрался в ситуации.

– А вот это вот обязательно? – Лекарь показывает на меня дрожащим пальцем, пытается загородиться подушкой. – Сумрак, скажи ему «нельзя»!

Сумрак, конечно же, игнорирует эту дурацкую просьбу. Он присаживается на корточки рядом с девушкой, приподнимает ее голову за подбородок, всматривается в мутные глаза:

– Чем ты ее напоил?

Лекарю не нравится, что Сумрак подошел так близко. Он загибает на себя подушки со всех сторон, словно хочет зарыться под них, чтобы его совсем не было видно.

– Ничего такого! – оправдывается Лекарь. – Я просто хотел помочь ей прилипнуть к этому телу и к этому миру. Возможно, вы думаете, что я несу сущий бред, но никакой это не бред!

Абсолютная бредятина! Похоже, Лекарь и сам под чем-то.

Сумрак щелкает пальцами у девчонки перед глазами, но она никак не реагирует, смотрит на меня и бессмысленно улыбается. Мой друг приходит к выводу, что сейчас бесполезно пытаться вернуть ее в сознание.

– Помог. Молодец. – Заключает он, поднимаясь во весь рост.

Наконец, на шум вышибленной двери прибегают двое квартальных, но видят меня на пороге и тут же уносятся обратно. Лекарь разочарованно цыкает. Я смеюсь по-шакальи, низко свесив язык.

– Значит так, – говорит Сумрак. – Мы ее забираем.

Лекарь открывает рот, но тут же захлопывает с щелчком, кивает, мол, забирайте, конечно, я абсолютно не против. Еще бы он был против.

Мой друг пытается ее поднять и поставить на ноги, но они тут же подламываются в коленях, а спина прогибается назад, будто у нее внутри резиновый позвоночник. Парни Лекаря валяются от хохота, вот-вот животы надорвут. Сумрак подхватывает девчонку на руки, носком ботинка посылает мне ее сумку. Я смотрю на него, как на идиота. Я же не пес какой-то таскать ее в зубах! Но с ним сложно спорить, а когда ты лишен человеческого рта, так вообще невозможно. Сдаюсь и хватаю сумку. Думаю, я нанюхаюсь этих булочек до тошноты.

Мы возвращаемся к машине. Ночь облепляет нас со всех сторон. Город всматривается в девчонку послепловатыми глазами тусклых фонарей. Протягивает сизые щупальца тумана, осторожно касается ее волос. Он очарован ею и хочет забрать себе. Сумрак ускоряет шаг.

Возле машины нас уже ждет Пит. Машет нам издали и бежит навстречу.

– Обалдеть! – восклицает он. – А это еще кто?

– Ее привез поезд, – кратко поясняет Сумрак.

– Ничего не понимаю! Рельсы правда кончаются там, в лесу, километрах в двадцати от Города. Они не разобраны, а обрываются там, как будто их ножом срезали. Отвечаю, рельс просто нет! Я далеко улетел, но так и не нашел где они продолжают. Волк, зачем ты обернулся? От тебя воняет псиной! И где Кошка? Вы обменяли ее на эту девчонку? Правильно сделали, в последнее время она стала сварливая, как противная старуха. И котлеты у нее на той неделе подгорели.

Мне хочется укусить его за ногу, но сумка здорово мешает в этом деле. Пит везучий парень, уже сколько раз я в этом убеждался! Он вполне мог бы охрометь на недельку-другую.

Пит помогает Сумраку усадить девчонку в машину. Она уснула по пути и не просыпается, даже когда они без особых нежностей закидывают ее на заднее сиденье.

– Разыщите Кошку. – Команды Сумрака всегда краткие и доходчивые – ни переспросить, ни поспорить.

Пит мнется. Он не любит ночного Города и не хочет никуда идти, он боится того, что могут прятать в себе темные закоулки. А я не люблю, когда меня задерживают и тормозят – поднимаю шерсть на загривке, становясь раза в два больше, скалю зубы. Я ужасно убедителен и красноречив. Питпэн тут же принимает одно-единственное верное решение и шагает вперед.

Мы идем по облагороженному скверику, засаженному елками, тополями и дикими яблонями, усыпанными белыми цветами. Со стороны мы, наверное, выглядим, как парень и его собака, которую он вывел на ночную прогулку. Очень большая собака. Пит слишком медленный. Я то и дело убегаю вперед, мне приходится останавливаться и дожидаться его. Я запросто мог бы оставить его, но мне не нравится эта ночь. Чертов поезд взялся из ниоткуда, привез дев-

чонку. Город дрожит в каком-то лихорадочном предвкушении, а Питбуль отправил своих парней за моей головой. Голова Пита им тоже подойдет в качестве небольшого утешения. Поэтому приходится держаться поближе к нему. Пока я рядом, никто не осмелится подойти.

Кошка должна быть в пятом квартале. Мы решили, что ей безопаснее всего будет навеселиться к Локи. Я чувствую ее запах и иду по следу. Вообще умение читать следы – относится к тем немногим вещам, за которые я все еще люблю превращаться в зверя. Это как если ты всю жизнь был слеп, а потом вдруг прозрел и никак не можешь насмотреться, пытаешься увидеть все, что не видел до этого, обращаешь внимание на то, на что ни один зрячий бы и в жизни не взглянул. Восхищаешься красочностью мира. С запахами примерно так же.

Мы встречаем Кошку на полпути. Видимо, она узнала все, что было нужно, и решила вернуться к машине.

– Волк! – она подбегает, хватая меня за морду, чешет за ухом. – Ты мой хороший мальчик... Кто тебя так разозлил?

Я неопределенно ворчу. Сложно сказать, кто кого разозлил сильнее. Думаю, Питбуль вообще в бешенстве от моего поведения.

– Будь осторожна, – предостерегает ее Пит, – Возможно, у него блохи и даже глисты. Мы не можем знать наверняка. А еще мы ни разу не ставили ему прививку от бешенства. Я бы сперва сводил его к ветеринару.

– Может, у него и появятся глисты, если он тебя сожрет. Ты сам-то когда-нибудь сдавал анализы? Мне кажется, тебе стоит, смотри какой ты дрыщ.

– Ох-хо-хо! – восторженно вскрикивает Пит. – Посмотрите-ка, какое красноречие в тебе просыпается, когда у Волка оно исчезает! Вы – отличная парочка! Позовите свидетелем на вашу свадьбу? Хотя, волк и кошка едва ли уживутся вместе...

Кэт резко бросается в сторону Летуна, пытаясь схватить его ногтями за лицо, при этом четко метит в глаза, но он ловко отскакивает. Я мог бы помочь его отловить, но мне не хочется. Детская возня. Зеваю и чешу задней лапой за ухом.

– Вот! Я же говорил, что у него блохи! – радостно орет Пит, тыча в меня пальцем.

Кошка на это лишь фыркает и забирается мне на спину. Она единственная, кто может себе такое позволить. Я решаю прокатить ее с ветерком, срываюсь с места и бегу карьером. Пит что-то вопит нам вдогонку. Он пытается поспеть за нами, но все больше отстает, в итоге подскакивает и в мгновение догоняет нас в полете. Не сговариваясь, мы начинаем соревнование: кто быстрее окажется у машины. Кошка подбадривает меня радостными воплями, Пит сверху сыплет проклятиями. Финишируем мы практически одновременно, но Летун опережает на какую-то долю секунды.

– Твоя победа не засчитывается – резюмирует Кошка. – Волк нес меня, а ты летел налегке.

– Это вызов! Отсюда до Бункера! Один-на-один! – Пит издает боевой клич и описывает сальто в воздухе. – Песик, ты готов?

Я подпрыгиваю, пытаясь его укусить, но он успевает поджать ноги. Ловкий гаденыш.

– Давай! – визжит Пит от восторга. – Узнаем, кто из нас самый быстрый!

Разумеется, я не собираюсь идти у него на поводу и участвовать в идиотских соревнованиях, но в машину я не влезу в таком виде, и мне так и так придется бежать до Бункера на своих четырех. Превратиться в чудище просто. Сложно снова стать человеком. Сложно не промчаться по сонным улицам Города, хватая раскрытой пастью его особенный дух. Сложно не очутиться в лесу, не раскопать кроличью нору, не попить из горного ручья, не выбежать на опушку и, уткнувшись носом в лунную дорожку света, завывать в ночное небо. Сложно отказаться от звериной мощи и такой соблазнительной, до одури манящей особой связи с этим миром. Сложно вспомнить свой дом и вернуться в него. Настолько сложно быть кем-то другим, что с каждым разом я все больше опасаюсь, что останусь таким навсегда. И прячусь. От Города, от леса и от себя самого.

Вбегаю в Бункер перед самым рассветом. Это самое тихое время, и мне не нравится, с каким грохотом по коридорам разносится цоканье моих когтей. Не хотелось бы всех перебудить.

Просовываю нос в узкую щель, приоткрываю дверь шире и проскальзываю в комнату Кошки. Она спит на полу на матрасе, одна нога высывается из-под одеяла. Ее сон крепок, она не замечает моего появления и не просыпается, когда я падаю рядом и кладу голову ей на живот. Ее ровное дыхание убаюкивает меня, я проваливаюсь в беспокойный звериный сон.

Глава 4

Скачу по золоченой солнцем лужайке. Проваливаюсь в траву по самые уши, кузнечики разлетаются в разные стороны, оглушительно стрекача. Пытаюсь схватить их, но, когда моя зубастая пасть захлопывается с громким клацаньем, в ней не оказывается ни единого кузнечика, что нисколько не расстраивает меня. Скачу дальше. Вдруг задняя лапа попадает в осиное гнездо, и возмущенные таким наглым поведением осы с ожесточением впиваются десятком острых жгучих жал. Я взбрыкиваю и просыпаюсь.

– Эй! Совсем ополоумел?! – Кошка едва успевает увернуться от моей ноги, летящей ей в челюсть.

Открываю глаза, осматриваю стены маленькой комнаты, пытаюсь припомнить, где я их видел раньше. Подо мной тонкий матрас и скомканное одеяло, я обнимаю подушку, будто любимую девушку. Приподнимаюсь на локте и сразу вижу больше.

Кошка сидит рядом, у нее в руках кусочек ваты, смоченный в чем-то вонючем.

– Что ты делаешь? – спрашиваю хриплым не своим голосом. Не могу понять, как очутился в ее спальне.

– А ты как думаешь?!

Она подбирает с пола ком одежды и швыряет им в меня. После превращения моя реакция заторможена, я успеваю только лишь отвернуться, но не поймать его на лету. Скомканные тряпки бьют меня по голове и падают рядом. Звериные привычки настолько сильны, что я сперва принохиваюсь к вещам, а уже потом рассматриваю и узнаю в них свои штаны и футболку.

– Взяла у тебя в комнате первое попавшееся, – Кошка поджимает губы, удостоверившись, что я больше не стану брыкаться, кладет мою ногу себе на колено. – Позволь узнать, почему ты заявился ко мне посреди ночи?! Вся постель теперь в земле! Ты видел, что у тебя лапа порезана? Запачкал тут все кровью! Сам отмывать будешь! Где ты ее так изранил?

Она с остервенением прижигает порез, но я этого почти не чувствую, потому что сейчас буквально каждый сантиметр моего тела отзывается болью. Надеть на себя футболку кажется настоящим испытанием. Мне чудится, будто после ночи в волчьей шкуре мои мышцы превратились в раскаленные угли. Малейшее движение доставляет невероятные муки. Даже мне, человеку в довольно неплохой физической форме, невозможно всю ночь скакать по лесам и горам и наутро не быть разбитым. Я стараюсь отстраниться от этих ощущений и вернуться воспоминаниями в прошедшую ночь. Кошка сказала, я поранил ногу. Где это могло случиться? Перед глазами лишь какие-то фрагменты: деревья, кусты, камни... может, камни в ущелье? Не знаю.

Вчерашний день склеивается в памяти из разрозненных осколков. Зачем я вообще стал Зверем?

– Девчонка, – вдруг вспоминаю я. – Вы привезли ее?

– Конечно! – фыркает Кошка. – Она до сих пор дрыхнет в гостиной. А ты где шастал всю ночь?

Я хватаюсь за голову и с силой давлю ладонями на виски. Кости ломит, кожа по всему телу, будто из всех сил натянулась и растрескалась, внутри жар. Как же это больно – быть человеком! Но самая худшая боль, присущая двуногому – душевная. Это непередаваемое наслаждение – быть зверем, которого не тяготит бремя прошлого, не мучают страхи перед будущим, не одолевают переживания по поводу настоящего. В звериной шкуре все просто: ты сыт, значит ты счастлив. Пока твоей жизни ничто не угрожает, ты находишься в покое. Ощущаешь себя частью гармоничной Вселенной. У тебя настолько все хорошо, что, вернувшись невозможно даже вздохнуть – таким грузом наваливается то, что ты привык прятать где-то глубоко внутри.

Вновь став человеком, приходится заново столкнуться со своими призраками лицом к лицу, причем со всеми разом. Вдруг вспомнить об их существовании и снова не найти ни единого способа от них избавиться. Если бы я знал о местонахождении органа, вызывающего эти тяжкие душевные муки, я бы выгрыз его собственными зубами этой же ночью, но, к сожалению, так это не решается.

Смотрю на Кошку с любовью и тоской. Ощущая всю остроту этого момента. Вот она здесь, рядом, такая живая и настоящая, хмурящаяся, покусывающая губу, ворчащая, небрежно откидывающая челку. И, кстати, почему она покрасила ее в фиолетовый? Почему ей это так идет? Невероятно сложно поверить в то, что она в любую секунду может исчезнуть. Просто растаять в воздухе, словно ее никогда и не существовало. Словно она пришла к нам ненадолго и ее время истекло. И я не знаю ни единого способа ее удержать или потом вернуть. Как будто их и не существует. А что, если и правда не существует?

– Не делай такое лицо, – хмурится Кошка, прилепляя пластырь, который совершенно точно на мне долго не продержится. – И надень штаны! Кажется, я достаточно насмотрелась!

Она заканчивает истязать мою несчастную пятку, отходит к шкафчику, чтобы убрать остатки ваты и мазь. Чтобы не смотреть мне в глаза. Чтобы отвернуться от того, что она так боится в них увидеть.

Поднявшись с ее постели, я пару секунд борюсь с легким головокружением. Стоять на двух ногах сложнее, чем на четырех, а высота, с которой я возвышаюсь над полом, потрясает. Но справиться с этой слабостью просто. Гораздо проще, чем с той, что горчит и саднит где-то глубоко в душе.

Я всегда молчал. Не поднимал эту тему и вовсе не потому, что не хотел расстроить Кошку. Мне самому было трудно говорить об этом. Я боялся всех этих слов, считал, что, если не произносить их вслух, а пугающие мысли спрятать поглубже и не прокручивать в голове день за днем, все как-то само собой разрешится. Рассосется. Уляжется. Если бы я не наблюдал за ней *там*, наверное, смог бы убедить самого себя в том, что она пришла сюда насовсем, и ее место отныне здесь, с нами. Но каждый раз, навещая девушку, лежащую в коме, я думаю о том, как близко она подобралась к смерти. Слишком близко, и лучше бы ей вернуться в свое тело, пока еще не поздно это сделать.

– Кэт, ты должна вернуться.

Ее позвоночник сковывает льдом. Я не вижу ее лица, но могу себе представить, как застыл ее взгляд, как сжались губы в тонкую полоску.

– Куда вернуться? – уточняет она тихим голосом.

– К себе. Ты понимаешь.

Конечно, она понимает. Она все прекрасно понимает кроме одного: почему я на этом так настаиваю. Почему я против того, чтобы она оставалась с нами и дальше.

– Мы не будем это обсуждать. – Отрезает Кошка.

Она отдаляется от меня стремительно, прячет все свои чувства по сундукам и каждый запирает на ключ. Ее присутствие в комнате становится едва ощутимым. Вдобавок к этому она решительно шагает к двери, и мне приходится преградить ей путь.

– Как же ты не поймешь, – в беспомощной ярости кричу я. – Ты умираешь! Там, с каждым днем твое тело слабеет! Ты должна вернуться в него, чтобы жить!

– Жить? – переспрашивает Кошка. В ее блестящих от слез глазах усмешка. – Ты называешь это жизнью?

– Кэт...

– Нет, послушай! – напирает она. – Ты видел, что со мной случилось? Ты знаешь мой диагноз? Полный паралич нижних конечностей. Ты хочешь, чтобы я вернулась в это тело? Осталась инвалидом на всю жизнь? Стала обузой для родителей? Не могла без чужой помощи делать самые простые вещи?

– Кэт!

– Ты тоже умираешь, Волк! Рождаясь, мы всю оставшуюся жизнь идем к своей смерти, и чем твой путь лучше моего?! Хотя бы просто попытайся принять мой выбор!

Она с силой толкает меня в грудь, освобождая себе выход. Я успеваю схватить ее за руку. На одну крошечную секунду, в которую я могу решить все. Я знаю ее настоящее имя. Я могу произнести его, и она вернется. В тот же миг откроет глаза и выйдет из комы. У имен есть магическая сила – возвращать. Но я не делаю этого. Не из благородства. Не потому, что не имею права решать за нее. А просто потому что боюсь. Ее рука в моей руке – это все, что у меня есть, и я страшно боюсь, что это в последний раз.

Ее пальцы выскальзывают. Она убегает. Мне трудно дышать. Я чувствую себя зверем, загнанным в клетку. Тесная комната. Низкий потолок. Спертый воздух.

Из всех сил бью кулаком в толстую стену Бункера. Он это стерпит. Он и не такое способен выдержать. Бью снова и снова, вкладываясь в каждый удар, пока чувство страха и беспомощности не выходят из меня горьким ядом, перемешанным с кровью. Красный кровавый крик, размазанный по стене – мое последнее слово. Никогда больше я не заговорю с Кошкой на эту тему. Никогда больше.

Гостиная жужжит голосами, как пчелиный улей. Я врываюсь диким бесноватым зверем, разговоры разом смолкают, разбиваясь об меня. Обвожу всех бешеным взглядом и уже собираюсь удалиться, как передо мной возникает Сумрак:

– Волк, отойдем на пару слов?

Мне абсолютно не до разговоров. Предыдущего с Кошкой вполне достаточно.

– Не сейчас, – рычу я.

– И все же я настаиваю.

У меня в животе вдруг возникает ощущение невесомости, а в следующую секунду в комнате остаемся только мы вдвоем. Он перетащил меня на слой выше, туда, куда не ходят близнецы с Питом, где они не могут нас увидеть и услышать. Не удивлюсь, если это уровень одного лишь Сумрака. Выглядит он тут, как тысячетелный вампир, недавно хлебнувший свежей крови и вернувший лицу человеческий румянец. Отвратное, в общем, зрелище, для того, кто привык к другому Сумраку.

– Зачем это? – спрашиваю я.

– Я скажу тебе кое-что и хочу, чтобы ты это понял.

– Тогда подбирай слова попроще.

– Хорошо, Ночной Охотник, я постараюсь. Ты знаешь... узоры наших судеб давно сотканы. Мы приходим сюда проживать определенную судьбу и изгибы ее мы выбираем сами задолго до земного воплощения. Ни один переломный этап в человеческой жизни не случаен. Катя не случайно родилась в этой семье, не случайно оказалась в той машине и не случайно попала в аварию. Может, все это было лишь для того, чтобы она сумела найти дорогу сюда, в Город. Для чего? Я не знаю. Ты спросил, почему я ничего не делаю. Потому что сейчас она расписывает свой узор. Она проходит тот путь, ради которого сюда пришла. Я не могу вмешаться и изменить его, я не могу повлиять со стороны. Все, что мы можем – быть рядом и, если потребуется, мир проявится через нас. Возможно, он уже это сделал. Не бери на себя смелость перекраивать чужие жизни, ты не всемогущ.

Мне даже сказать нечего. Стою с раскрытым ртом, как глупый первоклашка, которому все это объясняли на прошлом уроке, а он забыл по рассеянности. Именно такое у меня ощущение – будто я все это и так знаю, и прекрасно понимаю и незачем мне растолковывать все заново.

– И вот еще что, – добавляет Сумрак как бы между прочим. – Хочу предупредить. Еще несколько превращений, и ты навсегда забудешь, как снова стать человеком. Город заберет тебя и сделает своим вечным стражем.

За то время, пока я моргаю, гостиная возвращается к прежнему обличию.

– А вот это наглость! – взрывается Пит. – Нет, вы видели? Они уже меняют частоту просто чтобы пошутиться за нашей спиной! Наплевав на наши семейные ценности! Не стыдись нашего дорого гостя! Перейдя все дозволенные и недозволенные границы приличия!

И тут я вижу ее. Пит еще долго распыляется в своей возмущенной тираде, а я во всю глазею на девчонку, как на диковинного зверька, которого до этого дня еще ни разу не видел. Задаю себе дурацкие вопросы: а почему у нее такие длинные волосы? А почему такие необычные глаза? А как называется этот цвет? Весенне-зеленый? Почему она так смотрит? А это что у нее на носу, веснушки? А почему она такая худая?

Вся она кажется невообразимо тонкой и хрупкой. Тонкие длинные пальцы, узкие острые плечики, худые ручки и ножки. Я вдруг вспоминаю сказку про Дюймовочку. Честное слово, будто мы вчера нашли ее в бутоне волшебного цветка. Внезапно глаза ее расширяются, сверкая своей травянистостью, и она говорит мне:

– Я помню тебя. Вчера.

Мы с Сумраком переглядываемся. Она не может помнить. Она не видела меня таким. Не знает моего лица. Девчонка вдруг смущается и продолжает сумбурно, сомневаясь в своих словах:

– Только ты был... лохмат... нет, я ошиблась...

Она не ошиблась. И мы все начинаем догадываться, что поезд то ее привез далеко не просто так. И вообще подобные вещи просто так не происходят.

Я намеревался попасть в душ. После ночи, проведенной в звериной шкуре, хочется отмыть руки и ноги от земли, вычистить грязь из-под ногтей. Совершить какие-то обычные человеческие процедуры, чтобы снова почувствовать себя одним из них. Но мне становится любопытно, и я остаюсь, сажусь в свободное кресло. Малая тут же забирается ко мне на колени.

– Я грязный, – бурчу я.

Но грязь – это, по-моему, последнее, что может ее напугать. На самом деле мне интересно, за что она любит такого малопривлекательного, а, если быть честным, отвратительного типа, как я. Моя грудь ей вместо подушки. Удобненько устроившись, она берет мои руки и опоясывается ими. Мысленно заставляю себя смириться с этим. И с тем, что она болтает ногами и стучается об меня пятками.

Ее брат Двойник сидит рядом с пришлой девчонкой, украдкой трогает ее волосы. Новенькие всегда привлекают всеобщее внимание. Они словно звезды, упавшие с неба. Такие же яркие и невероятные, горящие изнутри. Они напоминают нам, какими мы и сами были, когда впервые сюда пришли.

Замечаю, что с нами нет Кошки. Видимо, она убежала в курилку. Из-за того, что я ей наговорил. Придурок.

Сумрак осторожно задает вопросы, тщательно подбирая слова, подмечая, как девчонка на них реагирует. Он хочет понять, как на вокзале оказался поезд. Почему он привез ее одну. Почему именно ее. И что она сама знает обо всем об этом.

– Выходит, ты просто ехала на поезде к бабушке? Ничего необычного при этом не происходило?

Девчонка задумывается, выражение ее лица несколько раз меняется с сосредоточенного на удивленное, потом растерянное, восторженное и снова удивленное, потом она говорит:

– Все, что происходило, было крайне необычно! С самого начала! То, что я поехала к бабушке – очень необычно. Последний раз я у нее была давным-давно, в детстве. Если честно, я ее почти не помню. И на поездах я никогда не путешествую. И вовсе я не путешествую и не уезжаю из дома. И поезд, в котором я ехала, был очень необычный. Когда я в него садилась, он выглядел, как новый, а когда выходила, как будто бы состарился. И вокзал тоже был очень

необычный. Я бы сказала, что он заброшен уже много лет, но так же не бывает? И вокруг было необычно мало людей. Ни одного, если точнее. И я пошла в город, который тоже мне показался каким-то уж больно необычным. А на трамвайной остановке ко мне подошел необычный дед и сказал, чтобы я там не стояла и поскорее топала домой, потому что в это время трамваи уже не ходят. И знаете, что? Это только необычные трамваи перестают ходить, а обычные еще долго ходят.

Как правило, болтовня Пита вызывает во мне неудержимое желание затолкать ему в рот грязный носок. Я вообще не выношу пустого трепа. Но эта девчонка говорит с такой интонацией, с таким выражением лица, что не терпится узнать, чем же закончилась ее история, и все ли остались живы, хотя я и без того это все прекрасно знаю.

– Но все эти необычности кажутся самыми обычными по сравнению с этим местом, – продолжает она, озираясь по сторонам. – Когда я проснулась в этом подземелье и увидела вас, подумала: как-то это все очень необычно. И самое странное, как я считаю, спрашивать, не происходило ли со мной чего-то необычного. Как будто это самое обычное дело – привозить людей в подземелья, пока те спят, а потом задавать вопросы. Уж если кто и должен задавать вопросы, то, несомненно, я, а не вы.

Мне хочется взглянуть на Сумрака, увидеть его реакцию, но я не могу отвести от нее взгляд.

Пит наклоняется и тихонько шепчет мне на ухо:

– Она мне уже нравится.

Я как-то неопределенно киваю, тут же спохватываюсь.

– А ты вообще в какой город ехала? Бабушка твоя где живет? – спрашиваю по привычке с нажимом, как обычно спрашиваю, когда раскалываю кого-то.

Мой тон ее не пугает.

– В этот город я и ехала, – отвечает она невозмутимо.

Мы все молчим и не торопимся открыть ей правду, о том, что этот Город ни разу не тот, в который она намеревалась попасть. Уж у нас-то по этому поводу сомнений нет никаких.

Кошка до сих пор не появилась, и я начинаю нервничать. Наверное, она сильно расстроена и никого не хочет видеть. Зачем я наговорил ей все это? Ведь знал же, что слова ничего не изменят. Едва ли тут можно что-то изменить разговорами. Пожалуй, Сумрак прав и мне стоит поменьше об этом думать. От этих мыслей лишь становится паршиво на душе и при этом они ничего не меняют. Ровным счетом ничего.

– Ты грустный.

– А? Что? – меня словно за шиворот вытаскивает из водоворота мыслей.

Ее глаза сияют солнечной лесной лужайкой, смотрят прямо.

Зачем она так сказала? Что имела ввиду? Какое ей вообще дело?

Заявляю категорически:

– Нет.

Малая встревоженно заглядывает в мое лицо, гладит разбитые о стены кулаки. Я резко поднимаюсь с кресла, близняшка скатывается на пол и сразу обижается. Делает вид, что вот-вот заплачет.

После ночи, проведенной в шкуре зверя, и ссоры с Кошкой, мне хочется закрыться от всех в своей комнате, залезть под одеяло и впасть в спячку на несколько месяцев. Может, на полгода. А потом проснуться и удивленно и внимательно выслушивать истории, хотя бы даже Пита, о том, как все вокруг удачным образом разрешилось. Как они выяснили, откуда взялся этот поезд и эта девчонка. Как отправили ее обратно, и как отвесили люлей Питбулю. Обо всем на свете, одним словом. Вставлять комментарии типа: «ну вы, ребята, даете» и: «да быть такого не может», возможно: «батюшки мои, неужели я такое проспал?!» Но сейчас меня утомляют

взволнованные лица и направленные в мою сторону взгляды. Все эти истории слишком запутанные и сложные для того, кто совсем недавно пил из лужи и валялся в траве.

Качаю головой и ухожу.

Мне хочется смыть с себя слой грязи и все посторонние запахи. Я ожесточенно растираюсь мочалкой, как будто пытаюсь содрать кожу слоями, оставив только самого себя, свое нутро. А потом выключаю горячую воду и на всю мощь врубаю холодную. Мой первый тренер привил мне много полезных привычек, контрастный душ – одна из них. Знал бы я тогда, еще будучи пацаном, что это будет чуть ли не единственным спасением от той боли, что приходит после превращения. Если бы знал, может, и передумал становиться таким. Не считал бы оборотничество столь соблазнительным, каким оно мне показалось на первый взгляд. Но я не знал. А к советам Сумрака не прислушался из тупого упрямства.

Забравшись в кровать, не могу провалиться в сон и болтаюсь где-то на грани с явью, находясь одновременно в своей спальне и где-то еще. Время начинает течь по другим законам.

Внезапно дверь приоткрывается, кто-то проскальзывает в комнату и с мягким шорохом ложится в узкую щель между мной и стеной. Я окончательно просыпаюсь, понимаю кто это, и сразу становится тепло и спокойно. Грудь расправляется, словно с нее сорвали тяжелые оковы и я, наконец, могу глубоко и с удовольствием вздохнуть.

– Спасибо, – шепчет Кошка.

Ее дыхание щекочет шею. Пахнет сигаретами и мятной жвачкой. Она обнимает меня и утыкается лбом в ключицу.

Интересно, это Сумрак провел с ней разъяснительную беседу или она сама поразмыслила над тем, что я сказал и почему я это сказал? Вовсе не потому, что не хочу, чтобы она была здесь с нами, а потому что боюсь потерять ее навсегда в обоих мирах.

– Я рад, что это ты, а не Пит, – пытаюсь пошутить я. – Чуть драться не начал.

В темноте я слышу ее улыбку.

Она ерзает, устраиваясь поудобнее, потом говорит с какой-то тоскливой ноткой:

– Я знаю, какие у тебя дела с Локи. Я ценю это, но не хочу, чтобы ты этим занимался. Но ты же не слушаешь?

Делаю глубокий вдох и выдыхаю в макушку, что под самым моим носом. Ее волосы разлетаются, щекоча мне лицо.

– Ты хочешь, чтобы это длилось всегда? – спрашивает она. – Я тоже. Но всегда это не значит вечно. Это значит до самого конца. Понимаешь?

И я понимаю. Теперь я ее понимаю, но ничего не могу сказать. У меня нет для нее нужных слов. А тишину не стоит разбивать мертвыми словами.

Освобождаю руку из-под одеяла, чтобы обнять Кошку. Прижать к себе покрепче хотя бы на мгновение, до того, как она начнет шипеть и брыкаться, потому что терпеть не может, когда ее обнимают. Я стискиваю ее и вдруг ощущаю, каким холодным стало ее тело. Во мне много жизненного огня, а в ней совсем не осталось. И мне вдруг становится так важно согреть ее, поделиться своим теплом. Она словно угадывает мои мысли:

– Хочешь сладкий сон в обмен на кровь?

Шуршат простыни, я поворачиваюсь на спину. Кошка кладет подбородок мне на грудь. Кончиками пальцев отодвигаю фиолетовую челку, чтобы видеть оба глаза, в которых разгорается маслянистый блеск. Она действительно хочет мою кровь. Чтобы стать настоящей, такой, как я, Пит, Сумрак и эта странная девчонка, прибывшая на поезде. Я не против.

– Ты проследишь, чтобы меня не будили до зимы?

– Обойдешься! – она привстает на локте, возвышаясь надо мной. – Я сама растолкаю тебя к вечеру.

– Я думал, уже вечер, – говорю я почти шепотом.

Она наклоняется, мягкие губы касаются шеи, и мне приходится подавить в себе желание схватить ее или оттолкнуть. Для меня это табу – подпускать кого-то к горлу.

– Вечер. – Ее слова нежно скользят по краешку уха. – Утро. Здесь никогда не понятно.

Острые зубы прокусывают кожу, и я сжимаю в кулаке край одеяла. Зверь внутри меня в ярости взбрыкивает. Я держу его. Потому что так надо. Потому что ей можно. Лишь эта близость между нами мне позволена, и я не могу не наслаждаться ею и тем, что моя кровь дает Кошке жизнь, и делает похожей на нас. Пожалуй, это самое большое, что я могу ей дать, и что делает нас одним целым.

Глава 5

– Есть разговор.

Сумрак сидит на полу в углу с задумчивым видом, прокручивает серьгу в ухе. Интересно, как давно он здесь? И интересно, почему я не проснулся, когда он вошел? У меня чуткий звериный сон, я реагирую на любой шорох, а уж тем более, на варварское нарушение моих границ. Сумрак, конечно, умеет быть незаметным, но сейчас он явно не собирался оставаться незамеченным, иначе молчал бы и дальше.

– Какого хрена? – спрашиваю и тут же вспоминаю про Кошку. До меня, наконец, доходит, почему я так крепко уснул. Надо быть полным кретином, чтобы выдергивать человека из такого глубокого сна. – У тебя своей комнаты нет или тебе нравится смотреть, как я пускаю слюни в подушку?!

Сумрак никак не реагирует на мой гневный выпад. Даже не смотрит в мою сторону. Сидит в своем углу, словно затаившийся паук.

– Как по-твоему, почему она здесь? – спрашивает.

Я вдруг понимаю, что в Бункере стоит какой-то шум. Вопли Пита и грохот разбрасываемых вещей. Что-то начало меняться, пока я спал. «Девчонка» – вдруг вспоминаю я и вылезаю из кровати.

– Ты так говоришь, – подхожу к шкафу, разглядываю покосившуюся дверцу, частично слетевшую с петель, которую все никак не почию. – Как будто существует некая причина, по которой люди здесь оказываются. Поправь, если я ошибаюсь, но большинство попадают сюда по ошибке, проваливаясь в дыры между мирами.

– Только не она.

Перетряхиваю вещи в шкафу в поисках ветровки с капюшоном, но так и застываю, забыв, что именно ищу. Слова Сумрака звучат как-то неправильно.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ее привез поезд.

Усилием воли заставляю себя разжать пальцы и отпустить дверцу шкафа, которую запросто мог бы оторвать и запустить в него. Говорю ровным голосом:

– Я в курсе, старина. Возможно, ты не помнишь, но мы вместе топтались у этого несчастного поезда! А потом помчались на ее поиски. Я не страдаю провалами в памяти, как ты, возможно, обо мне подумал. Поэтому сделай одолжение, не напоминай мне о том, что произошло несколько часов назад. Просто объясни, что ты имеешь в виду.

За все это время Сумрак впервые переводит взгляд на меня, и я ясно читаю в его глазах: «Ты ничего не понял. Не спеши, вслушайся».

– Ее. Привез. Поезд. – Повторяет он, выделяя каждое слово и добавляет для тупых, то есть для меня. – Не она приехала на поезде.

– Погоди... – я начинаю различать тонкий оттенок, делающий вкус этих фраз разным. – Ты хочешь сказать...

– Что-то доставило ее сюда. Или кто-то. Целиком. На поезде. Ты прежде слышал о подобном?

Нет, ни о чем таком я прежде не слышал. Я вообще слабо могу себе это представить. Поезд-призрак, – поставщик людей из другого мира. Срочная доставка, получите, распишитесь. Кому такое могло прийти в голову? И кто способен осилить подобное?

– И чей же это заказ? – спрашиваю я, сильно сомневаясь, что это вообще возможно.

– Не знаю, но хочу выяснить. И до тех пор она останется у нас.

Прислушиваюсь к шуму, перекачивающемуся по бункерным коридорам, и начинаю понимать, что происходит. Они готовят ей комнату.

Сумрак мало кого пускает в Бункер. У него свои правила на этот счет, и из каких соображений он делает выбор, никто из нас не знает. Даже я. Но могу сказать совершенно точно, что между всеми нами существует некая связь, будто мы сотканы из одного материала, будто мы одно целое, разделенное на множество кусочков. Какими бы ни были наши взаимоотношения, но ближе и роднее друг друга у нас никого нет. И то, что Сумрак решил оставить девчонку с нами, о многом говорит.

– Мы ей еще ничего не рассказывали, – Сумрак наконец выползает из угла на свет. – Когда выяснится, что она не в своей реальности, и она запаникует, и начнет умолять нас вернуть ее обратно, я хочу, чтобы ты не говорил, что я могу это сделать.

Эта просьба заставляет меня криво ухмыльнуться. Неужели он способен представить себе такое? Как я нежно беру ее за руку и сыплю заверениями, что ей нечего бояться, потому что мой всемогущий друг может решить ее проблему за считанные секунды.

– А ты можешь? – уточняю я.

Сумрак смотрит на меня испытующе. Предвидя все мои последующие вопросы и просьбы. Не желая на них отвечать, он оставляет ответы на самой поверхности. Так, чтобы я с легкостью сумел их прочесть и уяснить. И я считываю каждый: есть вероятность, что ему это под силу; нет, он не станет возвращать ее обратно и переводить через границу между мирами; нет, он не сделает этого и для Кошки.

Я лишь качаю головой и возвращаюсь к шкафу в поисках чертовой ветровки, которая лежит, по всей видимости, на самом дне. Яростно хватаю вещи и выбрасываю их на пол, прямо себе под ноги. Присутствие Сумрака раздражает. Внезапно его длинная рука проскальзывает в шкаф и хватает вешалку с теплой шерстяной рубашкой. Он надевает ее, как ни в чем не бывало, прямо поверх футболки, кстати, тоже моей.

– Что?! – взрываюсь я. – Какого хрена?! Почему ты вечно таскаешь мое барахло?!

– А тебе жалко? – удивляется он.

– Мне не жалко! Просто... сходи в магазин и купи!

– Ты серьезно? Ночью сходить?

Это я ляпнул не подумав. Сумрак – самый сильный Смотрящий из всех, живущих в Городе. Он с легкостью блуждает между мирами и общается с разными сущностями. Он достаточно знает о сотворении Вселенной и хранит многие тайны Мира. Но так уж сложилось, что он не может делать самых простых вещей, которые с легкостью осилит любой человек – например, он не может выйти на улицу днем. Сумрак физически не переносит света и если долго простоит под солнцем, может даже умереть. Поэтому он никогда не посещает парикмахерские и состригает свои космы сам, когда они начинают ему сильно мешать, а из всех магазинов Города может попасть только в парочку, что работают допоздна. И там не продают одежду.

Мои раскопки, наконец, завершаются успехом, я влезаю в теплую толстовку с капюшоном. Бункер похож на пещеру – здесь всегда одна и та же температура около семнадцати градусов независимо от времени года. Приходится одеваться как следует.

Сумрак по-прежнему стоит на месте, и это начинает меня бесить:

– Тебе нужно что-то еще?

– Да. Я не хочу, чтобы Пит болтал лишнего. Он это умеет. Вправь ему мозги.

После этих слов он, наконец, убирается из моей комнаты.

В Бункере все всегда проходит дружно и слаженно. Какая бы бредовая идея ни пришла кому-то из нас в голову, ее подхватят все, будто вирус гриппа, и заболеют ею с неисчерпаемым энтузиазмом.

В гостиной шумит магнитофон, а посреди комнаты громоздится гора хлама. Рядом с ней восседает Пит, как старший надзиратель. Он – властелин этой горы. Он следит за ее формированием и лишь ему одному ощутимой красотой. Он указывает какой предмет в какую ее часть

следует положить. Все остальные гуськом приносят ему свои дары. Первым в очереди стоит Двойник. Его незабудковые глаза сияют от восторга, щеки покраснелись. В руках он гордо держит руль от велосипеда. Пит проверяет работает ли звонок и велит положить его на самую вершину горы. После этого Двойник убегает обратно в комнату, из которой они выуживают весь этот хлам. Фред наблюдает за происходящим из своего аквариума, кажется, он удивлен не меньше моего.

Кошка несет горшки с засушенными растениями. Выглядит она очень энергичной и счастливой. Видя меня, вдруг смущается и отводит глаза в сторону. Она всегда стесняется того, что пьет чужую кровь. Питпэн кивает вправо, и горшки отправляются в пустой ящик из-под апельсинов. Он настолько вовлечен в свою работу, что аж вздрагивает, когда моя тяжелая рука опускается на его плечо.

– На пару слов. – Говорю я.

– Ты что, не видишь, что я занят? – он смахивает мою руку с раздражением, как какого-то отвратительного слизняка.

На мой взгляд, в отличие от всех остальных, он как раз-таки ничего и не делает. Малая тащит по полу старые перьевые подушки, а за ней уже бежит Двойник с загнутой проржавевшей трубой. Не понимаю, откуда у нас взялся весь этот хлам, но уверен, что дальше они справятся и без Пита.

Наклоняюсь к его уху, чтобы слышал только он:

– Малыш, я сейчас схвачу тебя за шиворот и выволоку отсюда. Ты же не хочешь, чтобы это произошло при девочках?

Пит на глазах становится пунцовым. Его губы дрожат от ярости. Он молча встает и выходит в коридор с гордо поднятой головой. Я иду следом.

– Что ты себе позволяешь?! – шипит он на меня, как только мы теряемся из поля зрения остальных. – Совсем с катушек съехал?!

Хватаю его за ворот рубашки и с силой впечатываю в стену. Он тут же становится тихим и кротким, каким и должен быть человек, при разговоре с тем, кому в полный рост и до плеча не достает.

– Заткнись и слушай, – говорю я вполголоса. – Девчонке лишнего не болтай. Ни про нас, ни про это место.

– Ой, да можно подумать я когда-то... – встряхиваю его, и он замолкает.

– Заткнись и слушай, – повторяю я с нажимом. – Никаких диких историй и баек Резвого Летуна. Лучше вообще помалкивай.

Пит оскорблен, как никогда. Да меня и самого бесит, что я вынужден это делать.

– Ты меня услышал, – говорю я и отпускаю его. – И чтоб через час этого мусора в гостиной не было.

С тех пор, как я сломал свои наручные часы, стало тяжело ориентироваться во времени. В Бункере нет ни единого окна, ведущего наружу, только дверь, и что ждет за этой дверью, порой бывает сложно предугадать. Особенно после того, как провалился в глубокий сон на неизвестно сколько часов. Мне кажется, что еще день или вечер, но точнее сказать не могу.

Старая дверь на ржавых петлях отворяется с жутким скрежетом. На меня льется бархатная тьма ночи, легкой прохладой ложится на плечи и сбегает вниз по спине. Запах травы кружит голову, напоминает о лесе, зовет туда, где можно бежать среди деревьев, утопая в папоротниках, пугать спящих птиц, читать чужие следы, быть частью дикого мира. Я хочу быть Зверем, хочу почуять сладкий запах добычи, выследить ее, гнать сквозь лес, броситься в решающем прыжке, схватить стальными челюстями и наслаждаться тем, как чужая жизнь горячими толчками перетекает в горло.

«Ты навсегда забудешь, как снова стать человеком» – вспоминаю слова Сумрака. И не знаю, сколько человеческого во мне еще осталось, но чувствую, что немного. Может, мне суждено быть Ночным Охотником? Может, не так уж это и плохо? Хорошим парнем быть не получилось, так почему бы до конца дней не оставаться зверем?

Слышу шаги Кошки. Она приближается тихо и плавно, встает близко, – кожей чувствую тепло ее тела. Кэт стоит так, вслушиваясь в ночь, вдыхает ее запах. Затем достает сигарету и закуривает, предлагает мне тоже, и я соглашаюсь только за тем, чтобы постоять с ней подольше.

– Сумрак зовет, – еле слышно произносит Кэт. – Близнецы вдруг исчезли. Испарились прямо посреди комнаты. Ну ты знаешь, как это обычно бывает.

О да, я знаю, как это обычно бывает! Когда ты пьешь кофе в пустом Бункере, и вдруг из-за твоей спины выскакивают дети. Или читаешь газету, думая, что абсолютно один в гостиной, и вдруг на тебя откуда-то сверху падает девчонка и визжит от радости. Исчезают они так же внезапно. Раз и нету. Как будто все это время их рисовало лишь твое больное воображение. Обожаю сновидящих! Абсолютно непредсказуемые ребята!

– У нашей гостьи много вопросов.

Конечно, могу себе представить. Вопросы возникают у каждого, кто сюда попадает. Реакция людей, внезапно оказавшихся в другом мире бывает разной: паника, мольбы, угрозы, слезы, безумный неудержимый хохот или наоборот полный ступор. Учитывая, что «Нормальным вход воспрещен», можно ждать чего угодно. Я видел всякое. Но наша Дюймовочка превозмогла все мои ожидания...

Мы сидим за общим столом. У каждого стакан с чаем. Просто чтобы занять руки. Чай вообще частенько служит связующим звеном за разговором и упрощает взаимопонимание. Такое уж у него магическое свойство. Никто его не пьет. Я смотрю на девчонку, прокручивая в голове то, что говорил о ней Сумрак. Она явно одна из нас. Я чувствую эту Силу внутри нее, чувствую, насколько мы схожи энергиями. Она вполне могла бы попасть сюда самостоятельно, но поезд... Можно прыгать по мирам. Можно менять свою физическую оболочку. Можно летать и вызывать молнии, но нельзя ничего переносить из одного мира в другой. Даже спичечного коробка. Во всяком случае, для этого придется очень сильно постараться. А тут чертов поезд. В голове не укладывается! Да на ближайшую сотню километров нет никого, кто мог бы совершить такое! Разве что тот, кого я абсолютно не знаю. Например, тот, кто сидит прямо передо мной сейчас. Что, если Сумрак ошибается на счет нее?

– То есть вы утверждаете, что я не просто вышла не на той станции, вы хотите сказать, что я вышла даже не в своем мире? – спрашивает девчонка.

– Именно так, – подтверждает Сумрак.

– Любопытно.

И она надолго замолкает, погруженная в свои мысли. Любопытно ей, видите ли! А где же крики, паника, дикий смех, метания из угла в угол, обвинения, причитания, мольбы и коронное: «ой, да перестаньте вы меня разыгрывать!»

– И вы все сюда приехали на поезде? – уточняет она.

Мы переглядываемся.

– Попасть сюда можно по-разному... – Сумрак осторожно выбирает слова. – Но еще никто не приезжал на поезде.

– Ага, значит я первая.

И она снова надолго замолкает. Кошка нервничает, откусывает заусенцы. Ей хочется закурить, но здесь это сделать нельзя, а из курилки и слова не будет слышно.

– А ты? – девчонка вдруг обращается к Питу. – Ты как сюда попал?

Я поражаюсь тому, как она ведет разговор. Почему она спросила именно у него? Почему не спросила, как это бывает обычно, и какие существуют способы? Почему ее голос так спо-

коен, а на лице нет никаких эмоций? Разве что тонкая морщинка на лбу. Словно она просто-напросто пришла к себе домой, а теперь хочет выяснить, кто мы такие и что мы все тут делаем.

– Это очень интересно! – Пит счастлив, что вопрос был адресован ему. Он так долго держался и сидел молча, а теперь имеет полное право высказаться. – У всех свой метод. Я свой назвал «Метод радио». Тебе, конечно, интересно, что я имею ввиду! Так вот, слушай. Миров на самом деле много, но они не как планеты разбросаны по всему космосу в разных местах, они все существуют одновременно в одном и том же месте. Создатель Вселенной нашел изумительный способ, который позволяет этим мирам не смешиваться и не нарушать границы другогого. Каждый из миров настроен на свою частоту, понимаешь? Как каналы в радиоприемнике. Каждый из нас – такой приемник, и каждый настроен на определенную частоту. Как наше ухо улавливает определенный звуковой диапазон, так и мы сами живем в конкретном диапазоне, привязывающем нас к определенной реальности. Все существа из одного мира настроены на одну частоту и воспринимают друг друга, но не тех, кто живет на другой частоте. Представь, что в этой комнате много других невидимых существ. Они – частые колебания, а мы – медленные, но мы все живем в одной Вселенной, и отличны только по своим вибрациям. Если я сумею у себя вызвать частые колебания, на которых живут они, я немедленно окажусь в ином слое существования, вас я перестану видеть, вы исчезнете, а те, другие, появятся. “Метод радио”, врубаешься? Все частоты существуют одновременно, в одном и том же пространстве и в одно и то же время, но ты будешь в том мире, на волну которого настроен твой внутренний приемник. Если мне нужно перескочить в другой мир, я просто меняю свою частоту и сразу оказываюсь там. Это как переключить радио с одной волны на другую и услышать совсем другую песню, понимаешь?

Я поглядываю на Сумрака. Устроил ли его такой ответ или он решил, что Пит болтанул лишнего? В любом случае, я сделал все, что мог. Проще отправиться сражаться со стихийным бедствием, чем заставить Летуна молчать. Впрочем, мне его ответ понравился, надо бы запомнить, как искусно он выразился. Пригодится, когда буду пудрить мозги девчонкам.

Наша гостья выслушала Пита с хладнокровным спокойствием ледяного дракона.

– Поэтому они исчезли? – ни единой эмоции. – Те близняшки. Сменили частоту? Ушли на другую волну? Переключили свой внутренний приемник?

Мне хочется сделать что-то такое, чтобы ее напугать. Ей что, каждый день рассказывают о параллельных мирах и о том, как можно перепрыгивать из одного в другой, будто через скакалку? Какого черта с ней не так?!

Пит готов продолжить свою бесконечную болтовню, на этот раз окунаясь в тонкости сновидящих, но Сумрак его опережает:

– Нет, они приходят сюда во сне. То есть их тела остаются в том мире, путешествует лишь сознание и душа. Проще изменить частоту ума, чем частоту физического тела, выражаясь языком Пита.

Мне показалось, что на ее лице промелькнуло облегчение.

– А может, я тоже уснула в поезде и попала сюда, может, я скоро проснусь?

– Нет, – возражает Сумрак. – Ты тут вся, целиком.

– Откуда вы знаете?

Мне интересно, как Сумрак будет выкручиваться и объяснять то, чего объяснить нельзя, можно только почувствовать.

– Мы просто знаем.

Этот ответ оказывается вполне подходящим. Она не спорит. Зачем спорить, если мы просто знаем? Она не возражает. Она думает. Снова. Уже даже я хочу в курилку.

– Если путешествовать по мирам так просто, – рассуждает она. – Значит, я могу легко вернуться к себе? Когда угодно? Когда захочу?

– Я бы не сказал, что это так просто... – начинает хитрить Сумрак.

– Но я не хочу.

И мы все сидим с раскрытыми ртами и таращимся на нее во все глаза. Даже у Пита дар речи пропал, а такого на моем веку еще не бывало. Этому придурку всегда есть что сказать. Но не в этот раз.

– А что? – отвечает она на наши немые вопросы с довольной улыбочкой. – Возможно, это самое увлекательное приключение в моей жизни?! Люди же не попадают в другие миры по ошибке?

Я начинаю ее бояться. Мне интересно, что по поводу всего этого думает Сумрак и меня поражает то, как он смотрит на нее. В его глазах что-то сродни влюбленности. Словно он всю жизнь искал девушку, похожую на нее и, наконец, нашел. Он очарован.

– Мы должны дать ей имя! – взвизгивает Пит и чуть ли не падает со стула.

– А с моим что не так? – удивляется она.

Я на пределе. Мне хочется схватить Сумрака за плечи, трясти его и кричать ему в лицо: «Что не так с ее именем! Дружище! Она спрашивает, что не так с ее именем! Да как она вообще может помнить свое имя?!» Запаникует она, ага, сейчас прям! Будет умолять вернуть ее домой. Ну конечно! Еще немного и паниковать начнем все мы.

– Вообще-то... – Пит растерян. – Обычно люди не помнят своих имен. Когда приходят сюда впервые. И не помнят той жизни, что была “до”. Память стирается, когда проваливаешься в дыры между мирами.

– Но я все помню.

Ее прямота поражает.

– Давай мы дадим тебе имя? – прошу я. – Потому что сейчас ты здесь. А мы здесь всегда так делаем. Правила у нас такие, понимаешь? А свое настоящее имя ты никому не говори. Это не принято. Ладно?

Мне не нравится, как она на меня смотрит. Потому что я не могу прочесть ее взгляд. В этих глазах нет ничего кроме изумрудной чистоты. В них совершенно не за что зацепиться, и я окунаюсь туда целиком. И не понимаю, как можно так запросто пустить в себя кого-то, и как в человеке может быть столько света. И меня волной накрывает безграничная любовь к миру. Теплая и всеобъемлющая. Я начинаю понимать. Она не боится, она не протестует, она принимает все, что происходит здесь и сейчас, и принимает это с любовью. У нее особые отношения с миром.

– Что ж, давайте дадим мне имя! – она улыбается, и я тут же влюбляюсь в ее улыбку и понимаю, что смотрю на нее сейчас точно так, как Сумрак минуту назад.

– Сказка, – неожиданно для самого себя говорю я, и тут же поясняю. – Просто ты появилась тут, прям как в сказке.

– Гром меня разрази, точно! – Пит ударяет ладшкой по столу. – Она вылитая Красная Шапочка, что шла с пирожками к бабушке, а по дороге повстречала Серого Волка!

Похоже, это он намекает на меня. А сам-то? Питер Пэн, жаждущий отвести Венди в волшебную страну!

– Точно, я видела вчера какую-то собаку... – девчонка морщит лоб, пытаюсь вспомнить что произошло, пока она была под воздействием Лекаревских экстрактов.

Я помалкиваю о том, что она поначалу напомнила мне Дюймовочку. Вдруг меня не так поймут, начнут сентиментальничать и копаться в моем детстве. Придется совершить кровавое убийство на глазах у всех, чтобы никто больше не представлял меня симпатичным мальчиком, выросшим на милых добрых сказках.

– Тебе нравится это имя? – спрашивает Сумрак.

– Да! – она улыбается самой счастливой улыбкой на земле. – Все, теперь я одна из вас, и скоро начнутся приключения?

Сказать, что она очаровашка – ничего не сказать. Никогда в жизни ни одну пушистую прелесть мне не хотелось потискать так, как я сейчас хочу потискать ее. Я в шоке от самого себя. И от всего, что здесь творится.

Мне интересно, как на нее отреагировали все остальные. Кошка сидит насупленная, барабанит пальцами по столу, думает, хмурит брови. Пит заталкивает булочку в рот целиком и теперь напоминает обезьяну с набитыми щеками и крошками на подбородке. Он весел и бодр, как обычно. Взгляд, с которым Сумрак поглядывает на Сказку, мне хорошо знаком. Рассеянный, затуманенный, не сфокусированный ни на чем конкретно. Слой за слоем, словно с луковицы, он счищает оболочку, проникая в самую суть. Еще секунда, и он дотронется до ее сердца. Я слежу за ним внимательно. Почувствует ли он то же самое, что и я? Его глаза распахиваются от удивления.

Если внимательно присмотреться к тому, что творится у человека внутри, можно узнать о всех его страхах, переживаниях, убеждениях, сомнениях и откопать малюсенькое такое счастье, которое он может себе позволить. Но она – просто безграничное счастье. Я не понимаю, что она такое. Я бы счел ее ангелом, но разве они приезжают на поездах? Черт-те что здесь творится!

Глава 6

Если выйти из Бункера и повернуть налево, будет довольно крутой овраг, поросший убийственными колючками. Мы в шутку называем это место “теркой”. Меня передергивает каждый раз, когда я представляю себе последствия падения с этого склона, но в одном месте можно спуститься, если знать, где. Там, дальше по тропинке, скрытая от посторонних глаз, стоит беседка. Мы сколотили ее несколько лет назад. Со временем столбы покосились, летом ее выжигало солнце, и поливали дожди, зимой сковывали морозы. В итоге краска пошла трещинами, поотколупывалась, и теперь беседка стала похожа на кривого серого монстра с зелеными чешуйками. Доски пола рассохлись и шевелятся под ногами, одна ступенька крыльца провалилась. Сумрак подает Сказке руку, помогая подняться – боится, что она споткнется в темноте. Для нас, живущих в Бункере, звездная ночь – ясная и светлая, но не для нее.

Кошка зажигает свечи и расставляет на полу и скамейках. Крошечные огоньки подрагивают, придавая беседке непривычно одушевленные подвижные очертания. Пит залезает в гамак, подкладывает под голову рюкзак, который зачем-то потащил с собой. Уверен, у него там термос с чаем, кружки, остатки булочек, пледы и все, что, по его мнению, необходимо для уютного вечера на улице. Кэт забирается с ногами на перила, прислоняется спиной к столбику.

Мы не так часто собираемся в беседке все вместе. Как правило, это место для двоих, потому что между двумя всегда может завязаться разговор, проникающий в самую душу, затрагивающий такие глубины, которые не покажешь всем, но приоткроешь тому, кто по-настоящему близок здесь и сейчас. Много ночей я провел тут с Кошкой. Еще больше с Сумраком. И парочку с Питом. Кажется, я был чертовски пьян тогда, и приходилось слушать и говорить. И в этом тоже был смысл.

А зимой беседка превращается в место для одного. Когда поле не стрекочет, птицы замолкают, воздух становится ломким и хрустящим от прозрачности и тишины, а вокруг сияет белоснежное поле, можно прекрасно рассмотреть себя самого со всех сторон, расправив посреди этой кристальной чистоты. Увидеть то, что научился игнорировать, не замечать, прятать где-то в глубине своего мерзкого нутра годами. И, прикоснувшись к этой своей части, испугаться и сбежать, чтобы не запачкать это место, а потом долго не возвращаться и не хотеть смотреть на себя в зеркало. У меня так было. Много раз.

Мне непривычно быть здесь со всеми. Я не готов ничего говорить, я просто слушаю и наблюдаю. Сказка горит изнутри. Ей все интересно, она задает миллион вопросов, которые, на мой взгляд, более чем абсурдны: “Что это за мир? А в нем есть шоколад? А гороскопы? Птицы улетают на юг? Здесь показывают мультики? Рядом есть другие города? Далеко ли море? Можно мне завести собаку?” Какое счастье, что у нас есть Пит, который ответы выдает пулеметной очередью, кажется, особо не задумываясь: “Мир Чудес! Шоколада завались! Птицы летят всегда по небу! Собаку нельзя, она заразится от Волка бешенством и подцепит блох! Зачем тебе море, если есть речка?”

Кошка сторонится их, прячет лицо за длинными пальцами, сжимающими сигарету. Она, как и я, не выносит пустой болтовни. Пит не затыкается, словно ему выпал уникальный шанс поучаствовать в известной викторине, и он вот-вот выйдет в полуфинал. Наконец он рассказывает, как здорово ему удастся полет, и Сказка подпрыгивает, не в силах усидеть на месте:

– Не может быть! Покажи прямо сейчас!

Уговаривать его не нужно. Пит вскакивает на перила, выжидает паузу, затем демонстративно падает спиной вниз и повисает в воздухе, точно невесомое облако. Нет никаких невидимых канатов и крюков. Ничего нет, кроме его собственной магии. Сказка визжит от восторга. Пит, медленно паря, облетает беседку по кругу, затем подхватывает девчонку и уносит в небо. Буквально на мгновение воцаряется тишина, и тут же заполняется стрекотом сверчков и ква-

каньем лягушек, которые на самом деле были здесь все это время, но заглушались несмолкаемыми голосами.

Мне не нравится, что Пит унес Сказку. За ним самим присматривать нужно, а доверять ему девчонку вообще немислимо. Но если Сумрак до сих пор не бросился в погоню, значит все в порядке.

За беседкой начинается рощица, по ней проходит изгиб реки. В мелодии ночи я различаю что-то звонкое и переливчатое, похожее на девичий смех.

– Русалки, – говорю я.

– И что? – фыркает Кошка. – Побежишь к ним?

– Кис, не ревнуй. Ты же знаешь, я люблю тебя. Но поцелуй русалки приносит удачу.

– Не думал, что ты веришь в эти байки, – Сумрак вглядывается в черное небо, но Сказки и Пита давно не видно.

– Ты плохо разбираешься в людях. Я вообще довольно суеверный человек, ты прежде не замечал? – иронизирую я.

– Твое безрассудство тебя погубит. С акулой ты бы тоже полез целоваться?

– Если бы у нее было милое личико и пышная грудь, то уж не сомневайся.

В это время года речка бурная и поднимается почти в человеческий рост. Перейти ее вброд уже невозможно, а огромные камни полностью уходят под воду, лишь некоторые торчат лысыми макушками. Я перескакиваю с одного на другой, они мокрые и скользкие, и я чуть ли не падаю, но умудряюсь удержаться на ногах, кое-как поймав равновесие. Окажись я в воде, русалки меня уташат и живым не выпустят – это абсолютно точно. Сумрак не зря относится к хвостатым девам с опаской – мертвые не жалуют живых.

Собравшись с духом, совершаю последний грандиозный прыжок и оказываюсь на большом плоском камне прямо посреди реки. Шумит вода, квакают лягушки. Деревья по берегам высокие и раскидистые, между валунами огромные лапы папоротников сочные и жирные от воды. Наверняка русалки прячутся где-то рядом.

– Лилия, – зову я.

Ничего не происходит. Со стороны, наверное, я выгляжу, как Иванушка-дурачок, сидящей на камушке и зовущий русалочку. Сказал бы мне кто в моей прошлой жизни, что я буду заниматься подобным, я бы даже не засмеялся. Так как это, если и тянет на шутку, то очень скверную и не смешную. Но вот он я, посреди реки, зазываю речную принцессу. Потому что мне не показалось. Я их слышал, значит, они появятся. Мы, бункерные, плохо ориентируемся в числах месяца, но по всем моим ощущениям, сейчас русалки недели в самом разгаре.

Около меня вдруг раздается всплеск и доносится звонкий смешок. Кувшинки у берегов колышутся, точно их кто-то потревожил.

– Ты давно не приходил к нам, оборотень, – слышу я близко, но не вижу никого.

– Тем слаще наши встречи, – отзываюсь я.

Теперь они хихикают, не прячась, кружат возле камня, на котором я сижу, поднимая гребешки волн.

Из-под воды показывается голова. В огромных мокрых глазах, как в двух лужицах, отражается белая луна. Русалка опирается о камень и выныривает наполовину, ее кожа, покрытая крошечными чешуйками, сияет холодным серебристым светом. Длинные волосы липнут к телу, прикрывают красивую девичью грудь.

– Мы думали, ты забыл нас, – говорит она, ее голос сладок и певуч.

– Как же забыть вас? – я осторожно касаюсь ее лица кончиками пальцев. Кожа русалки мокрая и холодная. – Поцелуешь?

Вокруг нас раздается несколько смешков, еще две головы поднимаются из воды.

– А ты мне за это что? – ее глаза хищно поблескивают.

– А что ты хочешь? – я подаюсь немного вперед, придерживая ее за подбородок – влажные губы в сладостной близости.

– Возьми меня замуж! – говорит она и заливается звонким смехом, подружки тут же подхватывают: «замуж! замуж!»

– Дорогая, тут одно из двух, – я ухмыляюсь, притягивая ее к себе. – Или ты отращиваешь ноги, или я отращиваю жабры.

Губы русалки мягкие и сочные, но непривычно холодные. Она обхватывает меня одной рукой, оставляя мокрые следы на одежде. Я настойчиво углубляю поцелуй, чувствую вкус рыбы и речной воды, но мне не противно. Голова начинает кружиться, – все, что нужно утопленнице, чтобы затащить свою жертву под воду. Но я не останавливаюсь, мне нравится это легкое головокружение, тонкая девичья талия, податливые губы, уже горячие от наших поцелуев. Мне не хочется отпускать ее, я притягиваю к себе обнаженное тело, и русалка, словно обжигаясь о мою раскаленную кожу, с силой бьет хвостом по воде. Холодные брызги окатывают меня с головы до ног, я отпускаю ее, и она тут же выскальзывает и уходит на самое дно.

– Оборотень, поцелуй меня тоже, – говорит ее подруга, и они вновь принимаются хихикать.

– Нет, красавица, не в этот раз.

Русалки запросто могут заморочить и находиться рядом с ними по-настоящему опасно. Как и с любой другой нежитью. Но я предпочитаю рискнуть, чтобы получить заветный поцелуй.

Мне везет, и я благополучно возвращаюсь на берег. Поскользшись я на каком-нибудь валуне, и в беседку я бы уже не вернулся. Это ли не лучшее подтверждение того, что поцелуй русалки приносит удачу?

Я иду, а мои ноги странно пружинят, голова идет кругом, я будто пьян. Звезды вращаются в небе, мокрая одежда липнет к телу и холодит, но я все еще ощущаю жар внутри. Речные невесты могут разжечь пламя внутри любого живого, хотя сами навсегда утратили свое тепло. Я прихожу к ним каждый год. Иногда несколько раз за лето. Возможно, я им симпатичен, возможно, они жалуют меня за то, что я оборотень, а может, я просто счастливчик, ведь прийти к ним и вернуться обратно столько раз, сколько это делал я попросту невозможно. Наверное, Сумрак прав и пора остановиться на этом. Не может же мне везти до бесконечности.

Пит со Сказкой уже вернулись. Девчонка смотрит на меня с каким-то странным огнем в глазах.

– Ты правда ходил к русалкам? – спрашивает она с придыханием.

– Судя по всему удачно, – подмечает Кошка.

Я ничего не могу поделать со своим сияющим лицом, поэтому сажусь в самый темный угол, чтоб глаза никому не слепить.

– Я тоже хочу посмотреть на русалок! – Сказка едва держится, чтоб не бежать к реке вприпрыжку. – Давайте сходим?

– Куда сходим? – Сумрак смотрит на нее из-под хмурых бровей. – Хватает у нас одного идиота, бегающего к русалкам! Хочешь стать одной из них? Жить под водой, есть рыб, топить случайных путников? Никогда не подходи к реке! Я серьезно!

Сумрак может убедить кого угодно сделать все, что угодно, зыркнув как следует. Иногда он так посмотрит, и будто электрический ток пробегает по нервам. Его лучше не злить. Но сейчас происходят потрясающие вещи: вся его жесткость растворяется в ее хрупкости и мягкости. Он не может ее подчинить, он растерян и обезоружен.

– Ой, да что эти русалки! – встречает Пит. – Нет в них ничего особенного!

Пит тоже ходил к речным невестам за заветным поцелуем. Они тогда пошутили над ним, облили водой с головы до ног, опрокинули у самого берега. Вернулся наш Резвый Летун

насквозь мокрый и злой. Но я знаю, что за его злостью скрывался самый настоящий страх. Он всерьез решил, что русалки его утопят, и с тех пор до ужаса боится приближаться к речке.

Сказка подходит и садится рядом со мной. Еще бы! Я сейчас самый жизнерадостный кусок мяса на ближайший километр! Ей хорошо в моем поле, оно близко к ее собственному. Мне самому приятно, что она подсела. Кошка достает сигареты, прикуривает от свечки. Питу хочется вернуться в центр внимания, его уши полыхают красным.

– Как тебе наш полет? – спрашивает он Сказку.

– О! – она вздрагивает, слегка задев меня плечом. – Просто волшебное! Если бы можно было умереть на месте, я бы так и сделала! Умерла бы в тот самый момент, когда мы были над городом! Пожалуй, это лучшее, что было в моей жизни!

Пит польщен. Так его ещё никто не хвалил. Мне хочется вставить какую-нибудь гадость желчную до безобразия, чтобы стереть это самодовольное выражение с его лица, но я слышу лай собак вдалеке. Сумрак тоже слышит. Он выглядит расслабленным, но я замечаю, как он внутренне сжимается в тугую пружину. Все свечи разом гаснут, словно по команде, лишь красная точка сигареты продолжает висеть в воздухе рядом с лицом Кошки.

– Что такое? – спрашивает она.

Сумрак поднимается со скамьи, та издает жалобной скрип.

– Говоришь, поцелуй русалки приносит удачу? Вот и проверим. Удача тебе пригодится, оборотень.

Мне не нравятся его слова и тон, с которым он это произнес. Обычно так говорят: «Братец, у тебя проблемы. Бо-ольшие проблемы». А Питбуль – это действительно большая проблема. По меркам Города самая разъяренно-безумно-агрессивная проблема.

– Мне пойти с тобой? – спрашиваю.

– Нет. Ведите себя тихо.

Сумрак уходит, и мы долго сидим в молчании и в темноте. Сказка начинает нервничать, вся эта ситуация сбивает ее с толку: только что мы обсуждали русалок и полеты, а сейчас Сумрак куда-то ушел и в воздухе повисло тяжелое ощущение угрозы. Она не понимает, что происходит, но чувствует что-то неладное. Кошка перемещается с перил на скамейку, подцепляет пальцем еще мягкий воск, стекший со свечки, и мнет его, скатывая в шарик. Пит замирает, застывает монументом и превращается в огромное ухо, пытающееся уловить чужой разговор. Пустырь стрекочет, от реки во все стороны разносится кваканье лягушек и, как бы я ни напрягал свой слух, мне не удастся услышать ничего из того, что сейчас происходит возле Бункера. Не слышно ни единого голоса, и даже лай собак стих.

Очень трудно усидеть на месте, когда отъявленный мордоворот приходит по твою душу, но я не могу оставить эту троицу без присмотра, поэтому усилием воли заставляю себя сидеть смирно.

Пит не способен переносить тишину и бездействие, он осторожно открывает рюкзак, раздает всем пледы и булочки, разливает из термоса чай. Из моей чашки пахнет душистыми травами и, как ни странно, горячее питье приходится кстати. Наше напряженное молчаливое ожидание превращается в приятное светское мероприятие. К сожалению, Сумрак возвращается к самому концу чаепития и не успевает разделить его с нами.

– Питбуль? – спрашиваю я, когда он приближается.

Между нами завязывается славная дружеская беседа:

– Питбуль.

– Что он хотел?

– Твою голову, конечно.

– В каком виде не уточнил?

– Нет, прости, я упустил этот момент.

– И что ты ему ответил?

- Что сейчас его голова ко мне ближе и проще будет оторвать ее.
- И он ушел?
- Ушел.
- Иными словами мы нажили кровного врага?
- Похоже, что так и есть.
- Хреново.
- Ожидаемо.

Кошка с Питом переглядываются, – городские разборки им не по душе, а Питбуль может развернуть настоящую войну, пока не утолит свою жажду мести. Если, конечно, ему это удастся.

- Ты его не тронешь.

Сумрак, словно мысли мои прочитал. Я действительно собрался догнать Питбуля, пока он не вернулся в Город. Здесь, на пустыре, у него против меня нет ни малейшего шанса. Это моя территория. Ночной Охотник мало кого пускает в свои владения и уж точно никого не выпускает.

- Это еще почему? – недобро улыбаюсь я.
- Я так сказал.

Подумать только! Он так сказал! И, видимо, решил, что я должен слушаться!

Во мне бьют барабаны и гремят сотни призывных труб. Действительно врут люди: поцелуй русалки не приносит удачу, он пьянит, сводит с ума, делает дикими и неудержимым. Ничто не способно меня сейчас остановить.

Я поднимаюсь, и в ту же секунду Сумрак делает шаг навстречу ко мне. Он чуть ниже меня, и тоньше раза в два, однако, я знаю, какую силу таит в себе это тщедушное тельце. Его упорство лишь распаляет.

- Старина, лучше уйди с дороги, – ухмыляюсь я зловеще.

Но Сумрак не пальцем делан. Уж если что решил, от своего не отступится. Время застывает густой и липкой мучнистой массой. Ветер, будто живой, поднимается с земли, скручивает травы, будоражит клейкие листья тополей. Сухие доски беседки начинают жалобно стонать.

– Прекратите немедленно! – доносится до меня вопль Кошки перед тем, как я успеваю занести руку.

Или мне это только кажется. Возможно, я не успел и этого. Горячая волна ударяет в грудь, пробивает ребра и оставляет огромную рваную дыру, из которой валит густой черный дым. Я пытаюсь глотнуть воздуха, но мне нечем – мои легкие сожжены, ребра торчат наружу острыми обломками, я вижу их и вижу повисшие на них лоскуты разорванной кожи и одежды. Падаю на одно колено, но не могу удержать равновесие и как-то совсем неуклюже заваливаюсь на бок. Кажется, по моим щекам текут слезы.

Я лежу на полу. Надо мной белые лица. Я вижу глаза, горящие зелеными светлячками, не могу понять близко они или далеко, точно звезды в небе. Хочу дотронуться. Мои пальцы касаются чего-то мягкого. Легкие втягивают воздух со свистом, разжимаясь, точно меха.

- Оставьте его, – слышу ледяной голос Сумрака.

Но на мне по-прежнему чьи-то руки. Гладят спину в том месте, где должна быть кровавая пропасть. Но ее нет. Чувствительность возвращается в каждую клеточку кожи под этими ладонями.

Я лежу, прижавшись щекой к дощатому полу, ощущая шершавую поверхность и спасительную прохладу, такую нужную сейчас. Дышать становится легче. Первым делом ко мне возвращается веселость. Я начинаю ржать, все еще корчась от боли. Смех рвется из меня громкими раскатами, я не могу остановиться.

- Все. Чокнулся, – решает Пит. – Сумрак, на этот раз ты переборщил.
- Неужели? – чувствую на себе изучающий взгляд. – Волк, а ты стал сильнее.

– Ты тоже, – скалюсь я. – Ты тоже.

Глава 7

Она натягивает рукава свитера до кончиков пальцев. Она пьет горячий чай маленькими глотками. Она умывается и чистит зубы, напевая себе что-то под нос. Она желает Фреду доброго утра и спокойной ночи. Она любит наблюдать за тем, как он ест. Она забирается в кресло с ногами и сворачивается в кошачий клубок. Она ковыряет пальцем дырку в джинсах и с каждым днем та становится все больше и лохматее. Она рисует в альбоме карандашами, лежа на полу. Она аккуратно расправляет фантики от конфет и складывает их в блокнот. Она боится спать за закрытой дверью. Она ставит в тупик своими вопросами. Она пугается, когда бесшумно подходят сзади. Она любит, когда Пит рассуждает о науке и искусстве и несет чепуху. Она не притрагивается к чужим вещам. Она никогда не закалывает волосы. Она никогда не отводит взгляд в сторону. Она всегда говорит то, что видит. А видит она слишком многое.

Я просыпаюсь раньше всех, чтобы незаметно слить в Город. Несколько дней взаперти в этой консервной банке уже практически свели меня с ума, а от предостережений Сумрака зуд расползается по всему телу: «Не ходи в Город. Держись подальше от четвертого. Возьми с собой Пита. Берегись Питбуля». Как будто он лучше всех знает, кому как жить и что делать. А еще лучше – кому что НЕ делать. Мне в особенности.

Сейчас все спят, и в Бункере тихо, только вентиляция гудит. Я уже почти переступаю порог кухни, предвкушая, как сейчас в полном одиночестве поплюю кофе, но вдруг, краем глаза, замечаю ее. Она стоит перед туннелем, уводящим вглубь Бункера. В “Лабиринты Смерти”, которые исследуем мы с Питом. Она стоит и смотрит туда, словно что-то видит или слышит. И меня не оставляет гаденькое ощущение, что что-то так же неотрывно следит сейчас за ней с той стороны. Меня аж передергивает от этих мыслей.

– Что ты тут делаешь? – подхожу ближе.

Она вздрагивает, внезапно услышав мой голос.

– Там кто-то есть.

Мне не нравится, что в ее словах нет вопроса. Она утверждает. Что она может знать об этом?

– С чего ты взяла?

– Просто... вот когда вы все тут, я чувствую, кто где находится, будто нас связывают невидимые нити. Знаешь, такое странное ощущение. И каждый раз мне кажется, что кто-то ушел туда. И ходит там. Постоянно оборачиваюсь, чувствую, что он подходит совсем близко, но никого не вижу. Странно, да?

Здесь все странно.

Мне не нравятся ее слова о том, что этот кто-то подходит совсем близко. И не нравится то, что она ощущает его присутствие.

– Не ходи туда, ладно? – прошу я. – Там никого нет.

– Никого?

– Никого из живых людей. Только запутанные коридоры, в которых легко заблудиться.

Закончив воспитательную часть, возвращаюсь к своему первоначальному плану и иду на кухню. Девчонка увязывается за мной. Я понимаю, что отделаться от нее уже не получится, поэтому насыпаю в кофеварку кофе на нас обоих и заливаю отстоявшейся водой из банки. Она внимательно следит за всеми моими движениями. Как будто ничего подобного в жизни не видела и для нее это сродни шаманскому вареву. Включаю кофеварку и думаю – ну сколько же можно пялиться мне в спину и что в ней может быть такого интересного? Ее взгляд так и буравит где-то между лопаток.

– Ты сильный.

Эти слова вонзаются в меня, как просвистевший в полете томагавк. Что она имеет в виду? Что она видит? Почему так легко произносит это вслух? Как будто можно вот так просто выпотрошить человека и сказать: «смотри, вот твоя селезенка». Нельзя так легко и бесцеремонно проникать в кого-то, выуживать что-то из него и выкладывать перед носом. На вот, смотри, я тут такое откопала!

– Каши много ел в детстве, – отшучиваюсь я, все же надеясь, что она говорит о нехилых габаритах моего тела.

– Нет. Не так. Внутри.

Так нельзя. Оборачиваюсь, вопросительно приподнимаю бровь. Давай, продолжай.

– Ты крепче, чем стены этого Бункера, чем все гвозди, которые в него вколачивали. Нет ничего, что могло бы тебя сломать. Ты вынужден быть таким. Ты держишь внутри страшную Силу.

Так нельзя.

Сумрака рядом нет, и никто меня не отчитает. И никто за нее не заступится. Я медленно подхожу к девчонке, легко поднимаю за плечи и сажаю на стол. Она даже не пикнула, только рот приоткрыла от удивления. Упираюсь в столешницу руками, нависая над ней, и моя тень проглатывает ее полностью. Да уж, видел бы это кто-то из наших! Большой и страшный серый Волк запугивает милую пушистую зайку! От меня бы и мокрого места не оставили наши доблестные защитники маленьких и слабых.

– Зай, знаешь, что бывает, когда залезаешь на чужую территорию? – спрашиваю я заискивающе.

Она мотает головой из стороны в сторону. В ее глазах любопытство с капелькой страха перемежаются в мятных прожилках. Красиво.

– Узнаешь, если Питбуль до меня доберется, – мой голос необычайно мягок. – Давай договоримся? Во мне ты больше копать не будешь.

– Но я не копалась! – защищается она.

– Я долго и аккуратно складывал скелеты в шкаф и не хочу, чтобы кто-то устроил там генеральную уборку, начал их доставать, сушить на солнце, протирать старые косточки кухонной тряпкой и демонстрировать мне же. Я каждого в лицо помню. Я понятно выражаюсь?

– Но я не... – ее щеки краснеют.

Кофе почти готов. Пора заканчивать этот разговор.

– Я рад, что мы договорились.

Отхожу от нее, достаю две чашки. Она так и сидит на столе, буравит меня все тем же взглядом. Хочет найти недостающие фрагменты моей недосказанности. А мне в свою очередь очень интересно посмотреть, что из себя представляет она. И есть только один способ это узнать. Сумрак будет ругаться.

– Я собираюсь в Город. Хочешь со мной? – спрашиваю.

– А можно?! – ее глаза восторженно распахиваются.

– Конечно. Кто нам запретит? – хитро подмигиваю ей и протягиваю чашку горячего кофе.

Город – ночной хищник, и мы все подстраиваемся под него. Просыпаемся на закате, выползаем из своих нор, неспешно бредем на охоту, надеясь, что она окажется удачной. Но сегодня мне нужно успеть сделать несколько дел днем, пока светло и пока Сумрак спит и не может выйти из Бункера.

Солнце палит нещадно. В машине слишком жарко, и даже то, что мы открываем все окна, едва ли помогает. Пока едем через поле, в салон запрыгивает кузнечик. Сказка пытается его отловить, чтоб выпустить обратно, и вот они вдвоем скачут по всему салону.

– Зай, оставь его, он сам вылетит, – я разговариваю с пяткой, упертой в торпеду автомобиля, пока верхняя часть туловища барахтается где-то между задним сиденьем и моим.

Девчонка возвращается на место, ее ладошки сложены коробочкой. Она высовывает руки из окна по локоть и с силой встряхивает. Надо думать, спасательная операция прошла успешно.

– Если бы у него было сердце, маленькое такое насекомье сердечко, оно бы разорвалось, преисполненное чувством благодарности, – не могу удержаться от небольшой порции иронии. – Ну или от страха.

– Между прочим, тут его дом, он бы не хотел его покидать.

– Вот, значит, как ты заговорила, – подмечаю я. – А как же ты? Как же твое решение тут остаться? Почему это тебе не нужно вернуться домой, а ему обязательно надо?

– Ну это совсем просто! – она улыбается детской обезоруживающей улыбкой. – Потому, что он был бы один, а со мною вы.

Я уже давно не пытаюсь искать в человеческих словах, поступках и мыслях логику. Чем реже ты ждешь от людей здравого смысла и взрослых решений, тем реже разочаровываешься. Но эта девчонка настолько странная, что ее ответы просто сбивают с толку.

– Я скажу тебе, как обычно бывает, – говорю я. Мы, наконец, выезжаем на асфальтированную дорогу и нас перестает нещадно трясти. – Обычно люди появляются здесь и не помнят: кто они, где их дом и кого они там оставили. Их ничто не тянет назад. Ты – другое дело. Ты утверждаешь, что все помнишь. И вот скажи мне, как человек может хотеть остаться с людьми, которых знает не больше суток и спокойно покинуть тех, с кем прожил всю жизнь?

Она натягивает рукав свитера до кончиков пальцев и начинает тянуть за торчащую нитку, о чем-то размышляя.

– А что, если... – начинает она неуверенно. – Что если я хочу остаться именно потому, что все помню?

Такой ответ может дать лишь тот, кто умеет ходить между мирами. Как правило, у каждого из нас есть история, из-за которой, собственно, все и случилось. Из-за которой мы не хотим возвращаться обратно. Редко бывает наоборот, когда тянет уйти насовсем, но есть человек, который держит и не дает этого сделать. Как у Пита, к примеру. Его держит бабушка, которая его вырастила и воспитала, а теперь серьезно больна, и он просто не может ее оставить и уйти к нам окончательно, хоть и мечтает об этом. И слова девчонки вновь возвращают меня к главному вопросу: «а пришел ли поезд сам собой? Или это сделал кто-то, кого я совсем не знаю? Кто сейчас сидит рядом со мной, например?»

Кем бы она ни была, что бы она ни скрывала, сегодня я точно выведу ее на чистую воду. Так или иначе.

Вальяжно и неторопливо, смачно жуясь, на дорогу выходят коровы. Бредут, едва переставляя ноги, хлещут хвостами перепачканные бока. Я жму на тормоз и останавливаюсь в метре от них. Машина не кажется им ничем таким, чего стоило бы остерегаться и поскорее убраться с дороги. Они не спешат.

Жарко. Чувствую, как футболка намокла и прилипла к спине. Пот льется по вискам и шее. А девчонка сидит себе спокойно в джинсах и свитере, особо не пыхтит. Мне дурно на нее смотреть.

– А у тебя другой одежды нет? – спрашиваю.

– Нет. У нас было прохладно и дождливо, я не стала ничего другого с собой брать. Да и это, – она с силой дергает за нитку, торчащую из рукава, и та вытягивается, распуская петли. – Не так уж и важно, не так ли?

Я не выдерживаю и сигналию коровам, но на них это не действует. Они даже ухом не ведут, спокойно и неторопливо оканчивают свое шествие. Мы снова трогаемся с места, и свежий ветерок влетает в открытые окна.

– А куда мы едем? – спрашивает девчонка. На ее лице блаженная счастливая улыбка. – За приключениями?

Я скептически осматриваю ее вязаный свитер и колени, торчащие из дырок в джинсах.

– Судя по всему, сперва мы едем в магазин.

Ненавижу ходить по магазинам. А о том, как это делают девчонки, мне и думать страшно. Но я все же решаю рискнуть и вызволить Сказку из этого ужасного тряпья. К моему величайшему облегчению она почти сразу находит сарафан, про который говорит: «Это самая красивая вещь, что я когда-либо видела». Мне кажется, что это самый обычный льняной сарафан на тонких ляпочках, мало чем отличающийся от всех остальных. Но когда она появляется в нем, я не могу подобрать слов. Настолько она кажется милой, хрупкой, изящной, как кукла из детского магазина игрушек. Я таращусь на нее слишком долго и понимаю, что из приличия пора бы прекратить, и хотя бы что-то сказать. К счастью, мой взгляд падает на кеды. Они желтые с вышитыми бабочками. При этом страшно пыльные и потасканные. Усмешка слетает с моих губ:

– Шикарный видок! Знаешь, эти кеды хранят историю истоптанных дорог, но лучше их поменять на что-то более... босоножное что ли.

Но она не хочет. Ей нравятся вещи с историей. И нравятся эти кеды. А я не садист какой-то, чтобы их разлучать. И тем больше времени мне остается на свои дела. Единственное, о чем она меня еще просит – купить ей солнечные очки в розовой оправе и плетеный браслет.

Мы едем по маленьким тенистым улочкам. Я редко вижу Город при свете дня, и сейчас с интересом рассматриваю невысокие кирпичные дома, окна, горящие в пламени солнца, зеленые кроны деревьев, умытые машины, припаркованные по обочинам. Меня не оставляет странное чувство, будто я тут впервые. Все кажется таким чужим и будто нарисованным. Удивительно даже, что Город имеет такую уникальную способность – надевать парадное дневное лицо. Мне интересно, что думает Сказка, рассматривая все сквозь свои розовые очки. В прямом и переносном смысле.

– Как тебе здесь? – спрашиваю.

Она не тянет с ответом.

– Мне нравится! Я влюбилась в этот Город еще ночью, когда Пит пронес меня над ним. Это лучшее место на земле!

– Правда? – я видел много разных миров и много разных мест. Паршивых мест. И это не особо лучше других. – Ты ж моя прелесть! Ну, поехали, покажу тебе тут все.

Мы в старом районе. Здания тут в аварийном состоянии, и всех жителей давно переселили. Стены прорезали огромные трещины, окна смотрят пустыми глазницами. Крыши частично разобраны, и деревянные балки торчат, словно ребра огромных мертвых китов.

– Мы приехали? – Сказка осматривает сваленные в кучу кирпичи и остатки чугунных оград.

– Согласен, не самое красивое место, куда можно привезти девушку, но не думаю, что ты особо разочарована, так ведь? Посидишь одна немножко?

– Что? – ее глаза расширяются. – Нет! Я хочу с тобой!

Подумать только! Она хочет со мной! Прямо туда, в эти страшные развалины. С тем, кого совсем не знает. Интересно, чем я заслужил такое доверие?

– Буду откровенен, – я говорю серьезным тоном и стараюсь быть чертовски убедительным. – У меня тут тайник. И если ты пойдешь со мной, и узнаешь где он, то это уже будет никакой не тайник. С тайниками так не поступают. Я быстро. Туда-обратно. По рукам?

Она хмурится, но все же кладет руку в мою раскрытую ладонь. Ее пальцы настолько тонкие и хрупкие, что мне даже страшно сжать свои. И тут вдруг я обращаю внимание на браслет, что она купила. Я умею читать руны и некоторые символы и вижу, что именно в него вплели. Сила, Воин, Свет. И все это не больно-то вяжется с тем образом, что она нам показывает.

- Почему ты выбрала именно его? – я все еще держу ее за руку и не спешу выпускать.
- Не знаю. Понравилось сочетание цветов. И вообще он красивый. А что?
- Ничего.

Я сам делаю то, за что отчитал ее утром – просачиваюсь туда, где живут ее мечты, страхи, воспоминания и тайные желания. Где она обнажена, незащищена и не умеет лгать. Где хранятся все ее секреты. Где ее душа соприкасается с сознанием. Туда, вглубь, сквозь узкое пятнышко зрачка. Если она что-то скрывает, я узнаю это прямо сейчас. Такая наивная, даже не пытается отвести взгляд в сторону.

Внезано меня накрывает волна спокойствия и безграничного счастья. Какой-то безусловной любви. Это ощущение кажется таким знакомым, но давно утерянным. Наверное, я чувствовал что-то подобное в младенчестве, когда засыпал на руках у матери. Или даже до этого. Где-то между жизнями, болтаясь на краю вечности, сливаясь с космосом и чем-то божественным. И мне вдруг становится так необходим ее Свет. Просто прикоснуться, почувствовать кожей, запустить внутрь, туда, где его так не хватает. На долю секунды. До смерти необходимо.

Внезапно я осознаю, что уже обнимаю ее. Прижимаю к себе и в груди, будто что-то оживает. Словно я вдыхаю Свет. Разве его можно вдыхать?

Отстраняюсь резко. Что я делаю?! Сфокусироваться на чем-то другом. Не смотреть на нее. Не выдавать себя.

- В общем, посиди тут, – говорю я с запинками и выскакиваю из машины.

Она провожает меня взглядом, я это знаю, и не оборачиваюсь. Глаза выжигает солнце. Жара ложится влагой на лоб и шею. Хочется пить. В голове пульсирует лишь один вопрос: «Что она вообще такое?!»

Нырять в трещину в стене дома и сразу попадаю в приятный прохладный полумрак брошенного здания. Внутри особая атмосфера. Стены еще хранят в себе воспоминания былых дней, несут отпечатки чужих жизней. Там, под осыпавшейся штукатуркой, спрятаны чьи-то страхи и переживания, радостные крики «с Днем Рождения!», плач маленьких детей и отчаявшихся стариков. Под моими ногами обломки кирпичей стираются в крошку, хрустят осколки оконных стекол, навсегда исчезают события, что они в себе хранили, впитывая день за днем. Вещи способны многое помнить и, прежде, чем уйти навсегда, лучше уничтожить все, что несет в себе твою историю. «Всегда забирай с собой все, что можешь забрать, остальное сожги» – так учил меня Сумрак.

Я поднимаюсь по старой лестнице, которая полностью соответствует лестницам из снов. Многих ступеней уже нет, в одном месте провал такой огромный, что можно лишь перепрыгнуть дыру, ухватиться пальцами за выступающую площадку и подтянуться на руках. И надеяться, что она не обвалится именно сегодня, в эту самую минуту. Мне везет, и я благополучно добираюсь до квартиры шестьдесят четыре, приоткрываю деревянную дверь. В маленькие комнаты льется солнечный свет. Осиротевшие занавески слегка колышутся на сквозняке. Я внимательно осматриваюсь, изучаю следы на полу, проверяю предметы в серванте, кресло с потертой обивкой, убеждаюсь, что кроме меня тут никого не было, и иду в спальню. Тут мало что осталось от прежних жильцов. Только старые тумбочки, у которых дверцы слетели с петель, а еще изъеденный молью ковер. Чтобы пробраться к тайнику, аккуратно отгибаю край ковра, стараясь не поднимать в воздух пыль. Половицы в полу гнилые и расшатанные, я без труда вынимаю одну и просовываю в образовавшуюся щель руку. Выуживаю оттуда небольшой сверток, прячу в карман.

Скорее всего, я сюда больше никогда не вернусь и не воспользуюсь этим тайником снова, но, тем не менее, заметаю за собой следы. Если кто сюда и заберется, не поймет даже, что тут были другие люди.

Убедившись, что дело сделано как надо, я возвращаюсь.

По пути к машине, пытаюсь оттряхнуть штаны и футболку. От каждого шлепка в стороны разлетается облако пыли. Грязь глубоко въелась в ткань, и мои действия не приносят должного эффекта. Я выгляжу, как бродяга, потерявший свой дом и скитающийся несколько дней в поисках еды и жилища. Придется отдать эти вещи Кошке, она точно разберется, что с этим делать.

– Привет! – падаю на водительское сидение, подмигиваю девчонке. – Успела соскучиться?

Она смотрит на меня, не моргая. Ее кожа белая-белая, а в глазах тонна страха.

– Эй, Зай, что случилось? – мне не нравится, как она выглядит.

– Пустая оболочка. – Говорит она еле слышно одними губами.

– Что? – переспрашиваю я.

– Пустая оболочка.

Она выныривает из своего гипнотического состояния, встряхивается и показывает пальцем в сторону. Я поворачиваю голову и вижу его. Бездомного. Он стоит столбом, не шевелится, таращится в пустоту, низко опустив голову. Судя по состоянию одежды, рваной и грязной, он мертв уже очень давно, год или полтора.

– Он меня пугает, – шепчет Сказка.

– Представь себе, меня тоже.

Я стараюсь двигаться плавно и медленно. Аккуратно завожу мотор, не сводя глаз с бездомного. Он слышит звук двигателя, каким-то неловким движением запрокидывает голову набок и стоит так, словно бы со сломанной шеей. Я замираю, готовый молниеносно отреагировать на любое его движение, но он даже не шелохнется. Хотя, кажется, теперь-то он смотрит прямо на нас. Его глаза стеклянные, похожие на те, что пришивают плюшевым игрушкам. В них нет разума, нет души, нет жизни. Я резко даю по газам и на скорости разворачиваю машину. Старый квартал стремительно отдалается.

Кажется, вырвались.

– Что это вообще было?! – спрашивает Сказка, когда мы отъезжаем на приличное расстояние.

Она только вчера приехала в Город, и я сомневаюсь, стоит ли вот так сразу знакомить ее с самыми страшными монстрами этого места. Хотя, встретить бездомного в Городе посреди дня – это не то, чтобы надо обладать невероятным везением, нет, это надо умудриться попасть в самое редкое и невообразимое стечение обстоятельств. Такие истории относятся к разряду баек. Бездомный в Городе посреди бела дня – чушь собачья! Как и поезд, вдруг возникший на вокзале. Все эти странности так и запутываются вокруг нее тугим клубком.

В машине слишком жарко. Невыносимо.

Торможу на автобусной остановке, выхожу, чтобы купить ледяного напитка в ларьке. Первым делом прикладываю бутылку к голове и только потом отпиваю. Сказка удивленно смотрит на меня из открытого окна машины, ждет ответов, объяснений и, наверное, тоже чего-то холодненького. Беру для нее лимонад и возвращаюсь.

– Это был бездомный, – говорю я. – «Пустая оболочка». Почему ты так сказала?

– Я так сказала?

Стараюсь не смотреть в ее глаза, их ясность и чистота обманывают.

– Именно так и сказала. Когда я вернулся. «Пустая оболочка».

– Наверное... я испугалась. Он был похож на мертвеца. На живого мертвеца. Его глаза были такие пустые... как стекло. Это так страшно.

Она даже не представляет, как это страшно.

– Ты почти права, – трогаюсь с места и выезжаю на дорогу. Пытаюсь собраться с мыслями. – Он не совсем жив. А если говорить начистоту – Город съел его. Но не целиком, а... разум что ли. Личность. Не знаю, как объяснить.

– Что значит Город съел? Как съел? Как собака ест?

Она снова задает не те вопросы. Какая еще собака?

– Зай, давай не будем обсуждать это? Если хочешь, спроси у Сумрака, он у нас специалист по Городу и бездомным. Тебе достаточно знать одно: бездомные опасны. Они не знают страха, у них нет морали и совести, они, – как дикие неуправляемые животные, даже еще хуже. Просто запомни, что от них надо держаться подальше.

Наверное, ее не устроил мой ответ. Наверное, она думает, что я несу какой-то бред. Город ест людей и выплевывает живых мертвяков. Сначала мы ей говорим, что она попала в другой мир, а теперь все больше походит на то, что она очутилась в фильме ужасов. И сценарист полный психопат.

– Волк, – говорит она тихо.

– Что? – резко отзываюсь я, ожидая дохреллион вопросов.

– Не оставляй меня больше одну.

И она отворачивается к окошку, смотрит на улицу печальным щенком, а ее чертова фраза жалит меня в самое нутро, чуть пониже совести. И я не представляю, как вообще мог бросить ее одну в таком месте, рядом с тем, кто несет в себе смерть и сеет ее повсюду. Да я бы даже Питбуля не отдал на растерзание бездомному! Как я смог оставить эту крошку одну? Привезти в такое место и оставить?

– Обещаю.

Я слышу свой голос, и это слово действуют на меня, как удар электрошока. Я редко даю обещания, для меня это, – как клятва на крови, обет. Почему я сказал это? Ответ вспыхивает в сознании тут же – потому что я действительно больше никогда не оставляю ее одну. Никогда больше.

Кто она такая?

Она вообще настоящая?

Надо проверить. Убедиться. Просто успокоить нервы.

– Ты же никуда не торопишься? – в горле пересохло, и мой голос скрипит, как старое колесо. Приходится снова отпить воды. – Заедем в одно фантастическое местечко?

– Фантастическое? – она сияет, как золотое блюдо на солнце, словно и не было всей этой истории с бездомным. – Конечно, поехали!

Глава 8

– Это просто потрясающе! Фантастика! – Сказка вертит головой по сторонам, но все, что попадаете ей на глаза совершенно не вяжется с ее словами.

Мы стоим возле небольшого трехэтажного дома. С виду это самый обычный жилой дом: шторы на окнах, белье развешано на балконах, на подоконниках кошки и горшки с цветами. Ничего особенного и абсолютно ничего интересного. И уж точно ничего фантастического.

– А куда именно надо смотреть? – спрашивает девчонка.

– А смотреть надо внутрь, – говорю я чарующим голосом. – Запомни: смотреть всегда нужно внутрь.

– А...

– Нет-нет, – опережаю ее вопрос. – Только не в людей, глупышка. Никогда не подсматривай за чужими демонами, они этого не любят и страшно стесняются. Заходи.

Я, как истинный джентльмен, хватаюсь за ручку старой деревянной двери и распахиваю ее перед своею спутницей. Черт, во владениях Локи даже манерничать начинаешь, как он!

Сказка задает мне последний немой вопрос одними глазами, а затем шагает внутрь. Я тут же следую за ней. По телу пробегает знакомая электромагнитная волна, а в следующую секунду происходит нечто совсем уж невероятное! Потому что перешагнув порог этого дома, попадаешь не в темный узкий подъезд, пропахший плесенью и известкой, нет, а оказываешься посреди огромной роскошной залы, залитой ярким светом. Солнечные зайчики повсюду: скользят по мраморному полу и перилам лестницы, выполненным из того же мрамора, резвятся в позолоченных рамах картин, весело скачут в брызгах фонтана и хрустальных капельках огромной люстры, каскадами струящейся с самого верха.

Девчонка не может поверить собственным глазам, кружится по залу, затаив дыхание, цепляется взглядом за экзотические цветы в крупных вазах, статуи, роскошные ковры и бархатные портьеры, антикварную мебель, наконец, окна, за которыми – невероятно – зеленые поля и величественные горы с заснеженными пиками.

– Невозможно... просто потрясающе! – говорит Сказка, задыхаясь от восторга, и вдруг выбегает из дома.

– Стой, куда?! – я бросаюсь за ней, но она вновь появляется в дверях. Смотрит на меня ошалело и снова выскакивает.

– Добро пожаловать в дом господина Фредерика Летуновского, – совершенно бесшумно и незаметно в зале возникает дворецкий. – Господин еще спит, но вы можете подождать его...

– Господин уже не спит! – на лестницу ступает хозяин дома, зевает, как лев, на ходу завязывает пояс халата. – Спасибо, Иван.

Дворецкий кивает и удаляется.

– Локи! – я приветствую старого друга по-свойски, без всяких там господ и вымышленных имен.

– Волк. – Он учтиво улыбается.

В этот момент в зал влетает Сказка, молча, но с любопытством отмечает появление Локи и вылетает обратно.

– Эм? – он показывает пальцем в то место, где только что была девчонка и вопросительно ведет бровью.

– Да, это... – внимательно слежу за ним. Можно ли сказать, что он удивлен? По-настоящему удивлен, а не притворяется, пытаюсь сбить меня с толку. – Ничего, что я приперся так рано?

– Ничего. Я веду свои дела днем, если ты не забыл. Рад тебя видеть в добром здравии! До меня дошли слухи...

Он не успевает договорить, потому что внутрь заглядывает Сказка. Она внимательно смотрит на него, а он на нее. Точнее, на ту половину, что нам видна потому что ноги, судя по всему, остались на улице.

– Здрасти, – говорит половина.

– Здравствуй, – Локи приветствует ее коротким поклоном. – Любезная, не сочтите за грубость, но не стойте на пороге так долго, это может плохо закончиться.

Сказка заскакивает внутрь.

– Один вопрос! – начинает тараторить она. – Это на самом деле дворец, но на него наложены чары и снаружи он выглядит, как обычный дом или это обычный дом, но для своего удовольствия вы наложили на него чары, и вся это роскошь не настоящая, но так вас радует?

Я наблюдаю, как брови Локи ползут вверх. У него много масок и он мгновенно их меняет в зависимости от ситуации, но сейчас, буквально на долю секунды, он остался без них. Удивленный, обескураженный, сбитый с толку. Нет, она – не его иллюзия. Я ошибся.

Он тут же берет себя в руки, дарит нам широкую улыбочку:

– Голубка, меня восхищает полет вашей мысли! А как вам самой угодно считать?

Как же это в его духе! Дать человеку то, что он пожелает, а правду оставить себе и полить все это сладким сиропом из лести и комплиментов, чтоб окончательно нюх отбить.

– Мне угодно считать вас величайшим волшебником, создающим невероятные мороки! – без запинки отвечает девчонка.

Мы оба молчим, слегка охреневшие. Смотрим на рыжие веснушки и отливающую медью челку. Потертые пыльные кеды и спичечные ноги в них. Глаза. Изумрудные, искрящиеся, веселые, беззаботные, детские, наивные, шуточные, искренние... Черт возьми, до чего в ней всего этого много!

– Волк, не будь невежей, – говорит Локи, не в силах оторвать от нее взгляд. – Представь нас друг другу, наконец.

– Сказка – это Локи. Локи – это Сказка.

– Локи, – говорит она с таким самодовольным видом, будто раскрыла какую-то его страшную тайну, но обязуется молчать. – Очень приятно!

– Знали бы вы, голубка, какое удовольствие доставили мне!

Узнаю этот хищный блеск в его глазах. Мне не нравится его взгляд «хочу» и «будет моим» и уже жалею, что привез девчонку к нему. Расставляю все точки над «ё», отвечаю не менее красноречивым взглядом «да пошел ты в задницу» и «только через мой труп». Локи не оставляет без внимания мое послание, тут же меняет выражение лица на благодушное, будто мы все старые добрые друзья, которые наконец встретились спустя годы и нам есть, о чем душевно побеседовать за чашечкой чая.

– Вы уже завтракали? – спрашивает он. – Я прикажу накрыть на стол. Пойдемте.

Застолья у Локи – это то, что запоминаешь надолго, вспоминаешь с тоской, и о чем мечтаешь в тайне. Он, пожалуй, исколесил уже все закоулки обоих миров и с каждого края света притащил поваров, которые сумели усладить его притязательный вкус. Поэтому, можно уверенно утверждать: у него работают лучшие повара! В любом из миров, потому как превосходная кухня – это то, что непременно должно присутствовать в его доме в любой реальности.

– Наверное, в прошлой жизни ты жил во дворце, – предполагаю я, осматривая роскошный интерьер столовой Локи. – Был каким-нибудь графом или принцем.

– Или прислугой. Зависть, комплексы и неисполненные мечты тоже хорошо переносятся сквозь паутину перевоплощений. Лекарь прекрасно разбирается в подобных вопросах, может, в следующий раз пригласим его?

– На твое усмотрение, – паскудно ухмыляюсь я. – Но сейчас, видимо, начнутся разговоры не для чужих ушей и о нынешних воплощениях.

– Видимо. – Соглашается Локи. – Ты точно понимал, когда сюда шел, какой у нас состоится разговор.

– Предполагал. Слухи по Городу расползаются быстрее, чем тараканы.

– Волк! Умоляю! Не за столом же! – Локи морщится и прикладывает пальцы к вискам, словно разговоры о тараканах вызывают у него мигрень. – Голубка, простите его вульгарность! Он крайне невоспитанный человек.

– Приятель! Да у тебя замечательно получается просить за меня прощения! – тут же подмечаю я. – Может, ты и к Питбулю сходишь, замолвишь за меня словечко?

Последнее, конечно, было шуткой, и мне не нравится этот серьезный взгляд, которым теперь меня пилит Локи.

– Может и схожу, – кивает он. – Сразу перейдем к этому вопросу?

Любопытный поворот! Но, подозреваю, эти слова должны были стать кульминацией нашего разговора, скорее всего, Локи готовил их напоследок, но сразу видно хватку бизнесмена – при первой возможности перешел к делу. Но как же так? Неужели на этот раз не будет долгих дискуссий, изобилующих шутками, сарказмом, недомолвками, полу-догадками интригами и хождениями вокруг да около?

– Нет, я прошу тебя, подведи меня к этому вопросу плавно и нежно, как заботливый супруг подводит свою неопытную жену к постели в первую брачную ночь.

Сказка краснеет, а Локи не может сдержать ехидный оскал:

– Черт бы тебя побрал, Волк! Твой опыт у меня сомнений не вызывает. Но раз уж ты просишь...

Двери в столовую распахиваются, и входят трое слуг с подносами. Даже я знаю, что за столом прислуживают лакеи, но настоящий лакей тут только один, и он изящно опускает блюдо на стол перед Сказкой. Ко мне и Локи подплывают умопомрачительные девушки. На них ливреи с такими короткими шортиками, что я напрочь забываю о еде. Мягкие руки подхватывают со стола салфетку, заправляют ее мне за воротник. Я окунаюсь в запах – дивный, сладкий, и такой порочный, что уже жалею, что салфетка у меня на шее, а не на коленях.

В голове звенит, или это стукнулись друг о друга тонкие золотые браслеты у нее на лодыжке? Господи, вот это ножки! Я слышу легкое «Приятного аппетита» прямо у своего уха, и готов поклялся, что влажные губы коснулись мочки.

Девушки отступают от стола, но я все еще чувствую сладкое напряжение во всем теле. Сказка сидит красная как рак и не знает, куда девать глаза.

– Нравится мне у тебя, – лыблюсь я, когда прислуга исчезает за дверью.

– Так ты заходи почаще, – великодушничает Локи. – А захочешь, так совсем оставайся.

Щедрые предложения мне еще не поступало.

– Я бы с радостью, – стараюсь сохранять серьезное выражение лица. – Да боюсь, униформа мне не пойдет. Не люблю, когда где-то жмет.

– К чему этот сарказм? – морщится Локи. – Ты же понимаешь, что я тебя не в прислуги зову.

– Я-то как раз понимаю, в качестве кого ты меня зовешь.

Сказка с недоумением смотрит то на меня, то на Локи. Я подмигиваю ей и говорю с улыбкой:

– Не обращай внимания, зай. Мы просто чушь несем, чтобы не скучно было.

Еда была столь восхитительной, что даже не хочется портить это великолепное послевкусие горькими разговорами. Откидываюсь на спинку стула и наслаждаюсь видом из окна. От заснеженных пиков даже веет свежестью. Я понимаю, что они ненастоящие, что до ближайших гор день пути, да и своим величием они не смогут сравниться с этими, но какая разница,

если можно просто сидеть и любоваться? Однако, Локи решает, что сейчас для наслаждений не самое подходящее время и заводит разговор, который я так хотел оттянуть.

– Скажи мне, дорогой мой, что ты намерен делать с Питбулем? Ты знаешь, что привел его в бешенство?

– Неужели? Одним своим видом? – усмехаюсь я.

– Одного твоего вида достаточно, ты уж поверь. Что ты там делал? Искал ее? – кивком головы он указывает на Сказку.

– Да нет, так, поздороваться заскочил. Думал прием окажется более радушным.

– Вот, значит, как... – Локи барабанит пальцами по столу, и что бы я ни говорил, в его голове складывается реальная картинка случившегося. – И что же ты собираешься делать теперь?

– А как ты думаешь? Бегать я от него не собираюсь. Пойду и поговорю с ним по-мужски. А там уже как повезет.

– Как повезет, да... – он прикладывает к губам салфетку, стирает ею с лица улыбку, комкает и небрежно отбрасывает на стол. – Правила ты знаешь. Или стоит напомнить?

– Помню. Не утруждайся.

– Так как? Ты готов стать во главе четвертого? Уйти из Бункера?

Теперь я задумчиво барабаню пальцами по столу. Я всегда считал себя человеком свободным, не привязанным к определенному месту, и теперь внезапно для самого себя осознаю, как сильно заблуждался. Нет, я не готов. Даже не столько покинуть Бункер, сколько возглавить четвертый квартал. Ненавижу эту проклятую коробку и все ее содержимое, а особенно отшибленных психопатов, которые в ней обитают. Я скорее переубиваю всех на третий день, чем стану там Смотрящим. Впрочем, эта перспектива кажется мне столь невероятной, что я даже не рассматриваю ее всерьез.

– С чего ты взял, что я прикончу его? – спрашиваю.

– Просто предположим.

– А если, все же, он убьет меня?

– Я не думаю...

– И все же.

По закону Города, Смотрящий может бросить вызов любому, чей ранг достаточно высок для того, чтобы с ним драться. Если б я был шестеркой Сумрака, со мной бы разобрались парни Питбуля, он сам ни за что не стал бы пачкать руки. Оскорбление, которое ему нанес я, смывается только кровью, и он теперь не успокоится, пока мы не сойдемся один-на-один. Смотрящие дерутся редко, но, если дерутся, живых не оставляют. Я, разумеется, помирать от его руки не собираюсь, а значит, выбора у меня не так много – самому отправить ублюдка на тот свет. Но тогда по закону Города Смотрящим стану я. Как ни крути – дерьмовая ситуация со всех сторон.

Локи глубоко вздыхает, расслабленно откидывается на спинку стула:

– В конечном итоге, нас не устраивают оба варианта.

Нас...

– Получается так. Но это только мое дело, не находишь?

Локи держит лицо, будто на интервью для известного журнала, даже бровью не ведет, но я прикасаюсь к его эмоциям и чувствую нарастающие раздражение и злобу. Не такого разговора он ждал. Локи мгновенно берет себя в руки:

– Выходит, ты ко мне не за советом пришел.

– Выходит, нет.

– Тогда зачем?

Запускаю руку в карман и выкладываю на стол сверток, который вытащил из тайника. Локи не задает вопросов, лишь хмыкает, берет его и развязывает шнурок, которым стянут

маленький козушок. Сказке любопытно. Она ерзает на стуле, чуть приподнимается, вытягивает шею, но Локи, словно коршун, схвативший добычу, тут же сжимает пальцы в кулак. Ему требуется несколько секунд, чтобы собраться с мыслями.

– Откуда у тебя это? – наконец спрашивает он.

– Нашел.

– И давно он у тебя?

– Какая разница?

Сейчас Локи пытается вообразить себе всю картину от начала до конца, но, по всей видимости, сталкивается с определенными трудностями. Такое не вообразить даже обладая его фантазией. Глаз Города – не та игрушка, которую можно легко достать.

– Действительно, никакой разницы, – говорит он медленно, тщательно выбирая следующий вопрос. – И почему ты даешь его мне?

Теперь на стуле ерзаю я. Бросаю на Сказку мимолетный взгляд. Мне хотелось бы обсудить это с Локи с глазу-на-глаз, но она не поймет и слова. Ничего не поймет из того, что сейчас здесь будет сказано, а значит, можно на ее счет не беспокоиться.

– Если со мной что-то случится... – стараюсь говорить твердым голосом. – Этого будет достаточно, чтобы ты позаботился о той девушке... до конца?

Локи понимающе кивает.

– Более чем, дорогой мой, более чем! – он прячет сверток в карман халата. – Но я прошу тебя не горячиться и еще раз все обдумать. Не лезь к Питбулю...

– Думать – это по твоей части. – Говорю я резко и поднимаюсь из-за стола. – Мы в старом квартале бездомного видели. Одевайся, поработаем.

Локи ударяет себя рукой по лбу и весьма мелодично ругается на непонятном мне языке.

– Невероятно, как ты умеешь испоганить так чудесно начавшийся день! Бездомный в Городе! Посреди дня! Ты превращаешься в дурного вестника!

– Выплачешься по дороге, – криво ухмыляюсь я. – Поехали, поработаем.

Локи тяжело вздыхает, оборачивается к Сказке, и я с удивлением замечаю, как его взгляд плавится, превращаясь в мягкое серебро.

– Голубка, кажется, мы вынуждены вас покинуть, но, надеюсь, это ненадолго. Я позабочусь о том, чтобы ваше ожидание было приятным.

– Что значит покинуть? – я уже начинаю привыкать к этим ее изумленным широко-распахнутым глазам, чистым и прозрачным, как две капли родниковой воды. – Разве я не с вами?

Божественная простота.

Локи наклоняется к ней, берет ее руку и прижимает к своим губам.

– Боюсь, это невозможно, – говорит он томно.

Продлись это действие на секунду дольше и мой наивкуснейший завтрак попросился бы наружу.

– Иди уже, собирайся, – не выдерживаю я. – Или ты в халате поедешь?

– Как я и говорил, – в голосе Локи появляются угрожающие нотки, холодный змеиный взгляд впивается мне в лицо. – Серьезные проблемы с воспитанием.

– Дурная наследственность, – развожу руками. – Иди-иди, я с ней сам разберусь.

Пространство вокруг нас бьется мелкой дрожью. Как поверхность пруда, идущая зыбью от внезапного порыва ветра. Обычный человек бы не заметил, не почувствовал, но для меня улавливать тончайшие изменения поля – так же просто и естественно, как дышать или ощущать прикосновение к коже. Локи – мастер создавать очень сложные мороки. Такие, которые можно увидеть, потрогать и попробовать на вкус, и которые могут попробовать на вкус тебя. Чего стоил его дракон, которого он создал из банального любопытства – а сможет ли? Смог. Выглядел этот дракон фантастически, но вот пару заброшенных сараев спалил вполне натурально.

Самообладание для Локи – все. Стоит ему потерять контроль, выйти из себя, разозлиться, как следует, и комнату затопят мороки и кошмары. И мои проблемы с Питбулем сразу покажутся глупыми пустяками.

Дрожь исчезает, Локи берет себя в руки, поправляет пояс халата и покидает нас с лицом, на котором не прочесть ни единой эмоции.

Я хватаю ближайший стул, разворачиваю его и сажусь верхом, лицом к Сказке. Она смотрит на меня глазами, в которых – я уже начинаю привыкать – ничего нет. Ни упрямства, ни возмущения, ни протеста, ни обиды. Она похожа на ребенка, который только вчера появился на свет и абсолютно ничего не знает об устройстве этого мира и готов внимать мудрости взрослых.

– Послушай, лапа, мы с Локи должны поработать, а ты подождешь нас здесь. Или, если хочешь, я попрошу отвезти тебя в Бункер.

– Ты обещал не оставлять меня одну.

Удивительно, как скоро она ухватила за этот рычаг, что я сам неосмотрительно дал ей в руки.

– Обещал. Но ты и не будешь одна. Я оставлю тебя с тем, кто не вызывает у меня никаких сомнений. С нами ты не поедешь. И точка.

– Почему?

Она не дует губы, не хмурится, не смотрит злобно. Она реагирует не так, как обычно реагируют на запреты девушки. Ей просто интересно почему.

– Так, послушай меня, – я стараюсь быть убедительным. – Охота на бездомных – это работа для таких, как я и Локи. Такой прелести, как ты, там делать нечего.

– В смысле? – она удивленно моргает. – Ведь это приключение! Мне важно быть с вами!

Очень сложно спорить с человеком, который не оперирует словами: «я хочу», «вы должны», «тогда я» и так далее. Она просто любит приключения и ей важно быть с нами. Эгей, несите коня и шляпу!

– Это не приключение, – говорю я строго. Мне сложно подобрать правильные слова, подходящие для описания охоты на бездомного. – Это будет чертова мясорубка и тебе там делать нечего. Это зомби, мертвец, не до конца погибший. Нам надо сделать так, чтобы было до конца. Ты меня вообще понимаешь? Ты когда-нибудь видела, как человека превращают в лапшу?

Понимание в ее глазах напрочь отсутствует. Готов поклясться, что сейчас она думает о летней лужайке, бабочках и цветочках. Мне даже кажется, что, если прислушаться, можно услышать, как пролетает пчела, несущая капельку пыльцы на ножке.

– А тебе не кажется, – медленно произносит она. – Что если я здесь оказалась, значит, мне суждено поехать с вами?

Терпение – не самая моя сильная сторона. Уговоры – не мой излюбленный метод. В моих глазах нет пустоты и детской наивности, в них есть угроза, вызов, бескомпромиссность, твердость и много чего еще. Я смотрю на нее исподлобья, по-волчьи опустив голову.

– Зай, поверь, будет так, как я сказал. Или по-хорошему, или по-плохому.

– А по-плохому – это как?

Я не верю собственным ушам. Дерзить вздумала?! Да что она о себе возомнила?!

– Иван, – кричу я. – У вас тут веревка имеется?

Дворецкий незамедлительно появляется в дверях:

– Имеется, сэр. Прикажете подать?

Приказывать у меня язык не поворачивается.

– Будьте так любезны, – говорю я.

Девчонка воспринимает это как игру. Сидит с довольной улыбкой, ждет, чем это все закончится. Скорее всего не верит, что это действительно может чем-то закончиться.

Иван возвращается молниеносно, царственно несет на подносе моток веревки, подает к столу, словно десерт. Как и положено идеальному дворецкому, сразу удаляется, прикрыв за собой двери.

– Что, к стулу меня примотаешь? – Сказка вся сияет от восторга.

– На твой выбор, – беру веревку и подхожу к ней. – Могу к батарее.

Она не пытается убежать или сопротивляться, с удовольствием ждет от меня решительных действий, но когда я сматываю ее руки друг с другом, спрашивает:

– Ты это серьезно?

– Я вообще ужасно серьезный человек, – снова сажусь напротив нее, держа в руках конец веревки. – Ну так как? Все еще хочешь, чтобы я примотал тебя к стулу?

В этот момент дверь в столовую распахивается, и входит Локи. Он выглядит, как английский лорд: безупречная осанка, дорогой костюм, пошитый специально для него, отполированная трость из редкого дерева, черные туфли на шнуровке. Он весь с головы до пят являет собой безупречность. А я тут в пыльных штанах и затасканной футболке держу связанную Сказку – контраст невероятный!

– Святые угодники! – восклицает Локи. – Волк, позволь узнать, чем это ты тут занят?

– Совершенно не тем, о чем ты подумал! Если ты успел о чем-то подумать. Мы просто пытаемся определить границы моего терпения.

– Она же девушка! – Локи выхватывает веревку из моих рук и принимается развязывать Сказку. – Голубка, вы его лучше не провоцируете, он дикий. Нижайше прошу прощения за то, что оставил вас с этим варваром.

– Не перегибай, – предупреждаю я. Терпение точно не входит в список моих сильных качеств.

Я не успеваю отследить движения Локи, а платиновый набалдашник трости уже упирается мне в подбородок. Еще чуть-чуть и я бы выплюнул парочку передних зубов.

– Не забывай где ты. – Каждое слово стекает ядом с его змеиного языка.

Я поднимаю вверх руки и отступаю назад. Он прав. Я заигрался. Забыл, с кем имею дело и в чьих владениях нахожусь.

Локи убирает трость, ведет плечами, чтобы костюм сел, как надо, после чего подставляет локоть Сказке:

– Прошу за мной.

Ее маленькая ладошка улиточкой проскальзывает по его руке, и она послушно следует за ним.

Дом Локи огромен и каждая комната таит в себе массу сюрпризов. Так, наверное, бывает со всеми домами, чей хозяин умеет зачаровать все что угодно. Он распахивает двери одной из моих любимых комнат, в которой мы не раз запирались на несколько суток, устраивая вакханалию невообразимого масштаба. В этом просторном помещении есть все: кинозал, бильярд, игровые автоматы, бар, маленькая сцена с шестом, дискошар, аппарат для попкорна, игрушечная железная дорога по всему периметру и даже живой спаниель. Спаниель бежит к нам, прыгает на Сказку, радостно виляет обрубок хвоста.

– Какой хорошенький! – девчонка тут же стискивает его в объятиях, а пес рад нализывать ей уши. – Как тебя зовут?

– Его зовут Пират. И он, как и вся эта комната, в полном вашем распоряжении. Думаю, это скрасит ваше ожидание.

Локи подталкивает меня к выходу и закрывает двери, пока она увлечена собакой.

У лестницы стоит дворецкий. Он абсолютно неподвижен, кажется, даже, не моргает и, если бы не черный фрак, его можно было бы принять за одну из статуй.

– Иван, – говорит Локи, поравнявшись с ним. – Проследи, чтобы леди ни в чем не нуждалась.

Дворецкий отвешивает поклон и без лишних слов удаляется.

Заставить человека делать то, что ты хочешь можно разными способами: уговорами угрозами, шантажом, деньгами. Я слову предпочитаю дело и люблю, когда меня понимают быстро. С одного удара желательно. Для особо настырных не жалко и два. Но есть такая редкая порода людей, которая пользуется самым подлым и безотказным способом – соблазном. Все мы поддаемся искушению, все мы чего-то жаждем, и есть что-то, перед чем мы не в силах устоять. Во всех нас живет природа первородного греха, и нужно быть сущим дьяволом, чтобы уметь ею пользоваться. Как Локи.

Он бросает мне ключи от машины:

– Поведешь? Я велел водителю явиться к вечеру, не рассчитывал никуда выезжать до этого времени. Ты нарушил мои планы.

– Прости, мне очень жаль, – извиняюсь я совершенно неискренне.

– Ничего. Любой мой ущерб ты возместишь. Но все же я бы хотел поскорее со всем закончить.

Снаружи тачка Локи выглядит так же печально и уныло, как и его дом. На таких только дедки по выходным на дачу ездят со своими старушками и багажником, забитым рассадой. Но изнутри это просто райский уголок. Светлый салон цвета слоновой кости, хром и лакированное дерево блестят на солнце. Руль полностью зашит в кожу, я кладу на него руки и мои глаза закатываются от удовольствия. Восьмицилиндровый двигатель рычит, как тигр, когда я поворачиваю ключ зажигания и давлю на газ. Не стану скрывать – на мгновение я позавидовал водителю Локи. Я не то, чтобы ездить на такой машине не отказался, да я бы, наверное, в ней спал и жил. И уж точно никого не пустил бы за руль, как это только что сделал Смотрящий пятого.

– Я заказал себе новую машину, ее скоро пригонят, вот думаю, что делать с этой.

А вот и мышеловка. Полностью открыта, наживка манит сладким запахом.

Мне не интересно, что за обмен он предложит. Я и так знаю. Ему нужен я целиком и полностью в личное распоряжение с утра до вечера и без выходных. Жаль, но Питбуль первым встал в очередь за моей шкурой.

– Понимаешь, она мне на самом деле дорога, и я бы не хотел отдавать ее чужим людям...

– Кому-нибудь другому втирать будешь, – резко обрываю я. – Мой ответ «нет».

Локи не выдает своих эмоций. По нему никогда не скажешь, расстроен он чем-то, рассержен или раздражен. Он никогда не расстается с видом аристократа, преисполненного чувством собственного достоинства, у которого все под контролем.

Машина едет, тихо шелестя колесами. Управлять ею так легко, что мне начинает казаться, будто она угадывает мои мысли и мне даже рулить не приходится. Я уже начинаю жалеть, что не выслушал предложение Локи, а он словно знает о чем я думаю, говорит:

– Ты все-таки послушай. Я не собирался у тебя ничего просить. Как раз наоборот, я хотел кое-что предложить.

– Ну конечно, – улыбаюсь. – Другого я и не ждал.

– Дружище, я обеспокоен твоим положением! Как ни крути, но оно патовое. Питбуль не простит тебе того, что ты явился к нему, рычал на его людей, запугивал, что-то требовал...

– Я ничего не требовал.

– Не важно. Ты выставил его трусом и слабаком.

– Я?! Нет, он сам себя выставил! Если б он не был слаб и труслив, то хоть что-то бы сделал.

– Волк, ты мог растерзать их всех, это совсем не то же самое, что и драка один-на-один. Он в первую очередь заботится о своих людях.

– А во вторую о своей репутации, – насмехаюсь я.

Этот разговор начинает мне надоедать.

– Ты слишком горд и упрям. Твердость не всегда хорошо, иногда полезно быть гибким.

– Отлично! Теперь, когда мы выяснили, в чем я не безупречен, мы перейдем к твоему предложению?

– Если ты уйдешь ко мне, я улажу ваш конфликт, – говорит он коротко и по делу.

Наконец-то мы подошли к этому вопросу! Да, сейчас он пришелся мне по вкусу! Самое то! Я плавно торможу на светофоре, поглаживаю руль пальцами. Во мне просыпается азарт и гадкий жадина:

– А машина?

– Забирай.

– Можно будет жить в твоём доме?

– Разумеется.

– Яхты, девочки, вечеринки?

– Сколько захочешь.

Сколько захочу! Да это круче, чем джек-пот, сорванный совершенно случайно лотерейным билетом, который приклеился к подошве твоего ботинка, когда ты спокойно шел с работы домой!

Загорается зеленый, я сворачиваю с главной улицы и еду в те районы, где мы видели бездомного. Как правило, они очень медлительны днем. Я рассчитываю на то, что он стоит все там же, в той же позе и смотрит в ту же самую точку. Или бродит где-то неподалеку.

– В общем, ты готов открыть мне полный доступ ко всем удовольствиям, которые можешь себе позволить? – продолжаю наш разговор.

– Все. Я могу позволить себе все удовольствия, – педантично уточняет он. – В обоих мирах.

– Странно, что со своей неумной жадой власти и денег, ты ограничился всего двумя мирами и не покусился на какой-нибудь еще, – выезжаю на нужную улицу, сбавляю скорость.

– Мы можем заняться этим, если ты примешь мое предложение.

– И всего-то надо будет прикрывать твой зад, трясти должников, убирать тех, на кого ты покажешь пальцем, – перечисляю я.

– Ты сгущаешь краски, – морщится Локи. – Мне просто нужен тот, кому я смогу всецело доверять в обоих мирах. Мне нужна правая рука.

– Да, а еще тебе уж точно не нужен я во главе четвертого. И мой труп тебе тоже не нужен, ведь толку от него ноль. Он же не сделает всю грязную работу.

– Грязную? Прости меня великодушно, но я прекрасно осведомлен о твоей деятельности и той шайке, что ты собрал. Я не Бункер имею в виду, разумеется, а твои дела в Городе. Ты – коллектор. Поправь меня, если я ошибочно считаю эту работу грязной. Как мне кажется, задания, что я тебе даю, порой гораздо более увлекательные, чем банальное выбивание чужих долгов.

– О да! Пустить кому-нибудь пулю в лоб – что может быть увлекательнее?

– Для этой работы я всегда смогу найти другого, – отмахивается Локи с пренебрежением.

– Неужели? Того, кого невозможно выследить и найти? Того, кто не выведет ищек на тебя? Того, кто уже давно мертв в том мире?

– Яр, – Локи единственный в Городе, кто знает, как меня зовут, помимо Сумрака. Когда выяснилось, что он нанял людей, которые помогли ему установить мою личность, мне это даже в некоторой степени польстило. – Мне плевать, выйдут на меня или нет. Ты же понимаешь, я

в любой момент могу исчезнуть с любой точки планеты. Ты мыслишь узко, хотя способен на большее. Повторяю, мне нужен помощник.

Его слова вызвали во мне определенные сомнения. Я уже было начал ему верить, как вдруг спохватился:

– А Банкир? С ним что не так?

– Банкир... – Локи замолкает, задумчиво поглаживает пальцем трость. – Он действительно хорош. Но он не умеет ходить между мирами, и он слишком похож на меня.

Я не могу сдержать смехок.

– И что? Разве это плохо? Кто-то, столь же блистательный, как ты! Мечта любого!

– Комплименты тебе удаются слабо, – замечает Локи.

– Это не комплимент. Я говорил о человеческих пороках.

– Не присущих мне. Спасибо за комплимент. Если бы я хотел кого-то, похожего на меня, я бы и создал себя. Поверь, мне это не составило бы ни малейшего труда. Раздвоиться, расстроиться, раздесатериться – минутное дело. Но мне нужен человек другого толка. Моя полная противоположность. Человек, обладающий теми качествами, коих не достаёт мне.

– Какой откровенный у нас выходит разговор, – усмехаюсь я. – Ты мне льстишь.

– Волк, не иронизируй. Подумай, как следует. Повторяю еще раз: я разбираюсь с Питбулем, а ты уходишь ко мне. Все остаются целы и невредимы. Таковы мои условия.

– Я тебя услышал, – я понимаю, что Локи предельно серьезен и тоже отбрасываю шутки в сторону. – Полагаю, эта тема закрыта?

– Эта тема – да. Осталась еще одна.

Вздыхаю. В отличие от меня, этот парень очень любит поболтать.

– Излагай.

Мы, наконец, приехали на кладбище старых домов. Я проезжаю мимо того места, где были мы со Сказкой и обнаруживаю, что бездомного там уже нет. Не знаю, далеко ли он ушел, но мы должны отыскать его пока не стемнело. Стараюсь сосредоточиться и найти его след, воспользовавшись своим звериным чутьем.

– Сказка, – говорит Локи. – Она мне понравилась.

– Да, ты не пытался этого скрыть, – отзываюсь я.

– Как и того, что я хочу ее. Она не ваша. И вы некрасиво поступили, когда забрали ее у Лекаря. Но он не в обиде, я узнавал.

Значит, этот упырь уже побывал у Лекаря и обо всем его расспросил. Оперативно сработано.

– Как это мило, что ты проявил беспокойство, – говорю я, с трудом скрывая раздражение.

– Да мне не сложно, – простодушно отвечает он, делая вид, что не слышит тихой угрозы в моем голосе. – Я хочу воспользоваться своим правом на нее.

– Только по ее желанию, – отвечаю я сквозь зубы. Мне упорно не удается сосредоточиться и выйти на след бездомного.

– Разумеется, по ее желанию. Хочу услышать от тебя, что вы не станете этому препятствовать.

Резко ударяю по тормозам, машина останавливается, как вкопанная. Локи успевает упереться рукой в торпеду и избежать удара. Я тяжело дышу и стараюсь не смотреть на него. В висках пульсирует. Прислушиваюсь к ударам сердца – все в порядке. Еще человеческое.

– Мы не будем тебе мешать, – выплевываю я. – Все на этом?!

– Да, – Локи заметно веселеет. – Рад это слышать. Кстати, позволь спросить, что вы с ней делали в столь отвратительном месте?

Ум Локи – это холодный острый кинжал, которой вонзается метко и точно. Его ум – его главное оружие, куда опаснее того смертоносного клинка, что он прячет в трости. Нужно быть чертовски изворотливым, чтобы переиграть Хитрого Лиса.

– Приятель, ты точно хочешь знать, зачем я привез девушку в столь уединенное безлюдное место? – я пытаюсь его запутать, но получается у меня паршиво, я и сам понимаю, как облажался.

– Думаю, ты хотел взять то, что передал мне, – запросто говорит он, игнорируя мои намеки. – Глаз Города. Не верится, что ты прятал его здесь, а не в подземных лабиринтах Бункера. Прямо под открытым небом – вот уж где точно никто не стал бы искать. Умно. Ты не пересташь меня удивлять, Ночной Охотник. И все же, почему ты не забрал его себе?

Почему я не взял себе Глаз Города? Хотел. Много раз. Жаждал обладать той Силой, что сокрыта в нем, как жаждет изможденный путник стакан воды в знойный день. Это неутолимое желание сводило меня с ума день за днем и, за один шаг до безрассудного поступка, я избавился от колдовского камешка, спрятал далеко, там, где почти не бываю, где не услышу его зов, и он не сможет приманить ни меня, ни кого-то еще. Мёртвый дом Старого Города отлично подошел.

– Однажды я впустил в себя что-то извне. Что-то очень сильное и опасное. Больше не хочу, – отвечаю я уклончиво.

Локи прекрасно понимает, о чем идет речь. Он знает про мою звериную часть и знает, чего она мне стоит. Мгновенно меняет тему разговора:

– Есть одна работенка, как раз в твоей компетенции. Хозяин одной кофейни задолжал мне крупную сумму...

– Нет. Плевать. Здесь я на тебя не работаю.

– Да и ради бога! Парням своим предложи. Деньги хорошие.

– Посмотрим.

Я не хочу говорить с ним о делах. И вообще я уже устал трепаться. Но Локи еще есть, что сказать:

– Волк, я знаю, что глупо и самонадеянно тебя об этом спрашивать, но все же. Событие выдающееся и я не могу не воспользоваться возможностью задать тебе вопрос лично с глаза-на-глаз. Если бы вы что-то знали об этом поезде, ты бы мне рассказал?

Поезд. Выходит, Локи видел его, был там и, как и мы, не нашел ответов.

– Нет. Не рассказал бы. Но мы ничего не знаем.

Глава 9

В Городе фонари зажигаются засветло. Даже несмотря на то, что летние ночи наползают медленно и в небе подолгу алеют багровые закаты. Люди боятся темноты. Боятся того, что скрывается во тьме. Боятся тех, кто не боится.

Мы объездили заброшенный район несколько раз вдоль и поперек. Бездомный как сквозь землю провалился. Локи предположил, что он вернулся на пустырь к своим сородичам. Хорошо, если так. Но я не могу перестать думать и о другом вполне возможном варианте: он запросто может сейчас шататься по улицам Города и куда более оживленным, нежели этот старый квартал.

– Черт бы его побрал! – с силой ударяю ладонями по рулю. – Нужно было сразу сюда ехать. Не думал, что он сумеет так быстро исчезнуть.

Спокойствие Локи холоднее льда. И я не представляю, как можно оставаться таким в любой ситуации.

– А ты уверен, что это был именно бездомный? – решает уточнить он. – Может, ты увидел пьяного или сумасшедшего? Издалека не сложно перепутать.

Я даже не собираюсь это комментировать. Потому, что перепутать не то чтобы сложно, а невозможно в принципе! Я так давно в этом Городе, что бездомного за версту почую. Как и того, кто вот-вот им станет. Нет, я знаю, что именно я видел.

– Пора возвращаться, – Локи не дожидается моих ответов. – Скоро стемнеет.

Он прав. Когда опустится ночь, и Город проснется, бездомный из медлительного мертвяка превратится в молниеносное чудовище, и даже нам двоим с ним не управиться.

– Я пошлю своих людей. Мы найдем его, если он еще не вернулся на пустырь.

– Хорошо. – Соглашаюсь я. Надо срочно вернуть Сказку в Бункер. Думаю, Сумрак уже заметил наше отсутствие и меня ждет кое-что пострашнее бездомного.

Сказка сидит в кресле, свернувшись в уютный клубок, обнимает ведро попкорна, а на белой стене какие-то мультяшные персонажи распевают радостные жизнеутверждающие песенки, никак не вяжущиеся с моим мрачным настроением. Пират пристроился рядом, выпрашивает попкорн. Что-то мне подсказывает, что за этот вечер он съел его прилично. Увидев Локи, пес бросается встречать своего хозяина-создателя, активно виляет обрубок хвоста и подпрыгивает, при этом звонко лая. "Отвратительная погрешность", – морщусь я. Ненавижу собак. Особенно мелких и брехливых.

– Мы вернулись, – сообщаю я Сказке, которая даже голову не поворачивает в нашу сторону.

– Вижу, – отвечает девчонка, не отрываясь от экрана. – Отойдите, пожалуйста, от проектора, вы загромождаете.

– Ты уж меня прости, но мультик досмотришь в следующий раз. Говори дяде Локи "спасибо" и "до свидания".

– Нет, я хочу досмотреть. Никуда не поеду.

Я не в том настроении, чтобы уговаривать ее. Мне проще закинуть девчонку на плечо и отнести в машину, и пусть визжит и брыкается сколько влезет. Именно это я и собираюсь сделать, когда вдруг Локи кладет руку мне на спину.

– Давай выпьем? – предлагает он. – Мультик скоро закончится. А мне, судя по твоему настрою, похоже, больше не представится возможность пить в твоей компании.

– Не драматизируй, – криво ухмыляюсь я. – Может, тебе стоит в последний раз выпить с Питбулем? Присмотришься к моему настрою. Я вовсе не намерен помирить в скором времени.

И он действительно присматривается, хищно сощурившись. Говорит:

– Где бар ты знаешь. Я отдам распоряжения относительно бездомного и к тебе присоединюсь.

Разумеется, я знаю, где бар! Прямо за небольшой сценой с шестом. Если бы не Сказка, наше мероприятие могло приобрести более сладострастный характер. Погулять как следует напоследок кажется прекрасной идеей. Локи бы мигом все устроил, но зачем-то я потащил с собой девчонку. Бросаю на экран мимолетный взгляд – ладно, пусть будут принцессы.

– Зай, ты на меня не дуешься? – спрашиваю я в перерыве между мультяшными песнями.

– Ты сам знаешь.

Подхожу к полкам с бутылками, задумчиво чешу затылок. Выбрать не просто, алкоголь у Локи, как и все в его доме, высшего качества, но как бы то ни было, в этом мире я предпочитаю суррогат, который гонит Лекарь.

– Я еще не до конца разобрался в твоём сложном мироустройстве. Мне не так-то просто тебя понимать, поэтому будет отлично, если ты сама расскажешь.

– Нет, не дуюсь, – тут же отвечает она. – Невозможно обидеть того, кто не намерен обижаться. Я лучше побуду счастливой. И на то, и на другое энергии тратится одинаково.

Господи, какая глубокая философия! И почему меня никто не учил этому в школе? Да у меня жизнь бы совсем по-другому сложилась!

– Зай, а может, дашь совет, как это делать? Я смотрю, у тебя потрясно получается.

Появление Локи прерывает нашу занимательную дискуссию. Он достаёт бутылку, разливает, не спрашивая на чем я остановил свой выбор. Кажется, он понял, что я так и не сумел определиться.

– За тебя, оборотень, – Локи поднимает свой бокал. – Чтобы наше общение еще много лет не прекращалось.

Весьма недвусмысленно. Ударяю по его бокалу и выпиваю залпом до дна. Огненная вода медленно опускается в живот. Купажированный виски. Скорее всего, более чем десятилетней выдержки. Чувствую медовую сладость, аромат фруктов и дуба. Долгое согревающее послевкусие.

– Вещь! – признаю я. – Еще?

– Отчего же нет?

Из-за этой чертовой комнаты без окон я упускаю момент, когда на улице окончательно темнеет. Мы выходим из дома, и я не могу сдержать грязную брань: уже давно перевалило за полночь. А это значит, что Сумрак, разумеется, успел все понять, рассвирепеть и отправиться в погоню за нами. И вот я стою возле машины и думаю, как бы добраться до Бункера таким маршрутом, чтобы точно не встретить его по пути. На хрена только я взял с собой девчонку?!

– Ты поедешь за рулем? – удивляется Сказка. – Пьяным?

– Только не говори, что это так сильно будоражит твоё воображение. Человека, который умеет летать ты видел. Сейчас увидишь человека, способного протрезветь за долю секунды. В этом моя суперсила. Садись уже, довезу без происшествий.

Нейтрализовать действие алкоголя значительно проще, чем, скажем, отрастить мохнатый хвост. Этому трюку я уже давно научился, хотя, крайне редко к нему прибегаю. Не для того же я пью, чтобы мгновенно трезветь.

Пока мы едем по ночным улицам Города, мне хочется поразмышлять над тем, что сказал Локи и о том, как быть дальше. Мое намерение устроить разборку с Питбулем поутихло, уступив место сомнениям. Я уже не знаю, стоит ли переть на него лоб-в-лоб. Однако, девчонка отвлекает своей болтовней и мешает думать:

– Ты боишься бездомных?

“Терпение, – говорю я себе. – Она вот только появилась в этом мире. Будь благосклонен”.

– Боюсь. Если здравый смысл можно считать страхом. У меня не трясутся поджилки, но я адекватно оцениваю угрозу.

– Он выглядел жутко, но безобидно. Неужели он мог напасть? По-моему, это он нуждался в чьей-то помощи.

– Конечно, зай. Поэтому мы с Локи и поехали его искать. Хотели помочь. Избавить от ненужных страданий.

Я вжимаю педаль газа в пол – чтобы эта дорога и бесконечные вопросы как можно скорее закончились. Потому что пока мы едем, она явно не перестанет их задавать.

– Таких, как он много?

– Много.

– И они опасны?

– Люди вообще довольно опасны, но мы не творим бесчинства напропалую лишь потому, что у нас есть некие принципы морали. Воспитание. Человечность. Жалость. Трусость, наконец. Бездомные ничего не боятся и никого не жалеют. Они вообще ничего не чувствуют. Даже боли. У них нет сознания, нет души. Наверное, в этом все дело.

Сказка замолкает на какое-то время, а потом продолжает совсем не с того места, на котором мы остановились, чем вгоняет меня в ступор:

– Он мне понравился.

– Чего?

– Локи.

– Чем же? – мне не верится, что он сумел очаровать ее своей наделанной обходительностью.

– Он смешной.

– Смешной?

– Да, смешной. Смешно говорит, смешно одевается, смешно обставляет свой дом, даже слуги его смешные. Вообще слуги – это тоже смешно. Он, будто, все делает, чтобы доставить радость своему внутреннему ребенку. Это забавно. Забавно, что он не пытается это скрыть.

– Или ты чертовски проницательна, или чертовски заблуждаешься. Еще никто не находил Локи забавным. Обделаться в его присутствии может любой, а вот смеяться над ним, наверное, никто не отважится.

– И ты?

– И я?

Что-то мне в ее вопросе не нравится и кажется странным. Будто есть в нем некий подвох. Я поворачиваю голову, пытаюсь прочесть ее мысли и одновременно с этим ощущаю, как ее невидимая ладошка мягко прощупывает меня изнутри.

Что ты творишь? Ты хоть знаешь, кого встретишь там, на дне? Что ты будешь делать, если он увидит тебя и захочет?

В следующую секунду все происходит, словно, само собой. Краем глаза выхватываю чью-то фигуру на дороге, вжимаю педаль тормоза в пол, скрипят колодки, машину несет, и мы врезаемся в неизвестно откуда возникшего на дороге человека. Грохот. Удар. Воняет паленой резиной.

Сказка хватается за голову и начинает верещать, как подбитый воробей – она не пристегивалась и, похоже, крепко приложилась лбом. Я сумел избежать удара, уперевшись в руль, но, тем не менее, со мной не все в порядке. Я слышу, с каким неестественным стуком забилося сердце в груди. Это больше не сердце человека – я превращаюсь, Зверь пытается выбраться сквозь мою плоть наружу. Мне приходится приложить немало усилий, чтобы разжать негнущиеся пальцы и выпустить руль. Сквозь паутину треснутого стекла вижу сбитого человека, лежащего на капоте обмякшим мешком. Сказка только сейчас понимает, что произошло, и в приступе паники хватается меня за руку.

– Тише, тише, – успокаиваю ее и себя заодно. – Посиди тут, я посмотрю, что случилось.

Открываю дверь и успеваю поставить одну ногу на землю, как вдруг человек вздрагивает, будто его передернуло судорогой, и снова замирает. Зверь внутри меня рычит в приступе ярости, что-то будоражит его, делает злым. Я привык доверять его чутью и вместо того, чтобы выскакивать на улицу, медленно убираю ногу обратно.

Незнакомец поднимает голову, смотрит перед собой, но не на нас, а куда-то мимо. На его лице нет ни единой эмоции: ни боли, ни страха, ни злости, будто это маска, кусок гипса, который не доработал скульптор. Глаза – безжизненная пластмасса.

Я уже видел бездомных вблизи. Один каким-то чудом забрел на наше поле, и нам с Сумраком пришлось с ним разобраться. Другой пришел на квартал к Лекарю, а я как раз был неподалеку и не мог не помочь. И я нисколько не сомневаюсь в том, кого мы только что сбили, и имею совершенно точное представление, чем нам это грозит.

Словно насекомое, быстро перебирая руками и ногами, он вскарабкивается по лобовому стеклу на крышу.

Тишина.

Мы смотрим вверх, но, разумеется, не видим ничего, кроме белой обивки крыши. Нащупываю ключ зажигания, пытаюсь завести машину, но мотор молчит, скорее всего, повредился при ударе. Если так, нам конец. Ругаясь сквозь зубы, снова и снова верчу ключом, выжимая педали.

– Волк, – жалобно зовет меня Сказка.

– Я здесь. Все хорошо, не бойся.

Я нагло вру. Все очень плохо. Если мы сейчас не заведем машину и не уедем, он доберется до нас. Все, что я смогу сделать – задержать его на какое-то время, пока она убегает.

Раздается оглушительный удар, крыша прогибается, Сказка визжит и наклоняется к коленкам. Над нашими головами две огромные вмятины. Машина упрямо не заводится.

– Твою мать! – хватаю девчонку за голову, поворачиваю лицом к себе, заставляя смотреть на меня. – Ты должна бежать. Поняла?

В ее огромных от ужаса глазах появляются слезы.

– Нет, мы побежим вместе, ты меня не оставишь! Ты обещал!

– Мы не сможем. Все будет хорошо, смотри на меня, я... – я запинаюсь, потому что вижу бездомного прямо за ее дверью. – Лезь на заднее сиденье, сейчас же!

Тяжелый удар прилетает в окно, и оно расползается мелкими трещинками. Сказка визжит и карабкается назад. Еще один удар и стекло рассыпается. Бездомный залезет внутрь по пояс, пытается дотянуться до меня, но я успеваю выскочить из машины, выкрикивая:

– Беги! Сейчас!

Одним прыжком перемахиваю через разбитую тачку и оказываюсь за спиной бездомного. Тут же вытаскиваю его из окна и несколько раз с силой ударяю головой об крышу. Бездомные не чувствуют боли и не испытывают страха. В отличие от меня, он будет продолжать драться, истекая кровью, со сломанными конечностями или вообще без них. То, что мертво сложно умертвить еще сильнее.

Крыша машины слишком мягкая, она гнется, в то время как его голова все еще целая. Он без особых усилий разворачивается, и мне в бок врезаются его пальцы. Дыхание перехватывает, кожа разрывается, как ветхая тряпка, его пальцы проникает глубже, пытаются сжать мои внутренности. Я резко взбрыкиваю, опрокидываю бездомного через себя и оказываюсь сверху, сдавливаю его голову руками с такой силой, что череп начинает хрустеть. Затем встряхиваю и бью об асфальт, словно большой орех. Раздается омерзительный треск. Бездомный, как ни в чем не бывало, хватает меня за шею, душит, скребет ногтями кожу, пальцы сдавливают все сильнее, и мне уже нечем дышать. Я не могу отцепить его от себя, и отпустить его тоже не могу, и я знаю, что через несколько секунд в глазах потемнеет и все завершится. Я отключусь,

и он покончит со мной. В последний момент я успеваю подумать о Питбуле и о том, насколько сильно он будет расстроен, что не сумел добраться до меня первым. Какая дурацкая последняя мысль.

В глазах темнеет. Под моими пальцами как будто раскалывается скорлупа, и они погружаются во что-то мокрое и вязкое. Вдруг я вижу ее. Она стоит рядом. Слишком близко. Кладет руки ему на голову. Так легко и просто. Склоняется, словно собирается прочесть над ним молитву.

«Что ты делаешь? Беги», – хочу сказать я, но тиски на горле не позволяют это сделать.

«Прошу, помоги. Даруй мне Силу Твою» – слышу я, теряя сознание. – «Проведи ее сквозь меня. Пошли мне Священный Огонь Твой, истребляющий все нечистое. Очисти Своим пламенем.»

Я больше не слышу ничего, кроме стука в ушах. Тьма обволакивает, и сквозь густой туман я вижу свет, белое пламя, яркое и ослепительное. А потом все исчезает.

– Волк.

Кто-то зовет меня. Далеко. Кажется, нас разделяет космос и лет примерно пятьсот. Так не хочется туда возвращаться.

– Волк.

Приоткрываю глаза и вижу лицо. Мокрые дорожки на щеках, губы дрожат. Не могу понять кто эта девчонка и с какой стати я лежу на ее коленках. Пробую подняться, и меня вновь затягивает вглубь тумана.

– Волк!

Я, наконец, вспоминаю, кто эта девушка и все, что произошло перед тем, как я потерял сознание. Сказка держит мою голову, обнимая обеими руками, и я чувствую, как ее всю лихорадочно трясет. Хочу сказать хоть что-то, чтобы ее успокоить, но в моем горле, словно ком гвоздей застрял. Невыносимая боль.

Бездомный лежит рядом, его голова похожа на обгоревшую спичечную головку. Если бы я не видел все собственными глазами, ни за что бы не представил... не поверил...

– Не засыпай...

Холодные пальцы касаются лица. Я смотрю в звездное небо и думаю о том, сумею ли я встать. Нужно забрать нас отсюда.

– Волк, ты в крови.

Приподнимаюсь на локте. В боку открытая рана и футболка уже насквозь мокрая. Красная лужа подо мной на асфальте. Ерунда. Это ерунда. Бывало и хуже.

– Волк, мне страшно, – Сказка дрожит и беспомощно всхлипывает. – Тут так много крови... что мне нужно сделать?

– Ты уже все сделала, – говорю я хрипло без голоса.

Я знал. Подозревал. Никакая она не заплутавшая между мирами потеряшка. Я видел много потеряшек, но такого я не видел никогда. Хотя я и, по-прежнему, понятия не имею, что только что произошло, и как она это сделала, но теперь я не сомневаюсь в одном: она – Сила и Свет. И нет в этом Городе никого, похожего на нее. Жаль, что Сумрак этого не видел.

Сказка помогает мне подняться и дойти до машины, которая просто в ужасном состоянии. Она выглядит так, как будто ее несколько раз перевернуло с ног на голову и выбросило под колеса КамАЗа. По сравнению с ней – я вообще в идеальном состоянии. Не считая разорванного и торчащего из моего бока мяса – все в полном порядке. Футболка в том месте теплая и липкая. Кажется, его пальцы целиком зашли внутрь. Надо поскорее вернуться, остановить кровь, зашить чертову рану.

Падаю на сиденье. Пытаюсь сосредоточиться. Я сумею завести мотор, если соберусь. Я могу одолжить Силу у Города. Мне просто нужно настроиться.

Сказка пробует открыть переднюю дверь, но ее наглухо заклинило, и девчонка садится за мной, тут же спрашивает:

– Она точно поедет?

Я не отвечаю. Смотрю перед собой пустым взглядом, собираю волю в кулак.

– Может, стоит попросить помощи?

– Какой, на хрен, помощи?! – взрываюсь я лающим хрипом.

То, что тут произошло, наверняка уже прокатилось волной по всему Городу. Еще несколько минут и тут будут все, включая Питбуля. А я сижу в раздолбанной тачке, полностью готовый к употреблению, даже разогревать не нужно! Приятного аппетита!

Сказка молчит, тихонько всхлипывает за моей спиной.

– Прости, – шепчу я, сглатывая гвозди. – Мне больно. Покопайся в бардачке, там должны быть таблетки.

Она стряхивает осколки с сидения и перелезает вперед. В бардачке куча всякого хлама и пока Сказка в нем копается, я останавливаю все мысли, закрываю глаза, делаю глубокий вдох, выдох, и поворачиваю ключ. Двигатель покашливает и заводится.

– Завелась! – восторженно восклицает Сказка, и показывает пузырек в руке. – Это они? Тут написано...

Выхватываю таблетки, высыпаю горсть на язык и тут же разгрызаю.

– Нельзя сразу столько... – она не договаривает, видя, как я их проглатываю.

Мы едем медленно. Лучше так, чем совсем никак. Не думаю, что сейчас возможно разогнать это корыто и оно при этом окончательно не развалится. Город на удивление, тих и безмолвен. Кажется, то, что произошло, поразило и его тоже.

Смотрю на дорогу сквозь сетку трещин лобового стекла, одной рукой держась за руль, а другой за рану в боку. Кровь и не думает останавливаться. Успеть бы добраться до Бункера.

Бездомный снова и снова встает перед глазами. Память подсовывает настолько яркие и четкие картинки, словно он все еще лежит на капоте. Мраморное лицо в метре от моего. В тело постепенно возвращается чувствительность, бок начинает ныть от боли, как будто пальцы этого ублюдка продолжают пробираться под кожу. И вдруг я вспоминаю белое пламя. Белое, мать его, пламя!

На дороге кто-то стоит. Всматриваюсь сквозь треснувшее стекло, понимаю, что мне не показалось – действительно человек прямо на дороге – и сразу становится дурно. Встречи с еще одним бездомным я не переживу. В следующую секунду узнаю кто это и начинаю смеяться истеричным болезненным смехом.

– Это же Сумрак! – радуется Сказка, когда мы подъезжаем ближе.

– Ага, – отзываюсь я шелестящим голосом совсем безразлично. – Зай, ты лучше закрой уши. Да и глаза тоже.

Торможу в нескольких шагах от него. Он стоит на месте, не двигается, ждет, когда я предстану перед ним во всем своем великолепии, и мне приходится вылезти из машины и подойти. Я плетусь к нему, зная, что будет дальше. Признаю: я это заслужил. Случается то, что должно случиться – он бьет меня сразу же, как только я оказываюсь в зоне его досягаемости. С размаха, вкладывая в удар всю душу. Моя голова запрокидывается, я теряю равновесие и падаю на колено. В рот течет горячая кровь. Кажется, один из его перстней разорвал мне губу.

– Я бы продолжил, если бы на тебе было больше живого места, – сдержанно говорит он. – До машины доползешь?

Не дожидаясь ответа, он уходит. Шевелю челюстью из стороны в сторону, раздается щелчок, и она встает на место. Перед глазами все плывет, земля вращается. Не с первого раза мне удается встать. Собрав остатки сил, я дохожу до машины и падаю на заднее сиденье. Кто-то заботливо закрывает за мной дверь.

- С ним все будет в порядке? – слышу обеспокоенный голос Сказки.
 - Не сомневайся. Он живучий, как собака. А сдохнет, так тоже – ничего страшного.
 - Спасибо, старина, – отзываюсь я в полузабыты. Кажется, сейчас я потеряю сознание. –
- Почему ты появился так поздно? Ты такое пропустил...

Глава 10

Сумрак помогает мне идти. Сказка тоже стремится поучаствовать и подставляет плечо с другого бока. Это очень трогательно. Я раза в два тяжелее нее, и не могу по-настоящему опереться на девчонку. Из-за того, что приходится стараться не давить на эту мелюзгу, идти становится только труднее. Сумрак шипит на нее, чтобы отошла и не путалась под ногами.

Они доводят меня до ванной и оставляют там одного. Прежде чем заняться мной, ему нужно расспросить Сказку о том, что случилось. Понять все ли с ней в порядке. Он, видимо, уверен, что со своими ранами я и сам разберусь. Черт, сегодня я здорово облажался, взяв ее с собой!

Над раковиной висит осколок некогда большого зеркала. Близнецы разбили его прошлой весной, но кто из них, мы так и не выяснили – они в жизни не сознаются. Поэтому у нас принято считать, что оба, коллективно и по предварительному сговору.

Отражение в мутной глади подсказывает, что все хуже, чем мне представлялось: на шее следы от рук, содранная кожа свисает лоскутами, губа рассечена так, словно ее разрезали чем-то острым. Приподнимаю футболку – там просто кровавое месиво. Надо промыть рану, чтобы разглядеть, как обстоят дела на самом деле.

Желудок сводит и подкатывает к горлу, меня вот-вот вывернет.

Открываю холодную воду, опускаю голову под струю, осторожно умываю лицо и шею, царапины жгутся, но вскоре ледяная вода начинает приносить облегчение. Я стою так долго, облокотившись о раковину, стараюсь ни о чем не думать, просто чувствовать холодную воду на раскаленной коже. Вдруг кто-то проводит рукой по спине. Выныриваю из-под крана и вижу в зеркале Кошку. Крошечные ручейки стекают с волос по спине и груди под футболку, оставляя мокрые дорожки. Тошнота отступает.

По ее глазам видно многое. Она рассержена, напугана и совершенно ничего не понимает, но при этом не произносит ни слова. Не задает ни единого хренова вопроса, а молча начинает стягивать с меня футболку, догадываясь, что едва ли я смогу справиться с этим самостоятельно. Кошка – не какая-то там кисейная барышня, за несколько лет в Бункере повидала многое, и теперь хладнокровно берет в руки полотенце, мочит его и мягкими движениями вытирает кровь.

– Очень плохо? – спрашиваю я и чувствую, как голова идет кругом, – приходится схватиться за раковину, чтобы не упасть.

– Выглядит паршиво, – говорит Кошка, рассматривая мой изувеченный бок со всех сторон. – Будто из тебя пытались вырвать кусок мяса голыми руками.

Я молчу, и моего молчания достаточно, чтобы она поняла – пытались, и сумела это себе представить. Ее передергивает. Она ныряет под ванну, достает оттуда металлическую коробочку. Сказать по правде, ненавижу те моменты, когда ее открывают. Внутри бинты, зеленка, спирт, пластыри, загнутая игла и хирургическая нить – необходимый минимум для скитальцев между мирами и обитателей Города. Кошка льет вонючую жидкость на сложенный в несколько слоев бинт.

– Будет щипать, – предупреждает она, будто я сам не знаю, что то, что меня ждет нельзя назвать каким-то там безобидным «щипать». – Я аккуратно.

На пороге возникает Сумрак. Судя по всему, Сказку он уже допросил и теперь с особым извращенным пристрастием намеревается приняться за меня.

– Кэт, оставь-ка нас, – говорит он и забирает бинт из ее рук.

Кошка смотрит на меня полным сочувствия взглядом и молча удаляется.

– А я рассчитывал на нежные женские руки, – кисло усмехаюсь я и тут же жалею об этом – рассеченная губа, уже успевшая покрыться кровавой корочкой лопается и снова начинает сочиться.

– Мои руки ничуть не хуже, поверь, – с этими словами Сумрак без всякой осторожности и деликатности прижигает рану. Я хоть и пытаюсь держаться, но все же рычу от боли, мои пальцы сжимают край раковины с такой силой, что она вот-вот расколется. – Знал бы ты, как тебе повезло, что печень находится с другой стороны, – педантично замечает он.

Сумрак хладнокровен, спокойно дышит мне в ухо, словно совершает какую-то ежедневную будничную процедуру. Зубы чистит, например.

– Ты же получаешь от этого кайф, скажи? – выплевываю я, когда он дает мне минутку передохнуть. – Я думал, ты залечишь мои раны, по старой дружбе.

– Говорят шрамы украшают мужчин.

– Но я и так чертовски красив.

В следующую секунду я испытываю такую боль, что слезы выступают на глазах, и я не могу видеть его лица, но представляю на нем улыбку маньяка.

Он выбрасывает окровавленные бинты, наклоняется, чтобы получше рассмотреть рану. Я жду, что он скажет, многозначительно цыкнув: "Слишком плохо. Такое полночи зашивать придется, я лучше заживлю ее". Но вместо этого, он, не произнося ни слова, достает из кармана зажигалку, раскрывает ее резким движением кисти, и начинает стерилизовать иглу, держа ее над огнем. Все ясно, он не станет использовать Силу, чтобы залатать мои дыры. Возможно, я заслужил это.

– В двух словах. Что там произошло? – Сумрак вдевает нить в иглу, и я стараюсь на это не смотреть. Как назло, у меня закончились все обезболивающие, которыми меня когда-то снабдил Лекарь, замешанные на опиатах.

Сумрак ждет ответа. Видимо, хочет услышать обе версии, прежде чем сделает какие-то свои выводы. Мою и Сказки. Разумно, но даже я, свидетель происшедшего, понятия не имею какие тут могут быть выводы. По крайней мере, в голову приходят исключительно самые безумные.

– Она испепелила его, – говорю я хрипло, точно простудившийся пес, лающий на ветер. – Просто подошла и сделала барбекю из его башки. Это в двух словах. Если расскажу больше, залечишь?

– Не будь девчонкой.

Я чувствую, как игла прокалывает кожу, но мне сейчас настолько паршиво, что эта боль просто растворяется в моем теле, смешиваясь со всей остальной болью.

Края раны рваные, висят лохмотьями, Сумрак возится со мной довольно долго, накладывая швы. Я устал и едва держусь на ногах, голова идет кругом, неистово хочется пить. Время течет слишком медленно. Мне кажется, что прошло часа два, хотя, едва ли набежало сорок минут. Когда Сумрак заканчивает и перематывает меня бинтом, я облегченно вздыхаю: наконец-то я смогу добраться до своей комнаты, достать припрятанную бутылочку «Крысиной смерти», крепко напиться и забыться глубоким сном. Эти мысли настолько пленительные, что я едва сдерживаюсь, чтобы не сломать Сумраку челюсть, когда он говорит:

– Одевайся, прогуляемся.

– Да ты издеваешься?! – взрываюсь я, и даже голос возвращается ко мне. – Давай без меня!

– Не обсуждается.

С этими словами он уходит, а меня так и распирает изнутри: хочется окончательно разбить зеркало на мелкие осколки, как следует саданув по нему кулаком, вырвать раковину вместе с трубой, устроить погром, заполнить все вокруг битым кафелем, пылью и грохотом. Какого

хрена вообще?! Это был долгий и отвратительный день, и я хочу, чтобы он как можно скорее закончился! Как смеет он заставлять меня куда-то с ним тащиться?!

Смотрю на свое отражение, и меня пробирает отвращение к самому себе. Я облажался. Девчонка чуть не погибла из-за меня. Я подвел ее. Я подвел Сумрака. Чувствую себя слабаком, который не придумал ничего лучше, чем сдохнуть от рук бездомного. Этим бы все и закончилось. И меня спасла не моя звериная мощь, которой я так горжусь, а мелкая девчонка, соплюха, вмешавшаяся в мой разговор со смертью.

Железная коробочка с бинтами и зеленками летит в стену, врежется с такой силой, что крышка ломается и все содержимое рассыпается по полу, а я тащусь к себе в комнату, и к счастью, не встречаю никого по пути. Меньше всего мне бы сейчас хотелось отвечать на чьи-то вопросы или выслушивать сочувственные речи. А если бы этим кем-то оказался Пит, он мог бы сильно пострадать и уйти с разбитым носом, как уже бывало, когда он совершенно не вовремя попадался мне под горячую руку. Оказавшись в своей комнате, борюсь с диким желанием запереться, закутаться в одеяло, накрыть голову подушкой и игнорировать любые угрозы и попытки меня выкурить. Но одного детского поступка на сегодня достаточно.

Кто-то стучит.

– Открыто, – рычу я, влезая в свежую футболку.

Сказка проскальзывает внутрь и тут же закрывает за собой дверь, прислонившись к ней спиной.

– Я хотела убедиться, что с тобой все в порядке, – тихо произносит она.

За все время нашего с ней общения она впервые старается не смотреть мне в глаза. Стоит, уставившись в пол, накручивает локон волос на палец. Святая невинность, опечаленная крошка. Если бы я собственными глазами не увидел, как эта малышка в льняном сарафанчике подошла к обезумевшему бездомному и без особых усилий его кремировала, в жизни бы не поверил, что она на такое способна.

– Да пустяки, я в полном порядке! – отмахиваюсь небрежно. – Слушай, я виноват в том, что случилось...

На моих штанах запеклась кровь, коричневая полоса тянется по бедру до самого колена. без задней мысли снимаю штаны, отшвыриваю на пол, и беру со спинки стула чистые джинсы. Я не привык, что в Бункере надо кого-то стесняться и испытываю некоторое замешательство от того, что девчонка краснеет и отворачивается.

Я стараюсь побыстрее одеться, чтобы ее не смущать, но сгибаться пополам сейчас крайне неудобно и весьма больно. Когда я, наконец, застегиваю ремень, по моему лбу стекают струйки пота.

– Ты ни в чем не виноват, – бормочет она. – Ты не мог знать. Все произошло само, а ты... если бы не ты...

– Нет, если бы не ты.

Мы смотрим друг на друга, как обычно, наверное, смотрят люди, которые едва избежали гибели, стали значительно ближе друг к другу и отныне начнут дружить семьями или, как минимум, обмениваться открытками на новый год.

– Сказка... – внезапно до меня начинает доходить смысл всего, что сегодня произошло. В первый же день в Городе она дважды наткнулась на бездомного, причем один раз днем, и я могу счесть это чем угодно, только не удивительным совпадением. – Да ты же...

Договорить свою мысль я не успеваю, потому что дверь открывается, оттесняя Сказку в сторону. Сумрак заглядывает внутрь, замечает ее и очень выразительно смотрит на меня. Он больше не хочет видеть нас вместе, это понятно. В чем-то он, безусловно, прав. Я и сам думаю, что мне стоит держаться от нее подальше.

– Иду, – устало бормочу я и выхожу из комнаты.

Я без понятия, куда Сумрак нас везет. У меня нет ни единого предположения, потому что этой дороги я не знаю и никогда прежде по ней не ездил. Она проселочная, тянется вдоль леса куда-то на северо-запад от Города. Машина в плачевном состоянии: капот замят, крыша прогнулась настолько, что я касаюсь ее головой, стекла с моей стороны нет, а через лобовое почти ничего не видно. Она едет-то только потому, что Сумрак заставляет ее ехать. Но, учитывая то, что я и Сказка все еще живы, можно считать, что нам сегодня чертовски повезло.

– Надеюсь, ты понимаешь, что привести ее в порядок придется тебе? – спрашивает Сумрак, имея в виду машину.

Вздыхаю:

– Мог бы и не говорить.

Разговор, разумеется, на этом не заканчивается.

– Скажи, ты специально это сделал?

– Наехал на бездомного? Вообще нет.

– Взял ее с собой.

Он припер меня к стенке. Сразу же.

– Слушай, я же не знал, что мы встретим бездомного! Его не должно было там быть!

– Я спросил не об этом, – в его голосе обманчивая тишина, подобная той, что бывает перед бурей.

С ним юлить бесполезно. Перебираю в голове возможные ответы, но понимаю, что он все равно вытянет из меня то, что хочет знать, поэтому говорю, как есть:

– Да, специально.

– Зачем?

– Хотел посмотреть, что она из себя представляет.

– И что?

– Черт возьми, Сумрак, если бы ты там был... – воспоминания во мне настолько живые и настолько яркие, что слова просто сыплются сами, как яблоки из разорванной сумки. – Она схватила его за голову и начала бормотать что-то. Типа заклинания. Что-то про свет и священный огонь. И будто что-то, какая-то огромная сила прошла сквозь нее, как ток через оголенный провод, а затем яркая вспышка... белое пламя. Я видел белый огонь! Или мне померещилось... Огонь бывает белым? Не знаю. Белый огонь прямо из ее рук! Спалил его мгновенно!

– Было еще что-то?

– Столь же странное? – усмехаюсь я.

Быстро проматываю в голове события дня, – каким же он кажется длинным! Встреча с бездомным оставила неизгладимое впечатление, перечеркнувшее все остальное. Вдруг вспоминаю ее маленькую руку в своей ладони, эти ее глаза, сияющие зеленой лужайкой сочной осоки, и то сладкое чувство, когда что-то из нее перетекло в меня, в ту пустоту, которая годами ныла глубоко внутри, как застрявшая в душе заноза.

– Что? – нетерпеливо спрашивает Сумрак.

Я не могу ему о таком рассказать. Не хочу. Это то, что принадлежит только мне.

– Помнишь, мы с Питом натолкнулись на существо в глубине Бункера? – на ходу придумываю я, что ответить. – Так вот она чувствует его. Я видел, как она стояла и смотрела туда, а потом сказала, что там кто-то есть. Иногда она видит такие вещи... про нас. Про меня.

– Она не видит.

Сумрак говорит это настолько уверенно, будто знает точно. И я не могу не спросить:

– Что значит не видит?

– Не видит, как видим мы с тобой. У нее особенные отношения с миром, она умеет его слушать и просто озвучивает вслух то, что он ей нашептывает.

Не сразу, но картинка начинает складываться в моей голове. Обычно люди склонны видеть то, что хотят увидеть, слышат то, что хотят услышать и находят то, что хотят найти. В

мире существует все, абсолютно, но каждый сам выбирает, что из него взять. А она не выбирает. И ей, словно, без разницы, где она находится и что с ней происходит, она все принимает с любовью и благодарностью. Каждый человек уверен, будто разбирается, как устроен мир и что от него можно ждать, и именно это и получает, а она, словно, ребенок читает его вслух, как открытую книгу. И ничто из того, что она узнает не вызывает в ней неприязни. Она распахнута для всего и для каждого и думает, что все вокруг так же распахнуто и для нее, и нет ничего такого, чтобы залезть кому-то в душу. Какое-то тотальное доверие. И мир проходит сквозь нее всей своей космической мощью, вырываясь белым пламенем. Эта Сила очищает мир, выжигая из него то, чего в нем быть не должно. Нашептывая ей какие-то правильные слова и истины, которые она не понимает, но принимает. Что она вообще такое?!

Сумрак останавливает машину. Оглядываюсь по сторонам – мы все еще неизвестно где, но, совершенно точно, отъехали далеко от Города.

– Дальше можно только пешком.

Ночь темная, на небе ни луны, ни звезд – все затянуто тяжелыми тучами. Мы идем между деревьями, и Сумрак слишком проворен для того, кто редко оказывается в лесу. А я, наоборот, то и дело спотыкаюсь, будто первый раз пошел в поход с опытным проводником. Это немного раздражает. Сейчас я в своем царстве, а не он.

– Давай постоим минутку? – прошу я и прислоняюсь спиной к дереву. – Дай передохнуть.

Сумрак не спорит, замирает в паре шагов от меня.

– Ты пил таблетки Лекаря? – спрашивает он.

– Пил, но не те, а голубые.

– Сколько?

– Много.

– Все равно больно?

– Все равно.

Будь Сумрак нормальным мужиком, уже давно бы предложил помощь: унял боль, затянул раны, вкачал в меня столько Силы, что я бы еще несколько дней скакал без остановок и перерывов на сон. Но нет, он любит, когда все правильно. Когда человек совершает поступок и полностью берет на себя ответственность за свой выбор и разбирается с последствиями этого выбора.

Ночь липнет ко мне, травы нашептывают: “Будь зверем и беги, слейся с деревом, покройся мхом, стань холодным камнем, смотри, как роса исчезает на заре, уйди под землю, пусти корни, дыши ветром, укройся паутиной и сосновой корой. Будь зверем. Будь зверем”. Сумрак внимательно следит за мной, знает, что я слышу зов леса, но не собирается отдавать меня ему, перебивает этот зов своим голосом:

– Зачем ты потащил ее к Локи?

Очередной вопрос, на который мне надо придумать убедительный ответ.

– У меня было к нему кое-какое дело. Мы просто заскочили по пути, – с силой растираю лицо руками, пытаюсь отогнать усталость и вдруг накатившую дрему.

– Волк, ты или завязывай придуриваться, или я тебя еще раз стукну. Как тебе вообще могло прийти такое в голову?!

– Какое?!

– Нет, неужели ты мог всерьез решить, представить на секундочку, что возможно, только лишь возможно, она – его морок?! Ты действительно счел ее иллюзией?!

Как же задолбала эта его манера задавать вопросы, заранее зная все ответы!

– А почему нет?! Она внезапно появляется тут вместе с этим дурацким поездом... и вообще с ней все совсем не так, как обычно бывает с теми, кого забрасывает сюда из других миров! Локи мог сделать такое!

Сумрак смотрит на меня взглядом, который так и читается: “да неужели?” и, не говоря ничего больше, продолжает путь. Я лишь тяжело вздыхаю и тащусь следом.

– И все же, куда мы идем? – спрашиваю.

– Скоро узнаешь.

– Если ты собрался прикончить меня где-то в глуши, чтобы мой труп никто не нашел, знай, что с рук тебе это не сойдет.

– Прекрати нести чушь.

– Мне паршиво. Я не знаю, сколько нам еще идти. У меня все болит. Я подрался с бездомным. Я хочу нести чушь.

Сумрак игнорирует меня, и я продолжаю:

– Эта штукавина, что сидит в глубине Бункера, ты же знаешь, что это?

– Догадываюсь.

– Не хочешь поделиться соображениями?

– Нет.

– Там было написано мое имя. Мое, блин, имя! Кто вообще знает мое настоящее имя кроме тебя?

Сумрак не тянет с ответом:

– Локи.

– Ах, да, Локи! Возможно, это он пробрался в бункерные лабиринты тихонько, так, что никто из нас не заметил, бродил там, словно знаком с каждым закоулком, накорябал мое имя, веселья ради, и незаметно слинял. Отличная шутка, но слабо в это верится, знаешь ли. Так ты ответишь прямо?

– Волк, что с тобой? Раньше ты любил загадки.

– Ах, это такая загадка для меня? Ты так решил разнообразить мой досуг?

– Он у тебя и так чертовски разнообразен.

– Не стану отнекиваться. И все же. Учитывая тот факт, что Сказка его чувствует, как ты думаешь, он для нее не опасен?

Сумрак вдруг останавливается так резко, что я чуть ли не врезаюсь ему в спину.

– Что ты имеешь в виду, говоря «опасен»? – спрашивает он холодно.

– Знаешь, обычные люди называют опасным то, что может причинить вред их жизни или здоровью. У тебя не так?

– Обычные люди живут в своих уютных домах и чувствуют там себя в безопасности, но если случится пожар, и все погибнут? Так ли безопасны эти дома? Пистолет создан, чтобы ранить и убивать. Но опасен ли он, когда просто лежит на столе? Собака может быть доброй и ласковой, но это не отменяет того, что у нее острые зубы и она может укусить. И если она за всю жизнь никого не покусала, нужно ли считать ее опасной или нет? – его глаза сливаются с чернотой этой ночи и кажется, что их тьма может затянуть все вокруг куда-то вглубь него, туда, где Сумрак берет свое начало. – Если ты хочешь знать, способно ли то существо причинить вред – однозначно, способно. Станет ли оно это делать? Я не знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.